

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

КОЛОМЛИНА Ирина Владимировна

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Фурс Людмила Алексеевна

Тамбов 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ.....	10
1.1. Теоретические аспекты изучения властных отношений в гуманитарных науках.....	10
1.1.1. Властные отношения как объект изучения в философии	10
1.1.2. Властные отношения как объект изучения в политологии.....	15
1.1.3. Властные отношения как объект изучения в психологии.....	20
1.1.4. Властные отношения как объект изучения в социологии.....	25
1.1.5. Властные отношения как объект изучения в лингвистике.....	29
1.2. Когнитивные основы моделирования властных отношений в языке.....	34
1.2.1. Фрейм ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	36
1.2.2. Языковая интерпретация властных отношений.....	51
1.2.3. Когнитивные и языковые механизмы формирования знания о властных отношениях.....	58
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	65
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ.....	68
2.1. Моделирование властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО.....	68
2.1.1. «Получение выгоды» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	70
2.1.2. «Закон» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	74
2.1.3. «Авторитет» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	81
2.1.4. «Превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	86
2.1.5. «Шантаж» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	90
2.2. Моделирование властных отношений в контексте концептуальной	

области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	94
2.2.1. «Получение выгоды» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	96
2.2.2. «Закон» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	99
2.2.3. «Авторитет» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	103
2.2.4. «Превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	107
2.2.5. «Шантаж» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	111
2.3. Моделирование властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	113
2.3.1. «Получение выгоды» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	116
2.3.2. «Закон» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	119
2.3.3. «Авторитет» как мотив подчинения в модели властных отношений....	121
2.3.4. «Превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	126
2.3.5. «Шантаж» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	130
2.3.6. «Страх перед наказанием» как мотив подчинения в модели властных отношений.....	132
2.4. Общее и частное в моделировании властных отношений в языке.....	135
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
Список использованной научной литературы.....	161
Список использованных словарей.....	179
Список источников фактического материала.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена проблеме моделирования властных отношений в языке. Выбор темы исследования обусловлен необходимостью проведения комплексного анализа такого сложного феномена, каким являются властные отношения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что многоаспектный характер властных отношений может быть раскрыт только с учетом анализа их когнитивной основы, что требует привлечения методологического аппарата когнитивной лингвистики, рассматривающей взаимодействие когнитивных и языковых структур в интерпретации различных явлений окружающей действительности, в том числе и различных аспектов социальной когниции. Когнитивный подход позволяет представить модель той структуры знания, которая привлекается для осмысления властных отношений, а также выявить когнитивные и языковые механизмы формирования смысла о властных отношениях на материале русского и английского языков. Актуальным также является изучение процесса оценочной интерпретации властных отношений.

В качестве **объекта исследования** выделяются средства репрезентации властных отношений в языке.

Предметом исследования является моделирование властных отношений в языке.

Гипотеза исследования заключается в том, что в языке властные отношения моделируются в виде фрейма с обязательными (субъект властных отношений, акт властных отношений, объект властных отношений, мотив подчинения) и факультативными (инструмент, способ установления властных отношений, цель) компонентами и осмысляются в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

В качестве **цели** ставится описание модели властных отношений в языке и установление когнитивных и языковых механизмов формирования знания о властных отношениях.

Для достижения поставленной цели выдвигаются следующие **задачи**:

1) изучить основные подходы к исследованию властных отношений в разных областях знания и определить понятие властных отношений;

2) установить характеристики концептов SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ, DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ, POWER/ВЛАСТЬ, которые лежат в основе знания о властных отношениях;

3) определить основные концептуальные области, в контексте которых формируется знание о властных отношениях;

4) описать и смоделировать структуру фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ;

5) выявить и описать когнитивные и языковые механизмы формирования знания о властных отношениях с позиции первичной и вторичной языковой интерпретации;

6) установить общее и частное в моделировании властных отношений на материале английского и русского языков.

Для решения поставленных задач используются следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки, концептуально-дефиниционный анализ, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, фреймовое моделирование.

Научная новизна исследования заключается в том, что устанавливаются содержательные характеристики концептов SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ, DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ, POWER/ВЛАСТЬ, которые выступают концептуальной основой для моделирования фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а также определяются основные концептуальные области, в контексте которых осмысляются властные отношения, такие как ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Выявляется структура фрейма пропозиционального типа ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, для которого характерна частичная событийность.

Новым является установление общих закономерностей и частных проявлений в моделировании властных отношений в языке. Значимость представляет и определение когнитивных механизмов профилирования, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуальной метафтонимии, концептуального сравнения и инференции в процессах формирования знания о властных отношениях.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты позволяют углубить теорию когнитивного моделирования за счет представления фреймовой модели властных отношений, а также общую теорию репрезентации знания в языке, так как результаты исследования отражают взаимодействие между концептуальными характеристиками властных отношений и средствами их объективации. Исследование также вносит вклад в развитие теории вторичной интерпретации за счет выявления и описания когнитивных и языковых механизмов формирования оценочного знания о властных отношениях.

Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов по когнитивной лингвистике, когнитивной семантике, в теории и практике перевода, при подготовке научно-квалификационных работ.

Теоретической базой исследования послужили работы в области когнитивной лингвистики (Л.В. Бабина, Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Л. Гуссенс, Т.А. ван Дейк, Р. Джекендофф, М. Джонсон, З. Ковечес, Дж. Лакофф, Р. Лэнкер и др.), теории интерпретации (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, С.Г. Виноградова, В.З. Демьянков, О.Г. Дубровская, Е.С. Кубрякова, А.Ф. Лосев, О.В. Магировская, Л.А. Панасенко, Ю.С. Степанов, Л.А. Фурс и др.) и теории когнитивного моделирования (Н.Н. Болдырев, В.Б. Гольдберг, Р.И. Устарханов, Н. Гисборн, Л. Гуссенс, Дж. Лакофф, Ф.Х. Руиз де Мендоза, Ф. Унгерер и др.).

Материалом для проведения эмпирического анализа послужили 4000 примеров из корпусов (British National Corpora, Национальный корпус русского

языка, Карта слов и выражений русского языка), а также из публицистических текстов из авторитетных Internet-источников и онлайн-словарей.

В результате проведенного исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту:**

1. Властные отношения представляют собой волевое воздействие, оказываемое субъектом на объект с позиции доминирования. Характеристиками концептов SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ, DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ, POWER/ВЛАСТЬ являются «сила», «контроль» и «влияние».

2. Фрейм ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ моделируется на основе выявленных характеристик концептов SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ, DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ, POWER/ВЛАСТЬ и является пропозициональным с частичной событийностью. К обязательным компонентам фрейма относятся субъект властных отношений, акт властных отношений, объект властных отношений, мотив подчинения. Факультативные компоненты фрейма включают цель, инструмент и способ установления властных отношений.

3. Властные отношения реализуются в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

4. Основой моделирования властных отношений в языке выступает вариативность мотивов подчинения, таких как «получение выгоды», «авторитет», «закон», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж» и «страх перед наказанием», в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

5. Наиболее значимым факультативным компонентом фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступает способ установления властных отношений, представленный следующими концептами: COMPULSION/ПРИНУЖДЕНИЕ, PERSUASION/УБЕЖДЕНИЕ, PRESSURE/ДАВЛЕНИЕ, DICTATORSHIP/ДИКТАТ, VIOLENCE/НАСИЛИЕ, THREAT/УГРОЗА, которые раскрывают особенности волевого воздействия.

6. Властные отношения рассматриваются сквозь призму первичной и вторичной, оценочной, интерпретации. В ходе первичной интерпретации активируются когнитивный механизм профилирования и языковые механизмы номинации и использования глагольных конструкций. В области оценочной интерпретации значимыми являются когнитивные механизмы концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуального сравнения, концептуальной метафтонимии, инференции. Языковые механизмы представлены фразеологизмами и сравнительными конструкциями.

7. Общими показателями в моделировании властных отношений в контексте выделенных концептуальных областей выступают следующие мотивы подчинения: «получение выгоды», «авторитет», «закон», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж». Дифференциальным признаком является мотив подчинения «страх перед наказанием», который активизируется только в контексте концептуальной области **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**.

Обоснованность и достоверность полученных результатов определяется применением комплекса методов лингвистического анализа, привлечением аутентичных источников к проведению фактологического анализа, логичностью теоретических положений.

Апробация работы. Основные положения работы отражены в материалах, представленных на международных, всероссийских и вузовских конференциях: XI, XII Международная научная конференции «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов 2023, 2024), Всероссийская научная конференция с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (Тамбов 2023), Круглый стол «Язык и знание: на пути получения знания о языке, человеке и мире» (Москва 2023), IV Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации» (Орел 2024), Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию д.ф.н., проф. Н.А. Кобриной «Язык – Текст – Дискурс: Когнитивные и

функциональнолингвистические исследования» (Санкт-Петербург 2025), XIII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Пятигорск 2026). Результаты исследования изложены в 7 публикациях, в том числе в 3 статьях в изданиях из Перечня ВАК (К2), 1 статье в журнале, входящем в Перечень ВАК (К1) и индексирующемся в международной базе данных Scopus (Q1).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, включающего 196 наименований, списка использованных словарей и списка источников фактического материала.

Во **Введении** обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, описываются его цели, задачи, предмет, объект, выносимые на защиту положения, выдвигается гипотеза и отмечается апробация результатов.

В **Главе I «Теоретические основы моделирования властных отношений в языке»** рассматриваются различные подходы к изучению властных отношений сквозь призму политологии, философии, социологии, психологии и лингвистики; описываются основные положения языковой интерпретации властных отношений; выявляется концептуальная основа фрейма **ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**, а также основные концептуальные области, в контексте которых осмысляются властные отношения. Рассмотрены когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования оценки волевого воздействия.

В **Главе II «Особенности моделирования властных отношений в языке»** анализируются конкретные языковые и когнитивные механизмы формирования знания о властных отношениях в контексте основных концептуальных областей **ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** и **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**; проводится сопоставительный анализ, в ходе которого выделяется общее и частное в моделировании властных отношений в проекции на выделенные концептуальные области.

В **Заключении** в обобщенной форме излагаются результаты проведенного исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

1.1. Теоретические аспекты изучения властных отношений в гуманитарных науках

Властные отношения – это многогранное явление, к исследованию которого обращались философы, политологи, социологи, психологи и лингвисты. Интерес представляет, как подходили к определению данного понятия представители разных научных направлений.

Рассмотрим, какие аспекты этого понятия находились в фокусе внимания философов.

1.1.1. Властные отношения как объект изучения в философии

Формирование научных подходов к проблеме власти связано с философскими учениями Конфуция (551-479 гг. до н.э.), Мо-цзы (479-400 гг. до н.э.) и основоположника даосизма Лао-цзы (VI-V вв. до н.э.), а также идеями легиста Шан Яна (390-338 гг. до н.э.) в Древнем Китае. В Древней Индии значение имело учение Будды, а в Древней Персии – Заратустры. На сущность властных отношений в Древней Греции одним из первых указал Аристотель, охарактеризовав «власть как свойство сложной системы, состоящей из нескольких компонентов, среди которых обнаруживается властвующий элемент и подчиненный элемент» (цит. по: [Ледяев 2001: 25]). Аристотель считал, что дихотомия «власть-подчинение» важна для общества по причине необходимости объединения субъекта и объекта властных отношений в целях выживания. По мнению философа, такие отношения строятся в зависимости от области их осуществления: отношения между рабом и владельцем, в сфере государственного управления. С учетом выделенных областей реализации властных отношений им

было определено два нетождественных вида власти – «власть господина» и «власть государственная».

На следующем этапе развития философских идей, уже в период Средневековья, такие философы, как Августин Аврелий и Фома Аквинский стали рассматривать понятие властных отношений в преломлении к теологическому подходу, предполагающему подчиненность государственного аппарата церкви. Они представляли власть как отношения между субъектом в виде государства, являющегося результатом Божьей воли, и объектом как общественным существом. По их мнению, формы правления в государстве разделялись на три правильных (аристократия, монархия, город-государство) и три неправильных (тирания, олигархия, демократия) в виду того, что должна быть соблюдена субординация: государь олицетворяет народ и заботится о нем, а народ обязан беспрекословно подчиняться [Блаженный 1998].

Эпоха Возрождения характеризуется отрицанием принятой ранее взаимосвязи власти и религии. В этот период появились идеи об утопичном государстве, в котором господствуют «равенство» и «народовластие» (Т. Мор, Т. Кампанелла).

Эпоха Просвещения известна появлением концепции «общественного договора» – соглашения между гражданами по вопросам правил и принципов руководства в государстве, включающем разделение государственной власти на три ветви: исполнительную, судебную и законодательную. Данная идея нашла свое отражение в работах Т. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Как указывает Т. Гоббс, государство соотносится с бюрократическим механизмом и подчеркивается репрессивное направление во взглядах правительства, когда целостность государства сохраняется на основании страха и силы принуждения [Гоббс 2021]. В работе Д. Локка указывается цель подчинения людей государству – сохранение своей собственности в рамках взаимодействия с членами общества по установленным законам (прим. регулируемыми законодательной и исполнительной ветвями власти), так как, имея «естественную власть», человек совершает поступки только в рамках законов природы, что противоречит

моральным устоям той современности и приводит к исключению из общественного круга [Локк 1988]. Согласно мнению Ж.-Ж. Руссо, государственная власть соотносится с «общественным договором» [Руссо 1969].

Представители немецкой классической философии – И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте – рассматривают, вслед за Т. Гоббсом, государство в качестве машины, осуществляющей тотальный контроль всех сфер жизнедеятельности граждан. Отличительной чертой этого периода является выделение «полицейской» функции у государства [Кант 1994; Фихте 1993]. Также вызывает интерес философская концепция Г. Гегеля о господстве как типе властных отношений. При этом подразумевается, что раб трудится на благо господина и готов за него лишиться жизни [Гегель 2000].

В XIX веке происходило становление отечественной философской мысли. Понятию властных отношений уделяется внимание в концепциях А.С. Хомякова, А.И. Герцена, Н.И. Чернышевского, С.Н. Булгакова, которые развили мысль Г. Гегеля о явлении «очеловечивания» в области властных отношений, связанной со сближением политики и морали. Эти авторы считали, что властные отношения между индивидуумами должны быть упразднены, так как это элемент безнравственности, и заменены на отношения любви, только с условием, что данная идея не распространяется на государственную власть, так как та, прежде всего, не может существовать без силы, контроля и мощи [Хомяков 2024; Герцен 1987; Чернышевский 1987; Булгаков 1993].

В философии Н.А. Бердяева представлен критический взгляд на государство за его репрессивность в отношении граждан, которые выступают против несправедливой государственной политики, но при этом не отрицается государственность как проявление власти. Что касается теории «общественного договора» и классовой теории марксизма, то они в работах этого философа критикуются [Бердяев 2006].

Необходимо упомянуть и о неклассических философских версиях понимания власти, которые были связаны с пересмотром ее видения как идеологического, подконтрольного разуму феномена и рассмотрением ее в более

широких философских контекстах. Например, Ф. Ницше видел проявление властных отношений в социуме сквозь призму нигилистического подхода. Он считал, что власть по сути метафизическая, выстраиваемая сознательно как принцип жизни. Природа воли к власти заключается, по Ф. Ницше, не в том, чтобы просто господствовать, а в том, чтобы творить и отдавать [Ницше 2005].

Представитель немецкого экзистенциализма М. Хайдеггер разграничил два вида власти – власть вещей (материального) и власть идей. Духовное воздействие на личность человека проявляется в формировании его внутреннего мира и самоконтроля. Через воздействие высших идеалов и моральных принципов человек обретает способность к саморегуляции и самосовершенствованию. Власть идей играет ключевую роль в становлении личности, определяя ее уникальность и неповторимость. Она формирует основу для развития личной свободы выбора и осознанной ответственности за свои поступки [Хайдеггер 1991]. Иными словами, был поставлен вопрос о роли личности в установлении властных отношений. Помимо этого, он отмечал также роль ораторских способностей человека как необходимого качества для управления другими [Хайдеггер 2006]. Аналогичная идея представлена и в размышлениях Р. Барта о власти, воплощенной в языке [Барт 2001].

М. Фуко указывал, что природа власти обращена к сфере бессознательного. Она обнаруживает свои подлинные «намерения» на микроуровне социальной жизни и осмысливается не только в виде государственных институтов и социальных гегемоний, но и выходит за их рамки, охватывая все общество, например, «врач-пациент», «учитель-ученик», симметрично располагаясь на всех уровнях функционирования индивидуума [Фуко 1996]. Также М. Фуко вводит новое понятие «власть-знание» обозначающее знание, которое предопределено целями и задачами власти, формирующей свои объекты [там же].

Анализ концепции властных отношений М. Фуко и его последователей позволил выделить отличительные черты властных отношений:

- безличность, т.е. власть не руководствуется волей субъектов;

- необходимость взаимоотношений, где всегда есть два субъекта, один из которых может оказаться неодушевленным лицом (например, государство или социальный институт);
- децентрализация, т.е. власть концептуализируется не только внутри одного класса или между двумя постоянными субъектами;
- многогранность, где субъекты не только разные по статусу, но и эгалитарные;
- интенция, или преднамеренность [Фуко 1996; Kelly 2014: 37].

Новым подходом в определении властных отношений является философская концепция А.В. Кожева, в которой выдвигается идея антропогенного желания признания. Автор выделяет во властных отношениях новую фигуру – гражданина как субъекта права [Кожев 2006: 307].

В американской философии в работах Х. Арендт наметился подход выделять новую область, где проявляются властные отношения – это межличностный уровень, в качестве которого определяются отношения между родителями и детьми. В своей концепции «без насилия» автор утверждает, что мать подчиняет властным законам семьи ребенка [Арендт 2012].

Характерно, что в настоящее время в русле философского подхода власть отождествляется с авторитетом. «Коррелятом ее является уважение; этическую ценность она представляет собой тогда и только тогда, когда так направляет уважающего ее, что тот оказывается в состоянии осуществлять большее количество более высоких ценностей» [Философский энциклопедический словарь 2009].

Помимо этого, в работах современных исследователей изучается подход к определению власти в рамках трех концепций «власть над», «власть для», «власть против» [Ледяев 2001; Пионткевич 2008], где в первом случае рассматриваются такие межличностные отношения, которые позволяют одному человеку изменять действия другого при помощи различных методов и средств; во втором случае – властью наделены не индивиды, а безличные социальные институты в большей или меньшей степени.

Концепция «власть против» – это альтернативная трактовка власти, первоначально разработанная Ф. Ницше и впоследствии уточненная современным американским философом А. Данто, который утверждает, что понятие власти как «воли к власти», «как направленной вовне силы, что отталкивает то, что стоит на пути», позволяет дополнить дихотомические отношения «господин-подчиненный» бинарной оппозицией «господин-господин» [Данто 2001].

Таким образом, в области философии выработался подход рассматривать властные отношения в таких областях, как производственные, государственные и межличностные отношения. Была отмечена роль различных институтов и органов власти в области государственных отношений и роль авторитета и ораторских способностей в качестве инструмента установлении власти в области межличностных отношений.

Обратимся далее к определению специфики властных отношений в такой области знания, как политология.

1.1.2. Властные отношения как объект изучения в политологии

В области политологии понятие властных отношений было дополнено указанием на важность законодательной базы в процессах реализации властных отношений. Согласно Н. Макиавелли, правитель – это лицо государства, и он должен доминировать, используя рычаги своего властвования [Макиавелли 2000]. Эта мысль прослеживается в установке, что права граждан и права членов правительства должны разграничиваться [Штрайх 1951], а также должны быть разработаны принудительные или карательные меры за игнорирование законов внутри государства [Соловьев 1989].

М. Вебер ввел понятие легитимности власти в политических кругах. По его мнению, легитимность основывается на трех типах социального действия в зависимости от мотивов: рациональный интерес, эмоциональная обоснованность, привычка или бессознательное; и имеет три типа своего проявления: легальный (подчинение людей законам), традиционный (в основе

иерархии лежат принципы сословной принадлежности) и харизматический (следование в состоянии аффекта за лидером) [Вебер 2016]. Фактически, в этом положении были намечены источники власти, к которым относится законодательная база, статус и харизматичность человека.

Другим аспектом, на который было обращено внимание исследователей, является теория элит. Было отмечено, что общество подразделяется на правящее меньшинство и подчиняющееся большинство. Качества, которыми должны обладать члены элиты, по мнению Г. Моска, следующие: способность к управлению людьми, организаторская способность; моральное, материальное и интеллектуальное превосходство [Моска 2010: 22]. Созвучна этому положению и мысль Р. Михельса о «железном законе олигархии», согласно которому в условиях демократии создание крупных организаций неизбежно ведет к олигархизации и формированию элиты [Михельс 2000]. А.В. Парето, рассуждая об элитах и их циркуляции, отмечает, что часть подчиняющегося большинства может осуществить внезапное насильственное свержение власти – членов правящего меньшинства [Парето 1997]. Дж. Сартори акцентирует внимание на «равенстве возможности», которое предполагает вертикальные процессы, где происходит движение от массы к элите, и определяет технологию демократии. Иными словами, член общества, обладающий выдающимися для лидера качествами, становится членом элиты и может оказывать, таким образом, влияние на окружение [Сартори 1993].

Идея разделения на классы, которые влияют на осуществление властных отношений, прослеживается в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. При этом отмечается, что власть является фактором, который делает более прочным положение господствующего класса, занимающего ведущее место в экономической жизни общества. Она присутствует тогда, когда есть конфликт двух и более волей, одна из которых подчиняет другую. По мнению исследователей, эта власть проявляется в трех основных ресурсах: власти денежного, товарного и производительного капитала [Маркс, Энгельс 1960].

М. Вебер, также рассуждая о стратификации общества, продолжает мысль о привилегиях членов одного классового статуса над другим и существовании «классовой борьбы» как акта властных отношений, где один из участников статусной группы действует в соответствии со своей волей, не обращая внимания на сопротивление других членов статусной группы [Вебер 1994]. Согласно К. Попперу, опираясь на идею разделения на классы, все существующие формы государственного правления являются диктатурами правящего класса вне зависимости от их названий [Поппер 1992].

Х. Арндт, проводя исследование явления тоталитаризма, приходит к выводу, что идеологические взгляды и межпартийная борьба могут выступать в качестве источника установления власти [Арндт 1992]. На этой основе в области политологии получила развитие и идея конфликтологического понимания властных отношений, согласно которой причиной различных конфликтов являются отношения господства и подчинения, а не собственности [Дарендорф 1994]. В русле данного подхода выделяются стратегии борьбы за власть, которые используются конфликтующими сторонами [Дойч 1997].

Следует отметить и существующие взгляды исследователей на предпосылки властных отношений. Так, К. Шмитт соотносит понятие власти с отношениями «враг – друг» [Шмитт 2021]. На роль средств массовой коммуникации в пропаганде властных полномочий государственных чиновников и политических деятелей указывает Р. Дебре [Дебре 2009]. О роли принуждения и верования пишет в своих работах М. Дюверже. Среди форм принуждения, включающих материальные или физические аспекты (полиция и армия), психологические и психосоциологические аспекты (результат давления обычаев и пропаганды), исследователем выделяются три ключевых принципа, на которые опираются властные отношения – социальное давление, материальное принуждение со стороны властей и пропаганда властных структур. М. Дюверже указывает также на роль конформизма в поддержании властных отношений. Иными словами, подчинение может быть естественным. Для него существуют рациональные (отрицание анархии) и иррациональные предпосылки (традиции и воспитание).

Также исследователь утверждает, что сила играет не последнюю роль в установлении комплексного явления власти. Существует три формы проявления силы: физическое принуждение (казнь, тюрьма, пытки, оружие, танки и т.д.), принуждение личным воздействием (воздействие посредством авторитета, так как человек старше, умнее, харизматичнее и т.д.), экономическое принуждение (денежные ресурсы), принуждение организацией (политические партии), классическая пропаганда (убеждение управляемых подчиняться), современная пропаганда (агитационная кампания, реклама) (цит. по: [Алексеева 1997]).

Отечественные политологи также уделяли внимание толкованию властных отношений. Так, П.А. Кропоткин и М.А. Бакунин отрицают власть чиновников и противодействуют институтам власти того времени, указывая на идею «анархизма как главенствующую в свержении диктатуры» [Бакунин 1989; Кропоткин 1990]. Аналогичные взгляды выражают П.Н. Ткачев и К.Н. Леонтьев [Ткачев 1976; Леонтьев 1992].

Противоположной точки зрения придерживается Б.Н. Чичерин, утверждавший, что только государство есть основанный на власти абсолютный союз, который, в отличие от исторически предшествующих ему союзов, таких как семья (естественный), церковь (нравственный), гражданское общество (юридический), служит, прежде всего, идее общего блага [Чичерин 1898]. О властных отношениях рассуждал и В.И. Ленин, признавая необходимость тотального контроля за всеми членами общества, которые трудятся на всенародное благо [Ленин 1974].

В отечественной политологии ставился вопрос и о стратегиях властных отношений, например, В.Г. Ледяев поднимает тему оснований легальности авторитета правящей элиты, использующей такие стратегии установления властных отношений, как манипуляция и убеждение [Ледяев, Ледяева 2013].

Образное определение властных отношений характерно для А.И. Стронина, утверждавшего, что их можно представить в виде пирамиды, в основании которой выделяются статический образ общества и динамический аспект, в соответствии с которым индивид может одновременно входить в состав нескольких

общественных союзов – концентрических кругов (семья, община, государство), становясь субъектом или объектом властных отношений внутри них [Стронин 2017]. Значимость этого положения для данного исследования заключается в выделении участников типичной ситуации властных отношений – субъекта и объекта, а также в признании вариативного характера властных отношений, что предполагает наличие разных контекстов их проявления. На другие составляющие ситуации властных отношений указывает В.А. Ачкасов, выделяя наряду с субъектом и объектом также источник, основания и ресурсы властных отношений. В проекции на область ГОСУДАРСТВО субъектом выступают государственные институты; объектом – население страны, социальные группы или отдельные личности; источником власти является закон, сила, авторитет, престиж, богатство, интерес, тайна, харизма, знания, идеи и организация; основанием власти считается фундамент, на котором базируются источники власти. Ресурсы власти разделяются по сферам применения: экономические, социальные, культурно-информационные, правовые, силовые и т.д. Утверждается, что властные отношения строятся на психологическом уровне и зависят от готовности подчиняться одним участником властных отношений другому, а также мотивов повиновения [Ачкасов 2024: 46-47].

Таким образом, в области политологии также была выдвинута идея о том, что властные отношения проявляются на государственном уровне, в производственной сфере и в области межличностных отношений. Было установлено, что власть должна рассматриваться как установление политического режима в государстве и главенство лидера государства посредством закона, знаний, денежных ресурсов, харизмы, авторитета, силы. В качестве способов установления такой власти выделяются убеждение и манипуляция. «Господство – подчинение» являются, с одной стороны, следствием властных отношений, а с другой стороны, причиной конфликтов в этой области. Сформулированная исследователями в области политологии модель властных отношений в виде пирамиды свидетельствует о существовании «вертикали власти».

Обратимся далее к определению специфики властных отношений в такой области знания, как психология.

1.1.3. Властные отношения как объект изучения в психологии

В области психологии значимость в объяснении природы власти имеет психоаналитическая традиция З. Фрейда, в рамках которой автор рассматривает «власть как отношение сознательного и бессознательного начал в личности, господства последнего, а также необходимость их познания и управления» [Фрейд 1990: 406]. Необходимо отметить, что З. Фрейд изучал феномен вождизма, и указывал, что вождь выступает в роли отца народа, идеала, а проявление властных отношений между индивидуумами происходит из-за недостаточности взаимодействия объектов подчинения со своими отцами [Фрейд 2017: 160-174].

В рамках этой традиции исследовал концепт власти и К.Г. Юнг, отмечая ее глубинную связь с коллективным бессознательным. По его мнению, власть не может существовать отдельно от этого фундаментального слоя коллективной психики. Можно сказать, что для К.Г. Юнга архетипы коллективного бессознательного представляют собой энергетические сгустки, хранящие в себе эмоциональную память человечества. Они, являясь универсальными паттернами, неизменно воспроизводятся в культурах разных стран. Согласно концепции К.Г. Юнга, истинная власть доступна только тому человеку, который способен проникнуть в сферу «коллективного бессознательного» через постижение «архетипов» [Юнг 1996].

Э. Фромм изучал преимущественно автократическую власть, которую описывал в терминах садистско-мазохистских стремлений так: «Можно назвать три типа садистских тенденций более или менее тесно связанных друг с другом. Первый тип – это стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними. Второй тип – стремление иметь не только абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их,

использовать и обкрадывать. Третий тип садистских тенденций состоит в стремлении причинять другим людям страдания или видеть, как они страдают. А все разнообразные формы мазохистских стремлений направлены к одному: избавиться от собственной личности, потерять себя; иными словами, избавиться от бремени свободы» [Фромм 2016: 579-584].

На важность обоснования условий властных отношений указывает А. Адлер, подчеркивая, что существует два вида власти: «власть, основанная на силе (чувстве компетентности, состоятельности и т.п.), и власть, основанная на слабости (чувстве неполноценности, некомпетентности и т.п.)» [Адлер 1999: 234]. С аналогичных позиций к анализу властных отношений подходит К. Хорни, отмечая необходимость рассматривать в качестве условий влияние культуры на формы выражения стремления к власти [Хорни 1997].

На влияние социокультурной среды на процесс развития личности, которое проявляется и в особенностях властного поведения указывает также Дж. Лассуэлл [Lasswell 1931]. Он предлагает психопатологическую типологию политических лидеров, которая подразделяется на три типа (агитатор, администратор, теоретик) в зависимости от влияния бессознательных факторов на их действия в рамках пропагандистского влияния [Lasswell 1931: 187-188].

Другим из направлений изучения феномена власти в рамках психологии является статусно-ролевая концепция власти К. Левина, опирающаяся на теорию лидерства. Как уже отмечалось ранее, харизматический лидер способен оказывать влияние и властвовать над группой людей. Исследователь выделяет три стиля лидерства: автократический (авторитарный), либеральный (попустительский) и демократический [Левин 2000].

Исследовательский интерес Г. Мюррея к определению роли потребностей в описании личности также связан с рассматриваемой проблемой властных отношений. Среди выделяемых ученым потребностей присутствует и потребность во власти. Мотив к совершению акта власти определяется внутренним или внешним давлением [Murray 1951].

Развивая взгляды Г. Мюррея, оригинальную концепцию власти предложил С.Б. Каверин, в которой он рассматривает ее как особую форму «квазипотребности». В основе этой концепции лежит объединение пяти фундаментальных потребностей личности:

- стремление к свободе;
- гедонистические потребности;
- потребность в самоутверждении;
- необходимость самовыражения;
- желание реализовывать себя как личность.

По мнению автора, совокупная характеристика этих потребностей и составляет психологический портрет лидера, наделенного властью. На основании этих потребностей С.Б. Каверин разработал классификацию, выделяющую пять психологических типов личности: нонконформист (доминирует стремление к свободе), конформист (преобладают гедонические потребности), диктатор (доминирует желание самоутвердиться через статус и престиж), авантюрист (власть воспринимается как игра, самое главное – самовыражение), демократ (преобладает потребность в личностной реализации) [Каверин 1991]. Аналогичный подход представлен в работах Н.Р. Прониной и А. Манегетти [Пронина 2017; Манегетти 2007].

В рамках экзистенциально-гуманистических концепций был поставлен вопрос о важности ответственности лидера, наделенного властью (см. работы К. Роджерса, Г. Олпорта, Э. Мейо и др. [Rogers 1977; Allport 1960; цит. по: Бурганова, Савкина 2007]). В своих исследованиях А. Маслоу уделяет значительное внимание феномену авторитарной личности. Особое место в его работах занимает анализ характера индивидов, которые испытывают непреодолимую тягу к власти и стремление доминировать [Маслоу 2008].

Помимо этого, в рамках психологического подхода к изучению концепта власти была разработана дескриптивная модель действия власти (см. Рис. 1) [Хекхаузен 2003: 580]:

Рис. 1. Модель действия власти

Как показывает данная модель, у субъекта властных отношений должна возникнуть мотивация. При этом он осознает потенциальное сопротивление со стороны объекта воздействия. Далее субъект проводит анализ доступных ему источников власти, выбирая наиболее эффективные в данной ситуации. Ключевым фактором при выборе выступает характеристика внутренних барьеров личности субъекта: их количество, качество и степень выраженности. Преодолев полностью или частично эти барьеры, субъект применяет выбранные инструменты влияния и отслеживает реакцию объекта. Механизм воздействия носит циклический характер. При достижении желаемого изменения в поведении объекта властное воздействие прекращается. В случае отсутствия ожидаемой

реакции процесс повторяется с учетом полученной обратной связи. Завершение властного воздействия приносит субъекту определенный психологический эффект: либо удовлетворяет его потребность в осуществлении власти, либо происходит получение важной информации о мотивах, ресурсах и внутренних ограничениях объекта властных отношений.

Фактически, данная модель отражает типичную ситуацию в области властных отношений. Вместе с тем, эта модель включает такой компонент, как средства воздействия во властных отношениях в виде убеждения, угрозы, обещания, вознаграждения, принуждения, изменения окружающей обстановки. По своим сущностным характеристикам данные показатели могут рассматриваться как способы установления властных отношений.

Аналогичный подход к представлению властных отношений на основе типичной ситуации с выделяемыми в ее структуре составляющими компонентами характерен и для А.Г. Конфисахора. Базовой моделью его концепции выступает ситуационная модель из четырех взаимосвязанных компонентов: «цель – средство – результат – обратная связь». Иницилирующим элементом выступает цель, которая представляет собой стремление удовлетворить определенную потребность. При этом важно отметить, что данная потребность может, как четко осознаваться участниками процесса, так и существовать на подсознательном уровне. Инструментами модели выступают разнообразные методы достижения поставленной цели посредством воздействия: например убеждение или физическое принуждение. Конечным результатом взаимодействия становится комплекс реакций со стороны объекта власти, а также характер отношений, формирующихся между участниками. Особую роль в данной системе играет механизм обратной связи, который демонстрирует, как реакция объекта власти влияет на дальнейшие действия субъекта [Конфисахор 2004].

В отечественных исследованиях по психологии рассматривались такие аспекты, связанные с понятием властных отношений, как «рефлексы подражания»; «коллективные рефлексы» и «влияние толпы». Как указывалось, нахождение человека в толпе делает его полностью подчиненным власти толпы и

внушаемым (см. работы П.И. Ковалевского, Г.И. Чулкова, В.О. Ключевского и др.: [Ковалевский 2017; цит по: Александров 1991]).

Таким образом, в области психологии власть рассматривается с позиций мотивационной основы. Мотивация к власти может иметь различные истоки, которые формируются под влиянием разных факторов. Основными истоками такого стремления выступают: реальные ресурсы личности (физическая сила, профессиональная компетентность и признанный авторитет), компенсаторные механизмы (желание восполнить недостаток значимых для человека личностных качеств), психологическая защита (потребность избавиться от тревожности, вызванной осознанием собственной недостаточности). Потребность власти является неотъемлемым компонентом структуры личности. К тому же был поставлен вопрос о характеристиках типичной ситуации властных отношений и возможности рассматривать эти отношения на основе иерархии составляющих эту ситуацию компонентов, что является важным для настоящего исследования.

Обратимся далее к определению специфики властных отношений в такой области знания, как социология.

1.1.4. Властные отношения как объект изучения в социологии

Исследование властных отношений в области социологии опирается на классическую реляционистскую теорию, разработанную М. Вебером, Дж. Френчем и Б. Равеном. В ее основе лежит понимание власти как отношения, в котором субъект подавляет сопротивление объекта [Weber 1968; French, Raven 1959].

Классификация типов властных отношений представляется далее в соотнесении с механизмами влияния, способами достижения поставленных целей и результатов предпринимаемых действий:

1. Власть вознаграждения (“reward power”) реализуется посредством положительного подкрепления. Субъект, обладающий ресурсами поощрения, позитивно стимулирует объекта властного воздействия, подталкивая к желаемому

поведению, связывая его с возможностью получения определенных благ и преимуществ для себя.

2. Власть принуждения (“coercive power”) основывается на угрозе отсроченными негативными последствиями. Субъект власти использует возможность наказания для ограничения действий объекта и направления его поведения в нужное русло, когда объект уже ожидает карательных мер со стороны субъекта.

3. Нормативная власть (“legitimate power”) опирается на установленные правила и иерархические отношения, в структуре которых субъект обладает должностным положением носителя власти. Ее эффективность определяется признанием объектом права субъекта контролировать соблюдение определенных норм и регламентов и в случае необходимости настаивать на следовании этим правилам.

4. Эталонная власть (“referent power”) строится на эмоциональной привязанности и стремлении объекта подражать субъекту. Этот тип властных отношений тесно связан с харизматическим лидерством и личным авторитетом.

5. Экспертная власть (“expert power”) базируется на признании компетентности субъекта в определенной области. Объект подчиняется влиянию, поскольку признает превосходство субъекта в специальных знаниях и навыках.

6. Информационная власть (“informational power”) проявляется через контроль над значимыми сведениями. Субъект, владеющий определенной информацией, способен изменять восприятие ситуации объектом и влиять на его решения. Классическими примерами такого влияния служат манипуляции с использованием компромата или посредством шантажа [French, Raven 1959].

Фактически, в этой классификации рассматриваются различные источники или мотивы установления властных отношений, которые являются эффективными в разных интеракционных контекстах, отмечая двунаправленность властных отношений. Самим же Дж. Френчем в дальнейших исследованиях были выведены следующие мотивы подчинения: «получение выгоды», «авторитет», «закон», «страх перед наказанием», «превосходство в определенной области знаний» и

«шантаж». На ее основе этих двух была разработана другая классификация – способов установления властных отношений В.Г. Ледяевым: сила, принуждение, убеждение, манипуляция, авторитет [Ледяев 2001].

Также с позиции классической реляционистской теории властные отношения рассматривает П. Блау. Ему принадлежит концепция «обмена ресурсами», главная идея которой заключается в том, что ресурсы распределяются неравномерно: одни индивиды их лишены и нуждаются в них. В этом случае излишки ресурсов, которыми обладают другие индивиды, могут трансформироваться во власть. Излишки уступают тем, кто их лишен, в обмен на их желаемое поведение. Этим подчеркивается асимметричный характер отношений власти: тот, кто обладает излишками ресурсов, занимает более высокое социальное положение [Blau 1986].

Нельзя не упомянуть и коммуникативную концепцию власти. В рамках такого подхода подчеркивается умение навязать свою волю другому и «способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими людьми» [Арендт 2000: 266]. Наряду с этим, выдвигается идея поиска смыслов, символов и образов, которые транслирует публике представитель власти. В частности, по мнению П. Бурдьё, эффективным является использование «образа врага» как способа побуждения к подчинению [Бурдьё 2007: 87-96]. В ряде работ власть понимается как «символически генерализированное коммуникативное средство» (см.: [Луман 2001: 25]).

Характерно, что идея выделения способов достижения власти является основной и в неоклассическом анализе многомерности власти. Так, М. Хаугаард определяет в ходе эмпирического исследования четырех «измерений власти» такие способы установления властных отношений, как доминирование (“domination”) и эмансипация (“emancipation”), иными словами, сотрудничество [Хаугаард 2019]. Рассматривая механизм власти в «первом измерении» выделяется понятие «превалирования А над В», в соответствии с которым В делает то, что В в ином случае не стал бы делать [Dahl 1957]. В качестве уточнения этой ситуации С. Лукс отметил, что если интересы В лучше известны

А, чем самому В, то превалирование А над В может быть выгодно для В, намекая на сотрудничество [Lukes 2005: 83]. Еще один аспект в механизме власти в рамках «второго измерения» выделили П. Бахрах и М. Баратц, указавшие, что «А создает или усиливает социальные / политические ценности и / или институциональные практики, которые ограничивают политический процесс и сводят его до публичного рассмотрения только тех проблем, которые безвредны для А» [Bachrach, Baratz 1962: 948]. Помимо этого, исследователи акцентировали внимание на нежелательности прихода обеих сторон к договору на благо общества, который является актом сотрудничества в рамках властных отношений.

В третьем измерении власти имеет место отношение между властью и общественным сознанием акторов. В свою очередь, С. Клэгг пишет, что люди знают, как действовать в повседневной жизни и контролировать других. Это знание создает интерпретативный горизонт, который становится частью бытия человека и играет центральную роль в повседневном воспроизводстве социальных структур [Clegg, Naugaard 2009: 437-438]. Тем самым принятие или непринятие власти и сложившейся иерархии оказываются не столько результатом самостоятельного выбора, сколько продуктом предшествующего опыта. Вместе с тем, на важность процесса «управляемости» (“governmentality”) и роли авторитета указывают ряд авторов в «четвертом измерении власти» (см.: [Dean 2010; Foucault 1982: 221]).

Данные наблюдения о механизмах власти в «четырех измерениях» в соотнесении с двумя способами установления властных отношений могут быть обобщены в следующей таблице (см. Таблица 1):

Таблица 1

	Доминирование	Сотрудничество
Власть-1	А принуждает В, ущемляя интересы В (ограбление)	А принуждает В эпизодически, но В сохраняет возможность, меняясь местами, принудить А (выборы)

Власть-2	А исключает невыгодную для себя точку зрения В из повестки (цензура)	А и В исключают свои эгоистические интересы и заботятся об общем благе (общественный договор)
Власть-3	В традиционно повинуетя А, некритически принимая причины эссенциалистского характера	В повинуетя А, осмыслив свое поведение и сочтя его непротиворечивым и выгодным
Власть-4	Социализация убедила В, что он обязан подчиняться А	Социализация научила А, что в позиции авторитета нужно прибегать к самоограничению и действовать в общих интересах

Показательно, что в области социологии были рассмотрены и такие связанные с властными отношениями смежные понятия, как: «авторитет», «репутация», «влияние», «престиж», «ценностные обязательства» (см.: [Habermas 1987: 457 и др.]).

Таким образом, в исследованиях властных отношений с позиции социологии было установлено, что существуют различные классификационные модели установления властных отношений между субъектом и объектом властных отношений при помощи действий, которые обуславливают способы достижения власти, мотивы подчинения и прогнозируют возможные результаты.

Обратимся далее к определению специфики властных отношений как объекта изучения в лингвистике.

1.1.5. Властные отношения как объект изучения в лингвистике

В лингвистике властные отношения неоднократно находились в фокусе внимания исследователей. Так, в диссертационном исследовании А.А. Шабановой

концепт властных отношений рассматривается в русле лингвокультурологии [Шабанова 2011]; Н.В. Копылова изучает стратегии власти и подчинения в английском разговорном дискурсе [Копылова 2008]; К.В. Кокорина описывает средства репрезентации концепта POWER на материале публичных выступлений Т. Мей, премьер-министра Великобритании [Кокорина 2021].

Феномен властных отношений изучался также в рамках теории дискурса, например, М.В. Пименова и И.Г. Вражнова исследуют метафорическую объективацию концепта POWER в современных СМИ [Пименова 2012; Вражнова 2009]; И.В. Ерофеева, а также Е.И. Шейгал рассматривают власть как категорию, реализуемую в разных типах дискурса [Ерофеева 2009; Шейгал 2001]; Д.А. Попова выделяет лексико-семантические группы с лексической единицей *power* в предикативных и атрибутивных конструкциях в британском варианте английского языка на материале газетных текстов [Попова 2022]; Я.В. Литвинов и А.Г. Смирнова изучают особенности интерпретации и перевода средств репрезентации концепта POWER в политическом дискурсе [Литвинов, Смирнова 2021]; О.А. Никишина анализирует язык власти и язык сопротивления в пенитенциарном англоязычном дискурсе [Никишина, Салькаева, Пестова 2017]. Актуализация концепта ВЛАСТЬ/POWER изучается и в гламурном дискурсе на основе описания смыслового содержания концепта посредством анализа метафорической модели «власть-гламур» [Ашинова 2014]. А.А. Карамова систематизирует средства репрезентации концепта ВЛАСТЬ в русском политическом дискурсе на материале текстов программ политических партий, участвовавших в выборах в Государственную думу 2021 г. [Карамова 2022]. М.В. Гаврилова выделяет ключевые концепты НАРОД, ВЛАСТЬ и РОССИЯ и способы их репрезентации в инаугурационных выступлениях российских президентов [Гаврилова 2006]. В исследовании Е.Н. Лучинской обсуждаются понятия «народ», «власть» и их концептуализация в общественно-политическом дискурсе [Лучинская, Кабаньян 2024]. Модели представления властных отношений посредством стратегий подчинения и уговаривания в повседневном общении объективируются Н.В. Закурдаевой [Закурдаева 2023]. В исследовании

О.Ю. Зиско выявляются способы установления подчинения и убеждения при помощи имплицитного приказа в выступлениях Н. Пелоси [Зиско 2025]. В современных блогах политиков М.Ф. Талиашвили выявляет речевые стратегии подчинения [Талиашвили, Голованева 2017]. Метафорическая модель власти как базового концепта управленческого дискурса анализируется в исследовании Ю.А. Дрыгиной [Дрыгина 2016]. А.Б. Алексеев изучает ситуативный контекст равноправного общения в политическом властном дискурсе [Алексеев, Сорокина 2024]. Идиоматические выражения с доминантой «власть» рассматриваются в концептуальном и дискурсивном аспектах на материале русского политического дискурса в исследовании Л.В. Балашовой [Балашова 2016]. В другой работе этого автора описываются особенности концептуализации власти на основе социоморфной литературной и сленговой метафоры [Балашова 2010]. Ф.Я. Хабибуллина и И.Г. Иванова акцентируют внимание на афористическом отражении концепта ВЛАСТЬ в региональных СМИ [Хабибуллина, Иванова 2016].

В русле семантического подхода выполнено исследование Т.И. Ерофеевой и Е.В. Миненко, в котором используется ассоциативно-цепочечный эксперимент для формирования тематических групп с доминантой «power» [Ерофеева, Миненко 2019]. Модель древнейших семантических слоев концепта POWER/ВЛАСТЬ представлена в работе А.П. Михайлова [Михайлов 2010]. И.И. Чиронова проводит семантический анализ концепта POWER/ВЛАСТЬ/AUTHORITY, выделяя интегральные и дифференциальные признаки [Чиронова 2014]. Языковая репрезентация религиозных властных отношений на материале поэмы «Беовульф» и «Англосаксонской хроники» исследуется В.В. Гогенко и И.В. Палашевской [Гогенко, Палашевская 2022]. О.А. Царьковой была предпринята попытка комплексного описания понятия «власть» через лексему “authority”, в котором представлен анализ коллокационных особенностей употребления этой лексики, а также описана тактико-стратегическая организация речи на материале выступлений Д. Трампа [Царькова 2022]. Выявление специфики репрезентации концепта

POWER/ВЛАСТЬ в области русской и английской фразеологии представлено в исследовании И.В. Чекулая и О.Н. Прохоровой [Чекулай, Прохорова 2014]. Следует отметить и когнитивную модель беседы в условиях стратегий власти и подчинения, исследованную Н.В. Копыловой, которая описывает институциональное общение как сценарий, где участники реализуют отношения «доминирования-подчинения». Эта модель включает структуры знаний, определяющие языковые средства воздействия, распределение ролей и дискурсивные тактики для достижения целей в ситуациях неравенства [Копылова 2007]. В статье Н.Н. Шукурова проводится сравнительный анализ разносистемных языков с определением концептуального ядра понятия «власть», а также выявления субконцептов ГОСПОДСТВО и ПОДЧИНЕНИЕ, которые активизируются в ходе установления властных отношений [Шукуров 2020].

Следует отметить также ряд исследований, проведенных на материале русского языка, которые свидетельствуют, что внимание лингвистов привлекали различные аспекты властных отношений. Среди них изучение аксиологических аспектов концепта ВЛАСТЬ в современной публицистике [Кипенко, Лопарева 2012]; метафорическое моделирование знания о властных отношениях в современной политической коммуникации [Чудинов 2013]; коммуникативные стратегии в процессах реализации властных отношений [Иссерс 1999].

Концептуальная основа властных отношений также находится в фокусе внимания лингвистов [Демидова 2021; Ледяев, Ледяева 2016; Шевченко 2018]. Сопоставительное изучение концептов СВОБОДА, ВЛАСТЬ, ВЫЗОВ на материале художественных текстов представлено в работе И.Б. Щеболевой [Щеболева 2008].

Отмечается ряд частных аспектов, которые анализировались во взаимосвязи с понятием властных отношений на материале русского языка, такие как способы вербализации концепта ВЛАСТЬ в языковом сознании жителей города Красноярска [Васильев 2015] и проблема эволюционирования концепта ВЛАСТЬ в русской картине мира [Котлярова 2019].

Тематика исследований, связанных с понятием властных отношений, включает также изучение О.Г. Шевченко проблемы хронотопности и семиотики власти в русском языке [Шевченко 2022]. Оппозиция «правое – левое» изучается М.Ю. Мартыновым на основе концепта ВЛАСТЬ в русской политической культуре, а также анализируются ориентационные предпочтения русской власти [Мартынов 2013]. Помимо этого, рассматриваются паралингвистические средства установления властных отношений «доминирование-подчинение» [Копылова 2008].

Следует отметить и исследования, проведенные в русле психолингвистического подхода. Так, с использованием технологии автоматического смыслового анализа текста TextAnalyst2.0. были выявлены трансформации семантических представлений и лексических ассоциаций концепта ВЛАСТЬ [Пильгун 2019]. Ряд исследователей проводили эксперимент, связанный с анализом ассоциаций образа власти [Амеленков, Викулина, Ускова 2020], а также с целью определения структуры концепта ВЛАСТЬ [Коноваленко 2011]. В.И. Карасик и Э.А. Китанина описывают релевантные формы речевого поведения, соотносимые с характеристиками концепта ВЛАСТЬ [Карасик, Китанина 2023]. На материале, представленном в Крымском ассоциативном словаре, Н.В. Уфимцевой исследуется образ власти [Уфимцева 2022].

На материале русского, английского и китайского языков Н.В. Дутовой анализируются стратегии властных отношений в аспекте культурологического понятия «дистанция власти» при ассиметричном взаимодействии коммуникантов [Дутова 2018].

На материале немецкого языка исследовательский интерес был направлен на глаголы власти в аспекте изучения их семантики и валентностных свойств [Красильникова 2007], а также на выявление стратегий удержания власти в речевом поведении немецких политических лидеров (на примере Ангелы Меркель) [Коновалова 2016]. Отмечается, что и в жанре немецкой детской фэнтези рассматриваются способы вербализации концепта ВЛАСТЬ [Печагина 2011]. Помимо этого, И.Б. Бойковой рассматривается концепт ПОДЧИНЕНИЕ в

русском и немецком языках с точки зрения особенностей национальных менталитетов [Бойкова 2023], а в исследовании С.С. Тахтаровой описывается языковая объективация концептов Macht и Hierrarchie, демонстрирующих проявление властных отношений в социуме [Тахтарова 2013].

В языке французской публицистики выделяются 5 типов эвфемизмов со значением власть, направленных на ослабление восприятия негативной информации с целью влияния на формирование оценок событий и управления людьми [Слепцова, Акиншина, Ломоносова 2020].

На материале других языков проблема властных отношений также была объектом исследования. Например, в польских печатных СМИ изучались прилагательные, служащие средством оценки политической власти и в то же время используемые для создания ее образа [Колобкова 2008]. Сквозь призму паремии на материале болгарского языка рассмотрено ядро концепта ВЛАСТЬ и его периферийная зона, образуемая смысловым концептом ПОДЧИНЕНИЕ [Илиева 2013]. К тому же лексема «власть» анализируется с позиций этимологической стратификации и особенностей функционирования в готском, древнеисландском, древнегреческом, латинском, балтийском, славянском, кельтском языках [Федько 2014; 2016].

Таким образом, в области лингвистики в основном изучались концептуальная основа властных отношений и средства их репрезентации на материале разных типов дискурса. Фреймовое моделирование властных отношений и концептуальные области, в контексте которых реализуются властные отношения, не рассматривались, что свидетельствует об актуальности темы настоящего исследования.

1.2. Когнитивные основы моделирования властных отношений в языке

В ходе анализа теоретической литературы было установлено, что властные отношения принято определять как типичную ситуацию волевого воздействия в

виде отношений «доминирование – подчинение», в которые вовлечены субъект и объект.

Само понятие власти является сложным и многоаспектным явлением и определяется в русском языке как «способность и возможность для индивида или группы осуществлять свою волю, оказывать воздействие на других людей независимо от их согласия или несогласия» [Социологический энциклопедический словарь 1998], а в английском языке понятие власти определяется так: “relationships of dominance and subordination between different groups: for instance within stratified social systems or in international relations”; “in interpersonal interaction, the relative status, power, and/or dominance of the participants, reflected in whether expectations and behaviour are reciprocal, and consequently in communicative style” [A Dictionary of Media and Communication 2011]. С учетом этих определений властные отношения предполагают такое взаимодействие, когда одной стороной оказывается воздействие на другую сторону независимо от ее согласия или несогласия. Сущность властных отношений и их особенности могут быть раскрыты на основе фреймового моделирования.

Как известно, первоначально структурная лингвистика опиралась на понятие «моделирование», выявляя в своем содержании модели описания и модели порождения, а также не моделируемые области. Первые актуализировались при декодировании текста во время процесса интерпретации. Вторые воспроизводили процесс формирования языковых единиц: словообразовательные модели порождали слова, синтаксические – высказывания, стилистические – сверхфразовые единства. К не моделируемой области относилась, по мнению лингвистов, лексическая семантика, так как при регулярной полисемии остается невозможным предугадать новое, появившееся контекстуально, значение слова. В частности, Н. Хомский рассматривал только синтаксические сущности, не признавая необходимости в выделении у них смыслового конструкта [Chomsky 2002].

В конце же 20 века с появлением когнитивной лингвистики, исследователи обратились вновь к термину «моделирование» с точки зрения антропоцентрической сущности языка. Утверждается, что человек владеет множеством моделей, порождающих языковые явления, затем опирается на определенный смысл единицы или синтаксического высказывания в общем, прежде чем представить их в процессе коммуникации, чтобы реализовать коммуникативный замысел. Тем самым, акцентируется внимание на концептуальном основании формирования речевой деятельности, а не словарном значении или использовании определенной звуковой формы, как это было ранее [Беляевская 2017: 113-116].

Таким образом, применение метода когнитивного моделирования обусловлено тем, что концептуальные основания семантики языковых сущностей не являются очевидными, а реконструируются гипотетически» [там же]. В виду того, что рассматривается часто сложная глубинная (смысловая) структура языковых единиц, которые фрагментируют окружающую действительность или же позволяют интерпретировать в прямом или переносном значении картину мира индивидуума, требуется использование фреймовой модели.

1.2.1. Фрейм ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Понятие фрейма было разработано М. Минским в рамках теории искусственного интеллекта и в лингвистике применяется для моделирования комплексного знания с иерархической структурой. По мнению исследователя, понятие фрейма обеспечивает легкость и быстроту в извлечении информации из памяти в виду того, что человек познает ситуацию сквозь призму базовых организованных данных, в которых он изменяет некоторые единицы, чтобы соответствовать определенной ситуации [Минский 1979].

Понятие фрейма привлекало внимание и других исследователей. В частности. Ч. Филлмор представил фрейм как когнитивную модель, элементы которой описываются словами [Филлмор 1988: 55]. Согласно Т.А. ван Дейку,

фрейм – «единица знания, организованная вокруг некоторого концепта, содержащая основную, типическую и потенциальную информацию, которая ассоциирована с концептом» [ван Дейк 1988: 186]. Н.Н. Болдырев определяет фрейм как «всегда структурированную единицу знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними»; как «когнитивную модель, передающую знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2021: 108]. Интерес представляет и определение фрейма, данное Е.Г. Беляевской: «фреймы – это динамичные структуры, которые обладают способностью к фокусировке и перефокусировке» [Беляевская 2022: 90]. Как указывает исследователь, при формировании лексических значений слов фреймы являются статичными при фиксированной фокусировке. В случае изменения фокуса они дают возможность разной интерпретации ситуации [там же]. Это свидетельствует о возможности выдвижения разных компонентов фрейма в фокус внимания наблюдателя, что позволит отразить вариативный характер властных отношений в разных концептуальных областях.

Важно подчеркнуть, что фрейм, как правило, моделируется в виде уровневой иерархии взаимосвязанных компонентов или слотов. Компоненты первого уровня являются обязательными, т.е. неизменными в различных ситуациях, компоненты нижних уровней – факультативными, т.е. могут вносить новые смыслы (подробнее см.: [Краткий словарь когнитивных терминов 1996]). Существует также классификация фреймов, в которой выделяются пропозициональные фреймы, концептуальные иерархии и концептуальные ассоциации.

С учетом положения о концептуальной основе фрейма для определения сущностных характеристик фрейма **ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** необходимо провести концептуально-дефиниционный анализ ключевых лексем *power, to power, subordination, to subordinate, domination, to dominate, власть, властвовать, подчинение, подчинять, доминирование, доминировать* и их дериватов. Обращение к одноименным лексемам обосновано положением, выдвинутым Р. Джекендоффом о том, что «лучший доступ к описанию и определению

природы концепта обеспечивает язык» [Jackendoff 1983: 16]. В этой связи выявление концептуальных характеристик на основе дефиниций одноименных лексем предполагает, по мнению Е.С. Кубряковой, активизацию «механизмов умозаключения, получения выводных данных и другие логические операции» (подробнее см.: [Кубрякова, цит. по: Краткий словарь когнитивных терминов 1996]). С целью определения концептуальной основы фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ обратимся к дефинициям лексикографических источников Oxford Learner's Dictionaries [Oxford Learner's Dictionaries], Longman Dictionary of Contemporary English [Longman Dictionary Of Contemporary English], Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary], Merriam Webster Dictionary [Merriam Webster Dictionary], Словаря русского языка [Словарь русского языка 1999], Толкового словаря современного русского языка Д.Н. Ушакова [Толковый словарь современного русского языка], Нового словаря русского языка Т.В. Ефремовой [Новый словарь русского языка 2000]:

power – 1) control or influence over people and events; 2) political control in a country; 3) authority; 4) a country that has a lot of influence over others; 5) an official or legal right to do something; 6) strength or force; 7) a person, organization or country that has control over others, because of wealth, importance or great military or financial strength, or authority; 8) possession of control, authority, or influence over others;

to power – 1) to act with great strength or in a forceful way;

powerful – 1) having a lot of power to control people and events; 2) having a very great effect;

subordination – the act of giving someone or something less importance or power;

to subordinate – 1) to put someone or something into a less important position, 2) a person who has a less important position than you in an organization;

domination – 1) power or control over other people or things; 2) the state of having control over people or a situation;

dominance – 1) the action of taking control of other people or animals in a forceful way, or the quality of liking to do this; 2) the situation in which one company, product, etc. has more power, influence, or success than others;

to dominate – to have control over a place or a person, or to be the most important person or thing;

dominant – liking to take control in a group and having natural authority [Oxford Learner's Dictionaries, Cambridge Dictionary, Longman Dictionary Of Contemporary English, Merriam Webster Dictionary];

власть – 1) Право управления государством, политическое господство. 2) Органы государственного управления, правительство. 3) Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-чем-либо. 4) Могущественное влияние, принудительная сила. 5) Инструмент поддержания определенного порядка в обществе, государстве, его организации и управлении; форма управления страной. 6) Способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия (родительская власть, государственная, экономическая и др);

властный – 1) Склонный повелевать, подчинять себе. 2. Способный оказывать воздействие на кого-что-либо, распоряжаться, управлять кем-, чем-либо;

властвовать – 1) Управлять, править государством. 2) Подчинив своей воле, распоряжаться кем-чем-либо, управлять. 3) Оказывать воздействие, подчинять своему влиянию;

подчинить – 1) Сделать подвластным кому-либо; покорить. 2) Поставить кого-что-либо в экономическую, юридическую, психологическую и т.п. зависимость. // Заставить действовать согласно чему-л. 3) Поставить под непосредственное руководство, передать в чье-либо ведение.

доминировать – Преобладать, господствовать, быть основным. [Словарь русского языка 1999; Толковый словарь современного русского языка; Новый словарь русского языка 2000].

В русскоязычных дефинициях выделяется смысловой компонент «управлять», для которого синонимичным является значение: «контролировать и определять ход или деятельность чего-либо» [Словарь синонимов русского языка онлайн].

С учетом проведенного анализа были установлены концептуальные характеристики власти, такие как «сила», «контроль», «влияние», с опорой на которые реализуется тот или иной акт властных отношений.

Рассмотрим также гипонимы, гиперонимы, антонимы, синонимы и ассоциации, представленные в тезаурусах русского и английского языков:

power – Synonyms: strength, force, might, potency, energy, puissance, powerfulness, pressure, muscle, brawn, iron grip, vigor, vitality, right, prerogative, status, influence, sway, prestige, authority, license, ruler, dominant state, superpower, major nation, control, dominion, reign, mastery, sovereignty, command, arm, jurisdiction, clutch, dominance, privilege, rein(s), death grip, leverage, hold, management, clout, voice, pull, supremacy, importance, predominance, direction, weight, eminence, imperium, moment;

Antonyms: weakness, impotence, feebleness, enervation, listlessness, powerlessness, helplessness, impotency;

subordination – Synonyms: obedience, submission, compliance, conformity, submissiveness, surrender, acquiescence, subservience, subserviency, capitulation, servility, deference, suppression, repression, discipline, obsequiousness, obeisance, docility, tractability, humility, amenability, yielding, dutifulness, trainability, meekness, teachableness, agreeability, modesty, inhibition, slavishness, restraint, tractableness, abidance, order, control, subordinateness;

Antonyms: disobedience, rebellion, insubordination, noncompliance, defiance, rebelliousness, intractability, recalcitrance, contumacy, waywardness, willfulness, refractoriness, self-will, unruliness, contrariness, disrespect, noncooperation, revolt, insurrection, insolence, insurgency, impudence, outbreak, recusancy, perversity, mutiny, rudeness, rebelling, forwardness, obstreperousness, obstinacy, stubbornness, balkiness,

insurgence, misbehavior, dissent, pigheadedness, hardheadedness, dissidence, naughtiness, mischievousness, mulishness, mutinousness, obstinateness;

domination – Synonyms: power, rule, control, command, authority, mastery, superiority;

Antonyms: subjection, inferiority, subordination;

власть – Синсет: бразды, бразды правления, кормило власти, кормило правления, могущественность, могущество, мощь, государственная и муниципальная власть, институт власти, публичная власть, административные власти, административный орган, властные структуры, властный орган, действующая власть, орган власти, орган публичной власти, органы государственной власти и местного самоуправления, официальные власти, официальный орган;

Гипероним: право, право на, право по закону, право согласно закону, субъективное право, юридическое право, большое значение, важная роль, важное значение, значительная роль, значительность, многозначительность, немалая важность, немалая роль, немаловажность, немалое значение, орган управления, регулирующий орган, руководящий орган, уполномоченный орган;

Гипоним: двоевластие, единовластие, единоличная власть, единоначалие, полновластие, полновластность, многовластие, многоначалие, под суверенитетом, суверенитет, суверенитет над, суверенитет над территорией, всемогущество, всесилие, всесильность, власть государства, власть страны, госвласть, государственная власть, институт государственной власти, политическая власть, светская власть; местная власть, местная публичная власть, местное самоуправление, местные самоуправленческие структуры, муниципальное местное самоуправление, муниципальное самоуправление, муниципальный орган, территориальное самоуправление, местные властные структуры, местные органы власти, орган местного самоуправления, орган муниципального самоуправления, орган муниципальной власти, местная дума, местная законодательная власть, местное законодательное собрание, местный законодатель, местный законодательный орган, местный совет, местный хурал, муниципальная дума,

муниципальное собрание, муниципальный совет, представительные органы местного самоуправления, администрация местного самоуправления, администрация муниципального образования, исполнительный орган местного самоуправления, местная администрация, местная исполнительная власть, местные власти, местный административный орган, местный исполнительный орган, местный орган, местный орган исполнительной власти, муниципалитет, муниципальные власти, муниципальный орган власти, власти предержажие, госаппарат, госмашина, государственная машина, государственно-властные институты, государственный аппарат, коридоры власти, машина государства, орган власти государства, орган госвласти, орган государственного управления, орган государственной власти, орган государственной власти и управления, эшелоны власти;

Антоним: безвластие, вакуум власти, отсутствие власти, политический вакуум;

Ассоциация: владычество, властвование, господство, господствование, захват власти, насильственная смена власти, низвержение, низложение, ниспровержение, ниспровержение власти, свержение, свержение власти, наместник, передача власти, смена власти, смена действующей власти, смена режима;

доминировать – 1) господствовать, преобладать;

Синсет: брать верх, главенствовать, господствовать, довлеть, доминировать, иметь перевес, превалировать, преобладать, царить, царствовать, являться доминантой;

Гипероним: быть, есть, иметься, просуществовать, существовать;

доминировать – 2) возвышаться, выситься;

Синсет: возвышаться, выситься, главенствовать, господствовать, господствовать на местности, доминировать, доминировать на местности, являться доминантой, доминирование, доминанта;

Гипероним: быть, есть, находиться, побывать, побыть, пребывать, стоять
выделиться, выделиться из числа, выделиться среди других, выделяться,
выделяться из числа, выделяться среди других, отличаться, отличиться;

подчинять – Синсет: подчинить, подчинить своей власти, подчинять,
подчинять своей власти, поставить в зависимость, ставить в зависимость;

Гипероним: ограничить свободу действий, стеснить, стеснить действия,
стеснить свободу, стеснять, стеснять свободу;

Гипоним: подавить, подавлять, закабалить, закабалять, закрепостить,
закрепощать, поработить, порабощать, поставить на колени, ставить на колени,
завоевать сердце, покорить, покорить сердца, покорять, владычествовать,
властвовать, господствовать, обладать властью, владеть, обратить в рабство,
обращать в рабство, поработить, порабощать, сделать рабом, подминать, подмять,
переподчинить, переподчинять, оседлать, оседлывать, овладевать, овладеть
[Cambridge Dictionary, Merriam Webster Dictionary, Тезаурус русского языка
RuWordNet].

В ходе анализа выявляются основные концептуальные области, в которых
определяется концептуальная иерархия доминирования-подчинения как следствие
репрезентации власти одного человека, компании или ее руководителя,
администрации или государства над другим. К ним относятся межличностные (a
person has control over others), корпоративные (organization has control over others)
и государственные отношения (a country has control over others).

В настоящем исследовании концепты SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ,
DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ являются ключевыми для осмысления
властных отношений и характера волевого воздействия, раскрывая сущность
концептов POWER/ВЛАСТЬ.

Принимая во внимание определение властных отношений, данное в начале
раздела 1.2, и учитывая наличие других компонентов в ситуации властных
отношений, проецируемых приведенными выше дефинициями, а также с учетом
анализа слов *власть*, *доминирование*, *подчинение* и *power*, *domination*,
subordination в тезаурусах русского и английского языков смоделируем структуру

фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, который представляется концептуальной иерархией (Рис. 2) с частичной событийностью (Рис. 3). Власть является абстрактной сущностью, но за счет описания участников, вовлеченных во властные отношения, необходимо учитывать выполняемые ими действия, что указывает на событийный характер осуществляемого волевого воздействия и моделируется в виде пропозиционального фрейма.

Рис. 2. Концептуальная иерархия ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

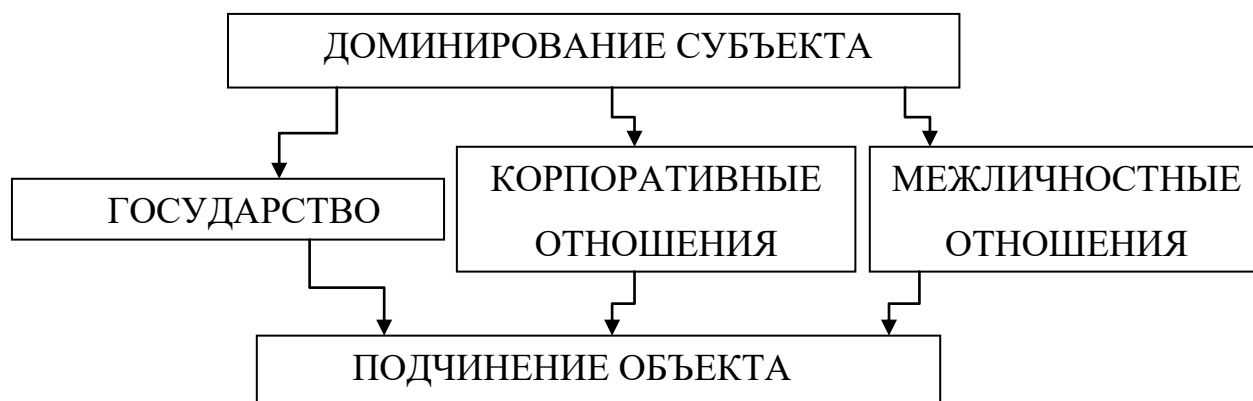
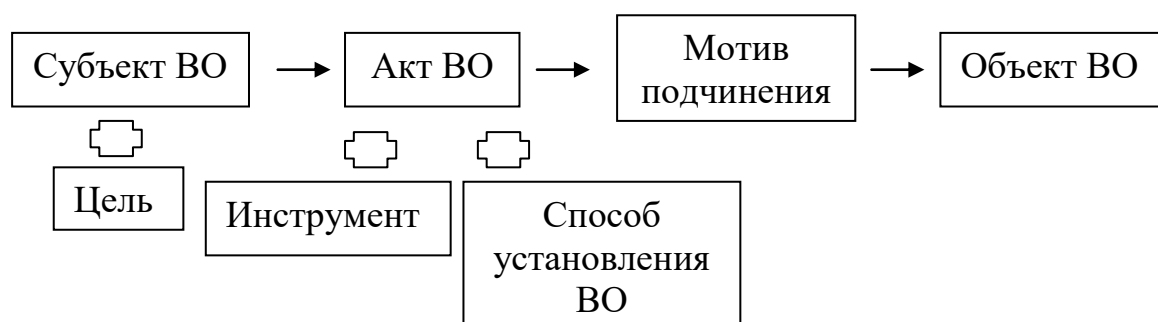

Рис. 3. Пропозициональный фрейм в структуре концептуальной иерархии ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1 – базовые компоненты фрейма

Субъект властных отношений – тот, кто осуществляет свою волю и оказывает воздействие на других участников независимо от их согласия или несогласия. Например:

*Despite setbacks, **the manager** orchestrated a phoenix rise of command, leading the team to success* [https://idiominsider.com].

Здесь субъектом властных отношений выступает менеджер.

Объект властных отношений – тот, на кого оказывается волевое воздействие. Например:

Командный тон подействовал на бывшего конного объездчика госграницы весьма и весьма благотворно, убив все сомнения буквально на корню [Карта слов и выражений русского языка].

Объектом властных отношений выступает бывший конный объездчик.

Акт властных отношений – оказываемое воздействие в виде проявления силы, контроля, влияния. При этом *сила* определяется как 1) физическое, административное, военное воздействие, давление, осуществляемое с целью добиться чего-либо, принудить кого-что-либо к чему-либо, а также готовность к применению такого воздействия; 2) то, что создает, обеспечивает преимущество, власть, авторитет кого-чего-либо; 3) способность оказывать воздействие; 4) совокупность людей и техники, способных вести военные действия; 5) материальное или духовное начало как источник или побуждение к какой-либо деятельности, поведению. *Контроль* трактуется как положение, при котором кто-что-либо владеет чем-либо, управляет кем-чем-либо. В свою очередь *влияние* осмысливается как 1) действие, оказываемое кем-чем-либо на кого-что-либо, в результате которого происходят необходимые изменения; 2) авторитет (подробнее см.: [Большой универсальный словарь русского языка 2022; Большой толковый словарь русского языка 1998]). Например:

*John McEntee, who has supported some of the victims through their ordeal, said those same victims now feel they **are being forced** to compete against the government for compensation [English Dictionary].*

Данный пример иллюстрирует акт властных отношений, когда субъект наделен полномочиями для осуществления «контроля» (*to force* – to make something happen by threatening or not offering the possibility of choice [Cambridge Dictionary]).

*He believes these people to be in the majority in Germany at the present time but feels they **are coerced** into following Hitler's methods and program [English Dictionary].*

Здесь акт властных отношений сопровождается активизацией характеристики «сила», что подтверждается семантикой глагола *to coerce* (*to persuade someone forcefully to do something that they are unwilling to do* [Cambridge Dictionary]).

Прежде всего хочу уточнить – у меня нет цели навязать тебе какую-то одну версию реальности, ибо их бесчисленное количество [Карта слов и выражений русского языка].

В этом примере объективируется характеристика «влияние», репрезентируемая глаголом *навязать* (назойливо предлагать, заставлять, принуждать принять что-либо против желания, против воли [Карта слов и выражений русского языка]).

Мотив подчинения – причина, по которой объект подчиняется субъекту властных отношений. Как указывает Дж. Френч, отношения «доминирование-подчинение» раскрываются в случаях обладания некоторыми типами власти: власть вознаграждения, власть принуждения, законная власть, эталонная власть, экспертная власть и информационная власть (см. раздел 1.1.4.). В каждой из этих типов власти, как указано выше, выделяется мотив подчинения: получение выгоды, закон, авторитет, превосходство в определенной области знаний, владение информацией (шантаж), страх перед наказанием. Например:

The police demanded that the gang surrender their weapons [Cambridge Dictionary].

Здесь компонент «мотив подчинения» представлен законодательной базой внутригосударственных отношений, определяющей должностные полномочия полиции по поиску преступников, от которых требуется полное подчинение.

Banks threatened to take control of the business [Cambridge Dictionary].

В данном случае угроза шантажом выступает мотивом установления властных отношений.

Без сомнения, государи обретают величие, когда одолевают препятствия и сокрушают недругов, почему фортуна – в особенности если она желает возвеличить нового государя, которому признание нужней, чем наследному, –

*сама насылает ему врагов и **принуждает** вступить с ними в схватку для того, чтобы, одолев их, он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше* [Карта слов и выражений русского языка].

Здесь представляется мотив «получение выгоды» в случае победы над врагом, на что указывает контекст (*он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше*).

*Понятное дело, **пост и авторитет папы** способствовали немалому **гонору дочурки**, и она раздавала словесные оплеухи направо и налево, не особо беспокоясь о возможных обидах* [Карта слов и выражений русского языка].

В этом примере мотивом подчинения является «авторитет».

*Он убедился, что под маской принца скрывается застенчивый и умный мальчик, обожаящий старшую сестру и отдающий ей первенство **в силу превосходства ума, а не возраста*** [Карта слов и выражений русского языка].

В данном случае демонстрируется «превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения объекта.

*We obey the law and pay taxes because we **are frightened of the coercive power of the state*** [Cambridge Dictionary].

Здесь осуществляется принуждение к выплате налогов под угрозой наказания, что выступает мотивом подчинения.

Базовость выделенных выше компонентов обусловлена тем, что они вовлечены в осмысление отношений «доминирование – подчинение», которые отражают сущность волевого воздействия субъекта над объектом и предполагают определенные мотивы подчинения слабой стороны на основе проявления контроля, влияния и силы доминирующей стороной. Это соотносится с утверждением М. Минского, что верхние, «вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации» [Minsky 1980: 11].

Рассмотрим далее другие компоненты фрейма **ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:**

2 – факультативные компоненты фрейма

Способ установления властных отношений – это прием, направленный на установление властных отношений. Способы установления властных отношений включают COMPULSION/ПРИНУЖДЕНИЕ, PERSUASION/УБЕЖДЕНИЕ, PRESSURE/ДАВЛЕНИЕ, DICTATORSHIP/ДИКТАТ, VIOLENCE/НАСИЛИЕ, THREAT/УГРОЗА, которые выделяются в ходе анализа тезауруса лексических единиц *power, force, control, influence, subordination, domination, власть, сила, контроль, влияние, подчинение, доминирование* [Merriam Webster Dictionary, Cambridge Dictionary, Тезаурус русского языка RuWordNet], так как данные единицы репрезентируют концептуальные характеристики властных отношений: «контроль», «влияние», «сила» и сами выступают дополняющими концептами.

*Проблема оказывалась гораздо более сложной, когда государство пыталось **принудить** деловых людей к отказу от металла, который фактически использовался ими, и перейти на другой металл* [Карта слов и выражений русского языка].

Данный пример демонстрирует способ установления властных отношений COMPULSION/ПРИНУЖДЕНИЕ (*compulsion* – 1) a force that makes you do something that you do not want to do; 2) a strong desire to do something, especially something that is wrong, silly or dangerous [Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries]; *принуждение* – 1) действие по значению глагола *принудить* (заставить что либо-сделать); 2) физическое или психическое давление на человека, обеспечивающее выполнение им определенных действий вне зависимости от его желания; 3) применение компетентными административными органами или судами установленных нормами права принудительных мер в целях прекращения правонарушений и привлечения виновных лиц к административной ответственности; 4) система политико-административных мер, заставляющих работника заниматься производством, не имея материальных стимулов к труду; 5) внешнее, силовое воздействие на поведение людей, основанное на организованной силе государства [Большой толковый словарь русского языка 1998; Словарь русского языка 1999]), на который указывает не только контекст,

но и семантика глагола *принуждать* (заставлять (заставить) кого-либо сделать что-либо [<https://gramota.ru>]).

A mother was coaxing her reluctant child to get into the water [Cambridge Dictionary].

Способ осуществления властных отношений PERSUASION/ УБЕЖДЕНИЕ представлен концептуальными характеристиками: 1) заставить поверить чему-либо, уверить в чем-либо; 2) уговаривая, склонить к чему-либо; 3) иметь твердое мнение [Большой толковый словарь русского языка 1998; Oxford Learner's Dictionaries]). Средством репрезентации этого способа установления властных отношений выступает глагол *coax* (to try to persuade someone to do something by gently asking or patiently encouraging the person [Cambridge Dictionary]).

She was pressured into signing the agreement [Cambridge Dictionary].

Средством репрезентации такого способа установления властных отношений, как PRESSURE/ДАВЛЕНИЕ (концептуальная характеристика: насильственное воздействие или нажим на объект таких отношений [Большой толковый словарь русского языка 1998; Oxford Learner's Dictionaries]), является одноименный глагол *to pressure*.

The soldiers fired as soon as their commander gave the order [Cambridge Dictionary].

Объективация способа установления властных отношений DICTATORSHIP/ДИКТАТ (концептуальные характеристики: 1) требование или указание, продиктованное одной, сильной стороной для безусловного выполнения другой, слабой стороной; 2) проявление абсолютной власти [Современный словарь иностранных слов 2012; Collin's Dictionary]) осуществляется глагольной конструкцией *to give an order*, которая подчеркивает авторитет субъекта и возможность контролировать объект посредством приказов.

Она с важностью рассказывала нам, как одна ее приятельница взяла от кого-то подарок и как потом мать била ее и выгнала от себя [Карта слов и выражений русского языка].

VIOLENCE/НАСИЛИЕ (концептуальные характеристики: 1) применение грубой физической силы; 2) запугивание, обещание причинить кому-либо вред и последующая реализация этой угрозы; 3) разрушение [Большой толковый словарь русского языка 1998; Collin's Dictionary]) как способ установления властных отношений объективируется в этом примере глаголом *бить* (наносить удары, поби; избивать, наказывать [Большой толковый словарь русского языка 1998]).

– *Я пожалуюсь твоему отцу, – пригрозила женщина* [Карта слов и выражений русского языка].

В этом случае представлен такой способ установления властных отношений, как THREAT/УГРОЗА. Средством репрезентации выступает глагол *пригрозить*. К тому же в контексте примера представлено вербальное выражение угрозы.

Цель – то, что преследует субъект в ходе оказания волевого воздействия на объект властных отношений, например:

*Но она прекрасно знала о заоблачной цене этого чуда, так что даже не делала попыток уговорить родителей **купить часы*** [Карта слов и выражений русского языка].

Факультативный компонент «цель властных отношений» представлен контекстуально (покупка дорогостоящих часов).

Инструмент – средство оказания субъектом своего волевого воздействия на объект, например:

*Но у рабов не было иного выбора, кроме как принять эти условия, если они хотели избежать страшных **наказаний** со стороны своих хозяев* [Карта слов и выражений русского языка].

В качестве инструмента установления властных отношений выступают наказания, которые следуют за невыполнением объектами требований субъектов.

Факультативный статус данных компонентов фрейма объясняется тем, что они не всегда получают репрезентацию в языке в процессе объективации ситуации властных отношений.

Таким образом, в ходе концептуально-дефиниционного анализа была установлена концептуальная основа фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, который базируется на концептах SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ, DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ, POWER/ВЛАСТЬ, и смоделирована его структура в виде четырех обязательных компонентов: *субъект властных отношений, объект властных отношений, акт властных отношений* и *мотив подчинения*; а также трех факультативных компонентов: *способ установления властных отношений, инструмент* и *цель*. Властные отношения реализуются в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Учитывая вариативность двух компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ведущего и обязательного компонента «мотив подчинения», а также наиболее значимого факультативного компонента «способ установления властных отношений», и с опорой на установленные ранее учеными Дж. Френчем и В.Г. Ледяевым классификации (см. в разделе 1.1.4.) представляется обоснованным определить модели властных отношений в языке в практической части данного исследования с учетом данных компонентов фрейма в проекции на основные концептуальные области ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Рассмотрим далее понятие языковой интерпретации властных отношений.

1.2.2. Языковая интерпретация властных отношений

Фактор антропоцентризма как ключевой фактор в когнитивном подходе к изучению языковых явлений, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212]. На важность рассмотрения системы «координат» человека в коммуникации указывает также Ю.С. Степанов [Степанов 1975: 50-51]. В этой связи необходимо отметить и лингвофилософскую

концепцию языка В. фон Гумбольдта, в которой акцентируется внимание на том факте, что понять сущность языка невозможно без обращения к изучению роли человека в диаде «язык и человек». В этой концепции за языком признается такая важнейшая функция, как интерпретативно-деятельностная, которая позволяет человеку посредством языка передавать структуры знания об окружающем мире в соотношении со своими ценностями [Гумбольдт 2000].

Идея интерпретативно-деятельностной функции языка получила дальнейшее осмысление в работах Е.С. Кубряковой, указавшей на интерпретирующую функцию языка, подчеркнув, что «язык не является простым зеркалом мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Кубрякова 1997: 83].

Данное положение получило подтверждение и у других исследователей. Так, по словам А.Ф. Лосева, «каждый языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев 1982: 96]. Согласно концепции А. Вежбицкой, каждый язык формирует уникальную систему восприятия и категоризации действительности [Вежбицкая 1993].

Такое внимание к интерпретирующим аспектам языка на современном этапе развития когнитивного подхода к изучению языковых явлений выдвинуло в центр исследовательского фокуса понятие языковой интерпретации. Как отмечает В.З. Демьянков, «интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат установления смысла речевых и/или неречевых действий. Как и при анализе когнитивной деятельности, можно говорить о субъекте, объектах, процедуре, целях, результатах, материале и инструментах интерпретации» [Демьянков 1999: 10].

Методологически важной является разработанная Н.Н. Болдыревым теория языковой интерпретации, в которой проводится фундаментальное разграничение между широким и узким пониманием языковой интерпретации. В контексте широкого подхода языковая интерпретация предстает как комплексный мыслительный процесс, реализуемый посредством языковых механизмов и

нацеленный на генерацию нового знания на уровне коллективного сознания. В узком смысле – «вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат репрезентации мира, которая основана, с одной стороны, на коллективных представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это проекция мира, или знание о мире, «погруженное» в коллективно-языковое и индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев 2014: 21]. Языковая интерпретация демонстрирует двойственную природу, проявляющуюся в двух измерениях: динамическое измерение отражает процессуальную сторону интерпретации, в которой происходит активное формирование когнитивных моделей, иерархической системы концептов и категориальных структур; статическое измерение фокусируется на инструментальном аспекте интерпретации, включающем языковые формы, которые участвуют в процессе категоризации и концептуализации и интерпретации полученных знаний [Болдырев 2011].

С учетом антропоцентрической природы языка необходимо подчеркнуть, что языковая интерпретация обусловлена тесной взаимосвязью языка с другими когнитивными способностями человека, которые активизируются в процессах его жизнедеятельности. Это в полной мере находит имплементацию в языковой картине мира, где репрезентация объектов действительности осуществляется не в форме прямого отражения, а через призму индивидуального восприятия и селекции релевантных характеристик. Специфика интерпретации определяется двумя фундаментальными аспектами: двойной направленностью, интегрирующей коллективные и индивидуальные когнитивные схемы познания; дихотомией типов интерпретации: первичной и вторичной.

Согласно концепции Н.Н. Болдырева, дифференциация первичной и вторичной интерпретации базируется на разграничении объектов языковой репрезентации: предметов и явлений окружающего мира, а также ранее полученных знаний о мире [Болдырев 2022: 23]. Первичная языковая интерпретация оперирует непосредственными объектами и явлениями

реальности, манифестируясь на когнитивном и языковом уровнях через концептуально-тематические области и лексические категории, представляющие коллективное знание. Вторичная языковая интерпретация реализуется посредством переосмысления и оценки уже вербализированных знаний о мире в индивидуальной концептуальной системе человека [там же]. Результаты вторичной языковой интерпретации находят отражение в системе модусных категорий и функциональном варьировании языковых единиц, а также в словообразовательных моделях, оценочных концептах и категориальных структурах.

Интерпретационный процесс представляет собой форму когнитивной деятельности, в рамках которой осуществляется языковое моделирование миропонимания человека или коллектива. В него интегрирована активация оценочных механизмов, нормативных установок, аксиологических ориентиров. Это указывает на справедливое выделение третьей функции языка, помимо коммуникативной и когнитивной – интерпретирующей, как аргументировано утверждает в своем исследовании Н.Н. Болдырев [Болдырев 2017: 21].

В рамках когнитивной парадигмы модели языковой интерпретации знания, выделенные Н.Н. Болдыревым, включают объективные и субъективные когнитивные схемы [Болдырев 2016: 12-13]. В процессах языковой интерпретации, по мнению ученого, прослеживается ее взаимосвязь с работой сознания человека в виде «разноплановых познавательных процессов: селекции, классификации и оценки». Селективная функция языковой интерпретации реализуется через механизм избирательного формирования концептов в концептуальной системе индивида. Данный процесс детерминируется следующими факторами: актуализация новых когнитивных знаний, специфика социально-бытовых условий субъекта, профессиональная и деятельностная направленность личности. Классифицирующая функция представляет собой комплексный механизм языковой систематизации, включающий категориальную, концептуальную и идентифицирующую организацию концептуальных областей, формирование абстрактных ментальных паттернов. Оценочная функция

реализуется посредством таких когнитивных операций, как: схематизация эмпирического опыта, корреляция с коллективными и индивидуальными нормативными системами, имплементация аксиологических ориентиров, интеграция идеологических и ценностных установок в рамках одной культуры [Болдырев 2022: 23-24].

Подчеркнем, что своим составом, структурой и содержанием концептуальные и категориальные структуры выступают единицами когнитивного моделирования действительности, отражающими специфику мировидения как на уровне социума, так и на уровне индивидуального сознания. В ментальном пространстве личности они интегрируются в концептуально-тематические области. Когнитивные схемы интерпретации, формируемые на базе этих областей, выполняют двойственную функцию: служат контекстуальной основой для порождения смыслов и обеспечивают механизмы понимания и интерпретации информации.

В этой связи Н.Н. Болдыревым указывается на интерпретирующую функцию концептуально-тематических областей, реализуемую в нескольких аспектах: 1) в интерпретации самих объектов и событий, а также в их оценке в пределах той или иной области, 2) в интерпретации объектов и событий за счет установления разных связей между теми или иными областями и 3) в различных способах структурирования самой концептуально-тематической области, в том числе с помощью языка [Болдырев 2018: 301-305].

Наиболее общий взгляд на языковую интерпретацию представлен Е.Г. Беляевской, отметившей, что восприятие человеком окружающей действительности является интерпретацией. При этом человек руководствуется пятью информационными источниками: географическое окружение индивидуума, мифопоэтическая компонента культуры, религиозные верования окружающего социума, влияние научного знания на категоризацию окружающей действительности, система устоявшихся социальных отношений [Беляевская 2017: 83-85].

Характерно, что сущность языковой интерпретации рассматривалась в лингвистических исследованиях на материале разных уровней языковой системы. В частности, интерпретирующий потенциал лексических категорий был описан Л.А. Панасенко, изучившей три модуса интерпретации: рациональный, эмотивный и аксиологический [Панасенко 2014: 56].

Л.В. Бабина проанализировала особенности языковой интерпретации на материале сложных слов с опорой на когнитивные механизмы концептуальной метафоры и концептуальной метонимии [Бабина 2022: 177].

И.Ю. Безукладова в своем исследовании рассматривает интерпретацию как базис эгоцентричной категоризации пространства. По мнению исследователя, языковая категоризация пространства базируется на интерпретации определенного фрагмента мира и знаний о нем. Объектом интерпретации служат пространственные характеристики, благодаря которым человек познает окружающее его пространство [Безукладова 2015: 553].

Специфика языковой интерпретации на уровне фразеологических единиц связана с формированием оценочного знания. Отметим исследование О.В. Магировской, посвященное изучению моделей вторичной интерпретации мира в пословицах и поговорках. За основу в этой работе была принята классификация идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, таких как:

- Пропозициональные модели, представляющие собой структуры, которые описывают элементы, их характерные черты и взаимосвязи между ними;
- Схематические модели образов, фокусирующиеся на создании и обработке схематических представлений, которые помогают визуализировать и осмысливать различные концепты;
- Метафорические модели, которые функционируют как механизм переноса значений и структур из одной концептуальной сферы в другую, базируясь на проецировании элементов пропозициональных и образно-схематических моделей на новую область;
- Метонимические модели, которые характеризуются тем, что в рамках пропозициональных, образных и схематических структур один элемент может

замещать или представлять другой, что создает особые отношения между элементами модели [Lakoff 1987: 113-114].

На основе данных моделей О.В. Магировская показала сущность процессов интерпретирующей деятельности сознания человека на материале английских пословиц и поговорок [Магировская 2022: 460].

На уровне синтаксиса проблема языковой интерпретации рассматривается Л.А. Фурс, С.Г. Виноградовой, Г.П. Берзиной. В частности, в исследовании Л.А. Фурс ставится вопрос о роли когнитивной доминанты как процедуры по обработке информации на уровне восприятия явлений окружающей действительности, которая раскрывает субъективный характер процессов интерпретации знания о мире в синтаксисе. Действие приема когнитивной доминанты «согласуется с функционированием системы восприятия человека как создателя конкретного предложения и его интенциями в виде определенных волевых актов, направленных на членение поступающей информации и подчеркивание значимости тех или иных аспектов ситуации, их выделение в качестве важных или неважных с точки зрения целей коммуникации. Интенции говорящего, как и результаты осмысления информации на уровне восприятия, получают репрезентацию посредством выбора слов и синтаксических конструкций» [Фурс 2017; 2020].

Как подчеркивает Л.А. Фурс, «в результате включения в когнитивную доминанту говорящего и вопреки естественному ходу событий, статус доминирующей сущности удается закрепить и за статичным объектом в том случае, если акцентируется данный аспект ситуации» [там же]. Фактически, такое намеренное акцентирование тех или иных аспектов ситуации в процессе конструирования предложения при условии «наличия выбора» представляет собой сущность языковой интерпретации в области синтаксиса простого предложения [Фурс 2020: 171].

С.Г. Виноградова рассматривает реализацию интерпретирующей функции языка на примере конструирования сложных предложений [Виноградова 2015], а

в исследовании Г.П. Берзиной сконцентрировано внимание на роли данной функции в построении модусной категории уступительности [Берзина 2017: 367].

На уровне дискурса интерпретирующая функция языка была проанализирована О.Г. Дубровской с учетом активации коллективных и социокультурных знаний субъекта [Дубровская 2017: 393].

Рассмотренные положения о двух типах языковой интерпретации и роли когнитивной доминанты наблюдателя имеют существенное значение для осмысления властных отношений, так как дают основание включить в анализ и те структуры знания о властных отношениях, которые характеризуются субъективным осмыслением и связаны с различными фокусами оценки, что, в целом, позволит учесть различные ценностные ориентиры в моделировании властных отношений в языке.

Таким образом, с учетом фактора антропоцентризма в исследовании языковых явлений необходимо разграничивать коллективные и индивидуальные схемы познания мира, а для полного представления знания о том, как человек структурирует знание о том или ином явлении реального мира, значимость имеет включение в анализ результатов двух типов интерпретации – первичной и вторичной, а также дальнейшее концентрирование внимания на языковых и когнитивных механизмах репрезентации властных отношений.

1.2.3. Когнитивные и языковые механизмы формирования знания о властных отношениях

Сознание человека, обрабатывающего информацию об окружающем его мире для последующей языковой репрезентации, опирается на когнитивные механизмы. «Когнитивные механизмы выступают в качестве универсальных инструментов сознания человека и являются инструментами интерпретативного процесса оперирования знаниями» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996]. Когнитивные механизмы используются человеком «с целью формирования и организации концептуального содержания и передачи конкретных смыслов как

сложные способы мыслительной обработки информации, пополнения, модификации структур знания» [Болдырев, Маховикова 2012: 7].

Как свидетельствует фактологический анализ, в процессах формирования знания о властных отношениях выделяются два типа интерпретации – первичная и вторичная. Согласно точке зрения Н.Н. Болдырева, вторичная интерпретация в отличие от первичной (естественной) определяется как осмысление реальной ситуации «в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов» [Болдырев 2021: 179]. В соответствии с этими типами интерпретации необходимо дифференцировать и когнитивные механизмы.

В первом случае значимость имеет механизм профилирования. Операция профилирования, по мнению Л. Талми, – это выделение активной зоны концептуальной области [Talmy 1985: 7]. Сходное мнение отмечается в работах Р. Лэнкера, указавшего, что профилирование – это процесс «высвечивания конкретного участка в пределах определенной когнитивной области». При этом ученый оперирует терминами «профиль» и «база», понимаемые как «фокусирование значимой структуры знания на фоне не активизируемых структур в определенный момент времени» [Langacker 2000]. Например:

She struggled to wrest herself from men who wanted to dominate her [English Dictionary];

Ее неуважение проявляется в желании доминировать в отношениях с мужчиной, что нехарактерно для чисто женской натуры [Карта слов и выражений русского языка].

Семантика глаголов *to dominate* (to have control over a place or person [Cambridge Dictionary]) и *доминировать* профилирует процесс установления властных, иерархических отношений.

В процессах вторичной интерпретации активируются механизмы концептуальной метонимии, концептуальной метафоры, концептуальной метафтонимии, концептуального сравнения и инференции. Рассмотрим, как формируется оценочное знание о властных отношениях в ходе активизации каждого из этих когнитивных механизмов.

Пристальное внимание механизму концептуальной метафоры в своих работах уделили Дж. Лакофф и М. Джонсон. По их мнению, в процессе метафоризации оперируют две структуры знания: *область-источник* и *область-цель* [Лакофф 2004: 9]. В результате метафорической проекции из области-источника в область-цель, которая осуществляется с учетом опыта взаимодействия человека с окружающим миром, на основе знания из области-источника осмысливается менее понятный, как правило, абстрактный объект из области-цели. В этом и заключается сущность механизма концептуальной метафоры.

По способу и характеру концептуализации предметов было выделено три вида концептуальных метафор – ориентационная, структурная и онтологическая метафоры [Лакофф 2004]. Ориентационная метафора передает линейную ориентацию человека в пространстве, опирающуюся на такие «схемы образов», как «вместилище», «путь», «вверх-вниз», «вперед-назад». Онтологические метафоры проецируют свойства конкретных предметов на абстрактные сущности. Структурная метафора отражает абстрактные понятия посредством известных человеку материальных объектов. Например:

Florida passed into American hands in 1821 [Cambridge Dictionary];

С другой стороны, я не могу не принимать во внимание, в чьих руках находится власть, какая у нее идеология [Национальный корпус русского языка].

В этих примерах активизируется механизм концептуальной метафоры КОНТЕЙНЕР, при этом знание о нахождении в границах контейнера проецируется на проявление контроля со стороны субъекта властных отношений за действиями объекта (*in someone's hands* – controlled or owned by someone [Cambridge Dictionary]; *находится в чьи-то руках* – под чьей-либо властью [Карта слов и выражений русского языка]). В результате создается ассоциация: «находиться под полным контролем».

Когнитивный механизм концептуальной метонимии принципиально отличается от механизма концептуальной метафоры по характеру своего

действия. Согласно Н.Н. Болдыреву, Л.В. Бабиной, Е.А. Козловой, К. Фейертсу, Б. Уоррен, Г. Раддену, метонимия характеризуется наличием одной концептуальной области, внутри которой происходит замещение концепта-цели концептом-средством, которые между собой связаны отношением партитивности [Болдырев 2021; Бабина 2009: 143; Козлова 2001; Feyaerts 2000; Warren 1995; Radden, Kövecses 1999]. Замещение обусловлено смежностью осмысляемых явлений в действительности – наличием некоторой событийной (временной, пространственной, причинно-следственной и т.п.) связи между ними. Метонимический перенос не является ментальной проекцией одного явления на другое, связанное с ним онтологически, а предполагает ряд мыслительных операций: выделение того или иного элемента концептуализируемой области, фокусирование внимания на нем и дефокусирование других, незначимых элементов, отбор активизируемых признаков.

Выделяются различные модели метонимического переноса по типу семантической связи между замещающими и замещаемыми предметами, например: часть предмета заменяется целым и наоборот; название места заменяется названием организации; название места также может заменять название события; продукт может называться в честь производителя, название книги заменяется на фамилию автора, вместилище заменяется содержанием [Ungerer, Schmid 2006]. Например:

Beijing refuses to allow defectors to make claims for asylum and prevents the office of the U.N. [English Dictionary];

Москва наряду с Нью-Дели наращивает свое влияние в мире [<https://iz.ru>].

Оба примера демонстрируют функционирование когнитивного механизма метонимии по модели «название места вместо названия государства». В первом случае название государства замещается указанием на место расположения администрации КНР (*Beijing*). Контекстуально подчеркивается контроль государства за иностранными гражданами. Во втором примере за счет указания на место нахождения правительства РФ (*Москва*) подчеркивается авторитет России среди других стран.

Часто имеет место взаимодействие двух указанных выше когнитивных механизмов – концептуальной метафоры и метонимии, которому Л. Гуссенсом было дано название метафтонимия [Goossens 1990]. Исследователь рассмотрел два основных типа метафтонимии и выделил четыре случая взаимодействия метафоры и метонимии:

- Комплексная метафтонимия: метафора в метонимии (metaphor within a metonymy) и метонимия в метафоре (metonymy within a metaphor);
- Кумулятивная метафтонимия: образование метафоры от метонимии (metaphor from metonymy) и образование метонимии от метафоры (metonymy from metaphor) [Goossens 2002: 352].

Классификация Л. Гуссенса получила уточнение в исследовании Р.И. Устарханова, выделившего 5 типов метафтонимии: пропорциональная интеграция, в которой метафора и метонимия сочетаются свободно; многоплоскостная интеграция обеих проекций; метонимическая интеграция с подавлением метонимического конституента; метонимическая интеграция с сохранением метафорического конституента; метафорическая интеграция с сохранением метонимического конституента [Устарханов 2006: 19].

Еще один подход к изучению метафтонимии выделяется Ф.Х. Руиз де Мендоза, который понимает под метафтонимией процесс взаимодействия метафоры и метонимии и описывает его в виде метафорических проекций, в ходе которых происходят метонимические сдвиги в области источника или области цели [Ruiz de Mendoza, Velasco 2003].

Несмотря на существование нескольких классификаций метафтонимий, исследователи придерживаются единого мнения относительно действия данного когнитивного механизма – в каждом случае формирование оценочного знания носит образный характер.

Активизация механизма метафтонимии представлена и в процессах формирования оценочного знания о властных отношениях:

His charisma had a magnetic pull that drew people towards his cause [https://ludwig.guru];

Слово – ключ, открывающий сердца (китайская мудрость)
[<https://wordru.ru>].

В первом случае аналогия по смежности представлена отношениями «человек – характер», а аналогия по сходству заключается в проецировании знания о влиянии магнитной волны на характер человека. В результате создается ассоциация «как магнит притягивает предметы, так и харизматичность человека притягивает окружающих». Во втором примере метонимический перенос представлен отношениями «человек – продукт речи». Метафорический перенос заключается в проецировании знания о функциях ключа как инструмента для открытия двери на область ЧЕЛОВЕК. В результате подчеркивается магия слов в межличностных отношениях и формируется ассоциация: «личный и деловой успех в основном обусловлен тем, как люди умеют договариваться и располагать к себе окружающих».

Когнитивный механизм концептуального сравнения также лежит в основе формирования оценочного знания о властных отношениях. Как утверждает В.Б. Гольдберг, данный когнитивный механизм предполагает выделение «опоры для познания интерпретируемого события», употребляемой после оператора сравнения [Гольдберг 2015а, Гольдберг 2015б]. По мнению Н. Гисборна, две части сравнения, занимающие позиции слева и справа от союза *like/как* квалифицируются как первый и второй аргументы союза в образном сравнении, где второй аргумент является «опорным элементом» [Gisborne 1998]. Такие опоры представляют собой эталонное знание. Например:

Rangers have been like a relentless juggernaut lately [<https://ludwig.guru>];

Его бархатистый баритон притягивал к себе как магнит [<https://lenta.ru>].

В данных примерах значимой при осмыслении властных отношений является характеристика «сила». В первом примере в качестве эталонного знания выступает многотонный грузовик как сокрушительная сила, сметающая все на своем пути. Во втором примере эталоном для осмысления силы притяжения является магнит.

Еще одним когнитивным механизмом передачи оценочного знания о властных отношениях выступает инференция. Как указывается в работах Н.Н. Болдырева, «инференция – это формирование смысла за счет имплицитного обращения к другому концепту, т.е. на основе выводного, дополнительного знания» [Болдырев 2021: 102]. Например:

*A decade after being welcomed into the Mans family, Natalia alleged that the Manses were financially exploiting her and physically **abusing** her* [English Dictionary];

*Сейчас также распространена ситуация, когда ценный, эффективный работник может **диктовать свои условия** работодателю* [Карта слов и выражений русского языка].

Здесь смысл властных отношений выводится с опорой на концепты, репрезентирующие способы установления властных отношений, такие как ДИКТАТ и НАСИЛИЕ, которые активизируются вместе с концептуальными характеристиками власти «контроль», «влияние», «сила».

Таким образом, осмысление властных отношений базируется на двух типах интерпретации: естественной (первичной) и оценочной (вторичной). Когнитивным механизмом в процессах первичной интерпретации властных отношений выступает механизм профилирования. В процессах вторичной интерпретации активизируются механизмы инференции, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, концептуальной метафтонимии и концептуального сравнения, в результате действия которых формируемое знание о властных отношениях носит образный характер. В качестве языковых механизмов формирования знания о властных отношениях, как иллюстрируют проанализированные примеры, выступают: номинация и глагольные конструкции в рамках первичной интерпретации и фразеологизмы и сравнительные конструкции в рамках вторичной интерпретации знаний в языке.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В ходе анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей установлены следующие положения, которые могли бы послужить в качестве основы для подтверждения выдвинутой в диссертации гипотезы:

1. В области философии подтверждена роль государственных институтов и авторитета человека в установлении власти, а также разграничены области, в которых реализуются властные отношения, – производственная сфера, межличностный и государственный уровни.

2. Властные отношения, являясь объектом изучения политологии, рассматриваются как способ установления политического режима, а также ставится вопрос о роли манипуляции или убеждения в установлении лидерства. В качестве инструментов и источников власти определены закон, авторитет, знания, денежные средства, физическая сила, к тому же описана конфликтологическая природа властной модели «господство-подчинение».

3. В области психологии разработана концепция вертикали власти, где потребность власти у человека является неотъемлемой чертой характера и не может быть подавлена. Такой тип личности называется авторитарным. Мотивами выступают желание стать во главе социума в виду необходимости быть свободным, самоутвердиться, продемонстрировать свои сильные стороны и получить материальные выгоды. Вместе с тем выделяются такие способы установления власти, как убеждение, угроза, обещание, вознаграждение, принуждение. Данная концепция также подтверждает определение властных отношений как волевого воздействия субъекта на объект с позиции доминирования с целью подчинения.

4. В русле социологического подхода к изучению властных отношений определены их классификационные модели по способам, мотивам и целям достижения власти. К ним относятся классификации, выдвинутые Дж. Френчем и В.Г. Ледяевым, которые способствуют детальному рассмотрению феномена

властных отношений в языке и их репрезентации и используются в практической части исследования в качестве основы для ее структурирования.

5. В лингвистических исследованиях фокус внимания направлен на изучение властных отношений на материале различных типов дискурса (в разговорном, газетном, политическом, пенитенциарном, гламурном и т.д.) и определение концептуальной составляющей властных отношений в русле семантического подхода, где, например, исследователями рассматриваются древнейшие семантические слои концепта POWER/ВЛАСТЬ, выделяются интегральные и дифференциальные признаки концепта POWER/ВЛАСТЬ/AUTHORITY, проводится сопоставительное изучение концептов СВОБОДА, ВЛАСТЬ, ВЫЗОВ на материале художественных текстов. Помимо этого, отмечается ряд исследований, проведенных в русле психолингвистического подхода, в которых описываются релевантные формы речевого поведения, соотносимые с характеристиками концепта «власть», проводится эксперимент, связанный с анализом ассоциации образа власти.

6. С учетом того, что в ходе анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей выявлена тенденция рассматривать властные отношения в виде стереотипной ситуации с рядом участников, логичным является представление властных отношений в виде фрейма. Его концептуальная основа установлена в результате проведенного концептуально-дефиниционного анализа одноименных лексем *subordination, to subordinate, domination, to dominate, power, to power, подчинять, доминировать, власть, властвовать* и их дериватов. На основании этого выявлены концептуальные характеристики власти – «сила», «контроль» и «влияние», с опорой на которые производится акт властных отношений, а также определены базовые и факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

7. К базовым компонентам относятся *субъект властных отношений, объект властных отношений, акт властных отношений* и *мотив подчинения*. В случае отсутствия одного из базовых компонентов фрейма не могут быть достигнуты иерархические отношения «доминирование – подчинение», так как

любой акт властных отношений предполагает присутствие двух сторон и мотива осуществления контроля, влияния и силы со стороны субъекта. Факультативными компонентами выступают *инструмент, цель и способ установления властных отношений*, которые не всегда представлены в структуре предложения.

8. Значимыми для исследования определяются основные концептуальные области, в контексте которых реализуются властные отношения: ГОСУДАРСТВО, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

9. В качестве основных когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования знания о властных отношениях, выявлены профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, концептуальное сравнение и инференция. Языковые механизмы включают фразеологизмы, сравнительные конструкции, глагольные конструкции, номинацию.

10. В формировании знания о властных отношениях значимость имеют два типа языковой интерпретации – первичная и вторичная, что согласуется с принципом антропоцентризма как ведущим принципом в осмыслении процессов формирования знания об окружающем мире.

Данные положения представляют теоретическую базу для проведения анализа фактического материала в практической главе и подтверждения выдвинутой гипотезы исследования.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

Анализ средств репрезентации властных отношений на материале английского и русского языков позволит установить особенности осмысления данных отношений в контексте трех основных концептуальных областей: ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В каждой области выделяются определенные типы властных отношений (власть вознаграждения, власть принуждения, законная власть, эталонная власть, экспертная власть и информационная власть [French, Raven 1959]) и вариативные мотивы подчинения, такие как «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний», «владение информацией (шантаж)», «страх перед наказанием». Способы установления властных отношений представлены концептами ПРИНУЖДЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ, ДИКТАТ, НАСИЛИЕ, УГРОЗА, которые раскрывают характер волевого воздействия. На этой основе структурируется данная глава.

2.1. Моделирование властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО

Рассмотрим положения, на основе которых осмысляется концептуальная область ГОСУДАРСТВО. В энциклопедическом словаре «Федерализм» «государство правовое» определяется как «демократическая форма государственности, основывающаяся на верховенстве конституционности и законности» [Федерализм 1997]. Для правового государства характерны: реализация принципа разделения властей, осуществление всеми должностными лицами и государственными органами отправления властных функций лишь в пределах своих полномочий, построение политической власти «снизу» путем реализации гражданами своих политических прав (самоорганизация политических партий и общественных организаций, участвующих в

формировании органов государственного управления на основе всеобщего и равного избирательного права), развитая система местного самоуправления, образование многих независимых центров власти и политического влияния. В правовом государстве закон находится над властью, а не наоборот. В нем осуществляется принцип равенства всех граждан перед законом.

Важно отметить и понимание государства, разработанное Ю.А. Тихомировым, как «универсальной публичной организации общества для управления его общими делами на основе права» [Тихомиров 2013: 24]. Исследователь считает, что «обязательными признаками государства являются публичная власть, законодательно определенная территория, государственные ресурсы, публичное объединение народа (нации, граждан), возможность непосредственного публичного участия в делах мирового сообщества» [там же]. Перечисленные признаки указывают на важность обладания властными полномочиями.

Согласно точке зрения А.В. Слепнева, «государство действует как самостоятельный, полноправный субъект, а его государственные органы выступают в роли представителей интересов государства» [Слепнев 2009: 14]. Рассуждая о сущностных характеристиках государства, исследователь указывает, что «именно человек (государственный служащий) является объектом, позволяющим государству обрести дееспособность и стать участником – субъектом властных отношений. Органы государства, по мнению автора, выступают в роли средства достижения целей, стоящих перед государством» [там же].

Наряду с внутригосударственными отношениями, значимость имеют и межгосударственные (международные) отношения, под которыми понимается «система экономических, политических, социальных, дипломатических, правовых, военных и культурных связей и взаимодействий, которые возникают между различными субъектами мирового сообщества» [Политологический словарь-справочник]. При этом основными субъектами таких отношений являются государства.

Помимо этого, обращение к словарным дефинициям дает нам следующие результаты:

state – 1) a politically unified people occupying a definite territory; nation; 2) the territory, or one of the territories, of a government; 3) any of the bodies which together make up a federal union, as in the United States of America; 4) the body, organized for civil rule and government; 5) the operations or activities of a central civil government [English Dictionary].

На основе данных дефиниций можно вычленить следующие значимые характеристики рассматриваемой концептуальной области: 1) форма политической организации общества, 2) населенная территория, на которую распространяются юридические нормы, 3) наличие особого аппарата, осуществляющего функцию власти и организующего управление.

С учетом того, что характер властных отношений зависит от реализации таких концептуальных характеристик власти, как «сила», «контроль» и «влияние», а их осмысление сопровождается указанием на определенный мотив подчинения при установлении властных отношений, необходимо акцентировать данные аспекты в дальнейшем анализе.

Рассмотрим на конкретных примерах, как репрезентируются различные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО.

2.1.1. «Получение выгоды» как мотив подчинения в модели властных отношений

Осмысление данного мотива подчинения опирается на следующие словарные дефиниции:

выгода – 1) прибыль, доход, извлекаемые из чего-либо; 2) польза, преимущество, личный интерес;

получить – 1) взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое; 2) принять для исполнения; 3) переработав, добыть, выделить, произвести из чего-

либо. 4) заслужить что-либо; подвергнуться чему-либо; 5) ощутить что-либо; прийти в какое-либо состояние [Большой толковый словарь русского языка 1998].

Посредством дефиниционного анализа установлено, что объект властных отношений подчиняется с целью получения определенного дохода или преимущества, а также улучшения своего положения.

Обратимся к анализу конкретных примеров:

1. *United States President Donald Trump has quickly **restarted his pressure campaign against Iran** while emphasising he does not want Tehran to have a nuclear weapon* [<https://www.aljazeera.com>];

2. *При этом серьезно усилившийся в 2000-е годы **нажим со стороны государства** создал новые проблемы для **работающих в бизнесе*** [Карта слов и выражений русского языка];

3. *Крупнейшие **спонсоры** Демократической партии **собираются оказать давление** на президента США **Джо Байдена**, чтобы **вынудить его выйти из предвыборной гонки*** [<https://tass.ru>].

Характер властных отношений здесь осмысливается на основе концептуальной характеристики «сила», а мотивом установления властных отношений является получение выгоды, что выводится контекстуально за счет когнитивного механизма инференции. Способом реализации этого мотива выступает ДАВЛЕНИЕ (примеры 1 и 2) и ПРИНУЖДЕНИЕ (пример 3), на что указывает семантика лексем *нажим* (давление [Словарь русской идиоматики]), *давление* и *pressure* (the state of pressing or being pressed [Collin's Dictionary]). В примерах 2 и 3 представлены властные отношения между государственными органами и представителями бизнеса, а пример 1 демонстрирует межгосударственные отношения. При этом в последнем примере цель реализации властных отношений посредством давления устанавливается на основе широкого контекста (поддержка другого кандидата на должность президента), а в примере 2 для наблюдателя важным является следствие, вытекающее из политики давления.

Следующие примеры инферентно указывают на концептуальную характеристику «влияние» в процессе установления волевого воздействия, когда мотивом подчинения также выступает «получение выгоды»:

4. *For France to block the deal it will need to persuade at least three other EU countries, representing at least 35% of the total population to join it* [English Dictionary];

5. *Во время переговоров римлянам с помощью щедрых подарков и заманчивых обещаний удалось подкупить послов, подвигнув их на убийство своего вождя* [Карта слов и выражений русского языка].

В примерах 4 и 5 способом достижения подчинения является УБЕЖДЕНИЕ, в качестве цели которого выступает получение выгоды в виде блокирования сделки в интересах Франции (пример 4) и получения щедрых подарков и обещаний (пример 5). При этом концептуальная характеристика «влияние», раскрывающая характер властных отношений, осмысливается инферентно, за счет обращения к концептам PERSUASION и УБЕЖДЕНИЕ и профилирования характеристики «уговаривая, склонить к чему-либо».

6. *Most people leverage their obedience to the Taliban to lessen their suffering* [English Dictionary];

7. *Beyer said France, Germany and other European states might ultimately have to subordinate their national interests for the sake of a broader deal for Europe* [English Dictionary];

8. *Аламанны и бавары также были вынуждены признать гегемонию франкских властителей, сохранив при этом своих племенных вождей* [Карта слов и выражений русского языка];

9. *Изданный 2 июня декрет против двадцати двух депутатов правой стороны и членов бывшей Комиссии двенадцати гласил, что они помещаются под домашний арест и охрану жандармов. Некоторые добровольно покорились, чтобы этим заявить свое повиновение закону и в надежде вызвать суд, который доказал бы их невиновность* [Карта слов и выражений русского языка].

В указанных примерах репрезентируется концептуальная характеристика волевого воздействия «контроль». Значение подчинения профилируется такими глаголами и именами существительными, как *obedience* (the fact that people or animals do what they are told to do [Cambridge Dictionary]), *to subordinate* (to put someone or something into a less important position [Cambridge Dictionary]), *гегемония* (главенство, господство; руководящая роль [Большой толковый словарь русского языка 1998]), *повиновение* (беспрекословное исполнение чего-нибудь (распоряжений, указаний и т.п., подчинение [Толковый словарь современного русского языка]). Во всех примерах прослеживается цель установления властных отношений: пример 6 – уменьшить последствия гнева талибского правительства, пример 7 – получение более выгодной сделки, пример 8 – сохранить племенных вождей на постах, пример 9 – доказать невиновность объекта перед субъектом. Отмечается также и способ установления властных отношений в контексте примеров 7 и 8 – ПРИНУЖДЕНИЕ, на что указывает модальный глагол *to have* в значении вынужденности действия и конструкция в пассивном залоге *быть вынужденным*.

В рамках вторичной интерпретации концептуальная характеристика властных отношений «контроль» объективируется в ходе активизации когнитивного механизма концептуальной метафоры:

10. *In 1999, Panama took full control of the canal with a treaty in place that it remain neutral and open to vessels of all nations* [English Dictionary];

11. *Англичане попытались **взять под контроль** вооруженные силы греческих повстанцев* [Карта слов и выражений русского языка].

В этих примерах метафорический перенос основан на идиоматическом выражении *to take control* (to gain, assume, or exercise the ability or authority to manage, direct, or influence something [The Free Dictionary]) и *взять под контроль*, когда знание о том, что объект находится в руках и под наблюдением субъекта, переносится на водную артерию (пример 10) и группу людей (пример 11). В результате формируется аналогия о возможности управления объектом. Указывается и мотив подчинения: в первом случае, опираясь на контекст,

преимущество осмысляется как достижение свободного передвижения судов (*it remain neutral and open to vessels of all nations*), а во втором случае мотивом является получение выгоды от управления вооруженными силами противника.

В ходе реализации мотива подчинения «получение выгоды» в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО профилируются все концептуальные характеристики властных отношений, такие как «контроль» «влияние», «сила». Они объективируются на основе когнитивных механизмов метафоры и инференции. Наряду с базовыми компонентами фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируются и факультативные компоненты, такие как цель и способ установления властных отношений. Представленными способами являются ДАВЛЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ.

Обратимся далее к рассмотрению такого мотива подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО, как «закон».

2.1.2. «Закон» как мотив подчинения в модели властных отношений

Обращение к дефинициям лексемы *закон* позволяет установить сущность рассматриваемого мотива:

закон – 1) нормативный акт, постановление высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и имеющий юридическую силу; 2) правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным, непреложным; обычай; 3) основное положение какой-либо деятельности, творчества, игры и т.п.; 4) система нравственных и обрядовых требований, принципов какого-либо религиозного учения; свод религиозных правил и норм [Большой толковый словарь русского языка 1998].

Примечательно, что объект властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО подчиняется субъекту в виду наличия нормативного акта, имеющего юридическую силу и определяющего поведение объекта.

Рассмотрим следующие примеры:

12. *ICC member states – which do not include Israel or the US – are obliged to take action in detaining a wanted defendant if they are found to be in their jurisdiction* [English Dictionary];

13. *After President Biden signed a bill on Wednesday forcing Chinese company ByteDance to sell its ownership of TikTok, the United States moved one step closer to an internet without the short video app* [English Dictionary];

14. *Президент России Владимир Путин подписал закон, обязывающий блогеров и владельцев Telegram-каналов с аудиторией свыше 10 тысяч читателей сообщать свои персональные данные в Роскомнадзор* [<https://www.dw.com>].

Указанные выше примеры репрезентируют концептуальную характеристику «сила», которая осмысливается инферентно за счет отсылки к концептам JURISDICTION, BILL и ЗАКОН. Властные отношения как взаимодействие между странами (пример 12); между руководителями государства или представителями государственных институтов (пример 13); между физическими лицами и государственными органами (пример 14) представлены как подчинение объекта субъекту, доминирование которого обеспечено юридическими актами (пример 12 – *to be in one's jurisdiction*, пример 13 – *a bill*, пример 14 – *закон*). Характерно, что общим для всех примеров выступает способ установления властных отношений – ПРИНУЖДЕНИЕ (пример 12 – *to be obliged to take action*, пример 13 – *принуждение к продаже компании*, пример 14 – *закон, обязывающий сообщать персональные данные в Роскомнадзор*). В каждом случае в контексте репрезентируется и цель реализации властных отношений.

15. *Weeks before the unrest in the summer of 2022, President Raisi had ordered a tightening of Iran's "hijab and chastity law" which obligated women to behave and dress modestly* [English Dictionary];

16. *Президент Турции Реджеп Эрдоган выдал распоряжение министерству иностранных дел выслать из страны послов десяти западных стран* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика «сила» репрезентируется в данных примерах также в ходе действия когнитивного механизма инференции за счет обращения к концептам LAW и РАСПОРЯЖЕНИЕ. Способом установления властных отношений выступает диктат, что подчеркивается семантикой глагола *to obligate* (to compel, constrain, or oblige morally or legally [Collin's Dictionary] и существительного *распоряжение* (действие, выражающее требование к определенному лицу исполнить что-либо [Толковый словарь Ожегова онлайн]). В примере 15 в фокусе внимания находятся должностные полномочия иранского президента по ужесточению закона о ношении хиджаба женщинами, который является инструментом абсолютной власти над последними. В обоих случаях выявляется и цель установления властных отношений.

17. *Union efforts to amend the law buckle under the weight of opposition from the U.S.* [English Dictionary];

18. *In currency markets the Chinese yuan rose 0.5 percent CNH = in offshore trade to 6.5830 per dollar, as Chinese authorities continued to stamp down on speculative yuan selling* [English Dictionary];

19. *Император, вынужденный под давлением оппозиции отправлять в отставку одного премьер-министра за другим, не видел иного выхода, как распустить оппозиционный парламент* [Карта слов и выражений русского языка].

Примеры 17-19 также объективируют концептуальную характеристику «сила», которая профилируется словосочетаниями *the weight of opposition* и *под давлением*, а также фразовым глаголом *to stamp down* (to put down by force or authority [English Dictionary]). На мотив подчинения в первом примере указывает лексическая единица *law*, а во втором и третьем случаях он выражается в контексте, указывающем на то, что государственные представители по законодательству в Китае имеют право регулировать экономические вопросы, и император имеет данное право по Конституции. Цель установления волевого воздействия отмечается только в примере 19 – *распустить оппозиционный парламент*.

20. *In September 2024, Russia announced that **the accreditation of six British diplomats in Moscow had been revoked**, requiring them to leave the country [English Dictionary];*

21. *US President Donald Trump has said **Mexico will not be required to pay tariffs** on goods that come **under the trade pact** between the two countries and Canada until 2 April [English Dictionary];*

22. *Как заявил **министр инноваций, науки и промышленности Канады Франсуа-Филипп Шампань**, **требование прекратить работу TikTok** соответствует канадскому **закону об инвестициях**, позволяющему проверять иностранные компании, работающие в стране, с точки зрения национальной безопасности [https://www.kommersant.ru].*

Примеры 20-22 репрезентируют концептуальную характеристику «контроль», которая выводится инферентно на основе семантики лексем *accreditation* (the fact of being officially recognized, accepted, or approved of, or the act of officially recognizing, accepting, or approving of something [Cambridge Dictionary]), *a pact* (a formal agreement between two people or groups of people [Cambridge Dictionary]), *закон*. В качестве мотива подчинения субъекту волевого воздействия выступает закон (примеры 20, 22) и соглашение между странами (пример 21). Во всех примерах в контексте отмечается цель реализации властных отношений. А способом установления властных отношений выступает ДИКТАТ, на что указывает семантика глагола *to require* (to order or demand something, or to order someone to do something, esp. because of a rule or law [Cambridge Dictionary]) и имени существительного *требование* (настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме [Большой толковый словарь русского языка 1998]).

23. *“**British nationals are subject to UAE laws**, violations may lead to fines, imprisonment, or deportation,” the embassy said in a statement on X [English Dictionary];*

24. *“**Wagner is absolutely completely subordinate to the interests of the Russian Federation and the supreme commander in chief**,” he wrote [English Dictionary];*

25. *Правящая партия безраздельно осуществляет фактическую власть, причем эта монополия власти санкционирована действующим законодательством* [Карта слов и выражений русского языка].

В этих примерах в фокусе внимания находится концептуальная характеристика «контроль», профилируемая словосочетаниями *to be subject, to be subordinate, фактическая власть*. В примерах 23 и 25 эксплицитно представлен мотив подчинения субъекту (*a law, законодательство*), в примере 24 на основе метонимического переноса «страна – ее законодательство». Цель отмечается только в первом контексте – избежать тюрьмы, штрафов или депортации.

26. *One of President Trump's first acts on taking office has been, however, to order the Houthis to be put back on the US list of foreign terrorist organisations* [English Dictionary];

27. *Как будто бы ничего особенного в этом тексте нет – президент приказал, а исполнительная власть взяла под козырек и решила коллективным умом придумать, как получше выполнить повеление* [Карта слов и выражений русского языка].

Характер властных отношений в этих примерах обусловлен законодательно, так как именно издание указов является инструментом волевого воздействия, а способом такого воздействия выступает ДИКТАТ (безусловного подчинения). Это подтверждается и семантикой глагола *to order* (to use your position of authority to tell someone to do something or say that something must happen [Oxford Learner's Dictionaries]) и имени существительного *повеление* (приказание, распоряжение (обычно высокопоставленного лица или считающегося таковым) [Большой толковый словарь русского языка 1998]). Во всех примерах для наблюдателя значимость имеет цель властных отношений (в примере 26 – *the Houthis to be put back on the US list of foreign terrorist organizations*, в примере 27 – *выполнить повеление*). При этом реализуется концептуальная характеристика властных отношений «контроль» в первом случае при активации когнитивного механизма инференции, когда через контекст лексемы *to order* и словосочетания *President Trump's first acts* акцентируется законодательное право осуществлять

контроль. В примере 27 представлен когнитивный механизм метафтонимии, когда метонимический перенос осуществляется по модели «человек – атрибут одежды», а в метафорическом переносе задействовано знание о военном приветствии, которое отдают солдаты старшим по званию, подчеркивая свое подчинение, которое проецируется на область-цель – беспрекословное подчинение представителей органов исполнительной власти.

28. *Nigeria led the regional mission with the deployment of jets and troops to suppress the mutiny in Benin* [English Dictionary];

29. *Власти усилили репрессии, запретили матросам и солдатам посещать митинги, участвовать в демонстрациях, увольняться в город* [Карта слов и выражений русского языка].

В этих примерах концептуальная характеристика властных отношений «сила» объективируется лексемами *to suppress* (to end something by force [Cambridge Dictionary]) и *репрессии* (карательные меры (тюремное заключение, ссылка, расстрел), применяемые государственными органами в отношении граждан [Большой толковый словарь русского языка 1998]). Семантика данных лексем подчеркивает и способ установления властных отношений – ДАВЛЕНИЕ. Субъект в позиции доминирования представлен на основе когнитивного механизма метонимии по модели «страна – руководитель» (пример 28) и «власть – исполнитель». Отмечается цель установления властных отношений – подавить восстание (пример 28) и его инструмент – *with the deployment of jets and troops* (пример 29).

30. *They ruled the country with an iron hand and anybody who protested was arrested* [The Free Dictionary];

31. *Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим* [Карта слов и выражений русского языка].

В данных предложениях на основе активизации механизма концептуальной метафоры формируется оценочное знание о властных отношениях. В примере 30 областью-источником в метафорическом переносе выступает знание о физических свойствах железа как твердого и тяжелого минерала, способного

своим весом давить на другой объект. Это знание проецируется на способ управления государством. К тому же за счет второго метафорического переноса создается ассоциация с функцией руки удерживать предметы в зоне контроля. В результате подчеркивается такая характеристика властных отношений, как «контроль». На это указывает и семантика идиомы *to rule something with an iron hand* (to control a group of people very firmly, having complete power over everything they do [Cambridge Dictionary]), которая также акцентирует внимание на способе установления властных отношений – ДИКТАТ. В последнем примере знание о том, как функционирует автомобиль, когда целое зависит от согласования всех частей, проецируется на работу государства, в котором обозначена четкая вертикаль отношений доминирования-подчинения.

32. *As a part of NATO, the United States would be obligated under the alliance's treaty to aid in the defense of any attack on the trainers, potentially dragging America into the war* [English Dictionary];

33. *Городские законы обязывали домовладельцев поддерживать должное состояние дорог, идущих вдоль их владений, запрещали хоронить или кремировать людей в черте города и устанавливали предельную величину расходов на похороны* [Карта слов и выражений русского языка].

В анализируемых примерах профилируется концептуальная характеристика «влияние», которая осмысливается на основе механизма инференции. Выводное знание проецируется семантикой лексем *a treaty* (an agreement or arrangement made by negotiation [Merriam Webster Dictionary]) и *закон*, подчеркивающей законодательную базу осуществляемых действий. В примере 32 ПРИНУЖДЕНИЕ выступает в качестве способа реализации властных отношений, в примере 33 властные отношения устанавливаются на основе способа установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ. В последнем случае указывается и цель установления властных отношений (*поддерживать должное состояние дорог, идущих вдоль владений*).

В контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО объективация мотива подчинения «закон» сопряжена с профилированием всех концептуальных

характеристик властных отношений: «контроль», «влияние», «сила». В рамках вторичной интерпретации властных отношений активизируются когнитивные механизмы инференции, метонимии, метафоры и метафтонимии. Среди факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в фокусе внимания наблюдателя находятся цель, инструмент и способ установления властных отношений. Установлена значимость таких способов, как ПРИНУЖДЕНИЕ, ДИКТАТ, ДАВЛЕНИЕ.

Следующим мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО является «авторитет».

2.1.3. «Авторитет» как мотив подчинения в модели властных отношений

Дефиниционный анализ лексемы *авторитет* позволяет установить характер данного мотива подчинения:

авторитет – лицо, пользующееся признанием, влиянием [Большой толковый словарь русского языка 1998].

Тот факт, что субъект властных отношений обладает признанием окружающего его общества и влияет на ход развития событий, дает ему право доминировать над объектом.

Рассмотрим этот мотив подчинения со стороны объекта на конкретных примерах:

34. *As the polls appear to indicate, the Kennedy name still carries weight among Democratic voters* [Merriam Webster Dictionary];

35. *И вообще, слово короля имеет вес куда больший, нежели слова любого другого человека* [Карта слов и выражений русского языка].

«Влияние» как концептуальная характеристика волевого воздействия в анализируемых примерах репрезентируется с помощью идиом *to carry weight* (to be considered serious and important enough to influence other people [Cambridge Dictionary]) и *иметь вес* (пользоваться признанием, влиянием, репутацией в

обществе; пользоваться авторитетом [Фразеологический словарь русского литературного языка]). Семантика данных идиом профилирует мотивацию объекта подчиниться в силу авторитета субъекта волевого воздействия. Субъекты властных отношений представлены метонимически в виде отношений «партия – лидер» и «государство – лидер», а их влияние в реализации властных отношений подчеркивается активизацией механизма концептуальной метафоры, когда формируется аналогия между влиянием веса объекта на его восприятие и влиянием авторитета на формирование позиции человека. Способом установления властных отношений здесь выступает УБЕЖДЕНИЕ, так как вербальная информация является значимым аргументом в определении фокусов доминирования и подчинения. В примере 34 подчеркивается доминирование кандидата от демократической партии на выборах, а в примере 35 слово короля доминирует над словом подчиненного.

36. *But Mr. Xi's power is much more closely wedded to the vast party organization that he leads, and in his speech he called for obedience and sacrifice from its members* [English Dictionary];

37. *Большинство подчинялось влиянию этих могущественных людей, поднимало оружие против государя и, сбросив его, входило в подчинение к своим освободителям* [Карта слов и выражений русского языка].

На мотив подчинения в этих примерах указывают лексические единицы *power* и *могущественный*, которые демонстрируют, что субъект обладает авторитетом, в то время, как объект находится в позиции подчинения (*подчиняться* – пример 37, *to call for obedience* – пример 36). Выделенные лексемы профилируют концептуальную характеристику «влияние», отражающую характер волевого взаимодействия. Цель установления властных отношений объективируется в контексте примера 37 (*поднимало оружие против государя*).

Следующая группа примеров демонстрирует концептуальную характеристику «контроль»:

38. *This is one of Trump's domination moves, a reminder to Putin of who's boss* [Merriam Webster Dictionary];

39. *In 1941, Hitler's Germany invaded the Soviet Union to try to conquer the world's largest country and secure world domination* [English Dictionary];

40. *Европа в послевоенном мире перестала быть субъектом. Она утратила свой суверенитет, полностью подчиняется чужой воле* [Карта слов и выражений русского языка];

41. *Правительства, как это говорят нам, необходимы со своими войсками для защиты от могущих поработить нас соседних государств* [Карта слов и выражений русского языка].

Профилирование волевого воздействия с фокусом на доминировании реализуется с помощью лексем *domination* (to have control over a place or person [Cambridge Dictionary]), *to conquer* (to take control of a country or to defeat people by war [Cambridge Dictionary]), а с фокусом на подчинении посредством глаголов *подчиняться, поработить* (полностью подчинить себе, покорить [Большой толковый словарь русского языка 1998]). Примечательно, что в примере 38 смысловая линия доминирования усиливается контекстуально за счет имени существительного *a boss* (a person who exercises control or authority [Merriam Webster Dictionary]). К тому же семантика этой лексемы отражает мотив подчинения субъекту властных отношений – его авторитет. Все примеры репрезентируют межгосударственные отношения, когда целью выступает сохранение субъектности государства. В последнем случае отмечается инструмент для доминирования субъекта – применение вооруженных сил страны. В примере 38 указывается способ осуществления властных отношений – УБЕЖДЕНИЕ (*a reminder* – a written or spoken message that reminds someone to do something [Cambridge Dictionary]).

42. *The Taliban never managed to subdue the region when the Islamist movement was last in power in Kabul prior to 2001* [English Dictionary];

43. *Если нация не может или не хочет завоевывать территорию для установления своего господства над другими нациями, она может попытаться достичь той же цели путем установления своего контроля над*

теми, кто контролирует ничью территорию [Карта слов и выражений русского языка];

44. – *Если вы признаете верховенство короля, сир, его знамена должны сменить ваши на стенах* [Карта слов и выражений русского языка].

Значимой здесь выступает концептуальная характеристика властных отношений «контроль», профилируемая глаголами *to subdue* (to bring a person or group under control by using force [Cambridge Dictionary]), *завоевать* (покорить вооруженной силой, овладеть чем-либо [Большой толковый словарь русского языка 1998]) и именем существительным *верховенство* (главенство, господство чего-либо; безусловная подчиненность чему-либо одному [Большой толковый словарь русского языка 1998]). Такой характер волевого воздействия подчеркивается и контекстуально (*to be in power; контроль над кем-либо, господство над кем-либо*). Доминирование достигается путем способа установления властных отношений НАСИЛИЕ, что подчеркивается семантикой глаголов, а подчинение осмысляется как необходимость, вызванная авторитетом более сильной стороны.

45. *The mayor served as the rudder of governance, navigating the city toward progress* [<https://idiominsider.com>];

46. *Не сразу, но новому верховному вождю удалось наладить мирные взаимоотношения с соседями и держать в узде особо горячие головы соплеменников* [Карта слов и выражений русского языка].

В первом случае за счет механизма концептуального сравнения образно представлена характеристика «контроль». По аналогии с тем, как используется руль управления для контроля за направлением движения, также интерпретируются и действия государственного чиновника по отношению к местным жителям. Помимо этого, здесь активизируется механизм концептуальной метонимии по модели «город – население», на основе которого представлен объект властных отношений. Во втором случае образность создается посредством активации механизма концептуальной метафоры. Знание о том, как управляется лошадь с помощью узды, переносится на объект волевого воздействия. Лексемы *a*

mayor, вождь профилируют лидерские позиции, дающие право принимать ключевые решения в силу своего авторитета, что выступает мотивом для подчинения со стороны объекта. В обоих примерах способом установления властных отношений выступает ДИКТАТ.

47. *The president stood at the pinnacle of influence, making crucial decisions for the country* [<https://idiominsider.com>];

48. *В покоренной стране, где власть держалась на штыках, золотым погонам прощалось все* [Карта слов и выражений русского языка].

В этих примерах репрезентируется концептуальная характеристика волевого воздействия «контроль». В примере 47 за счет метафорического переноса создается ассоциация «быть на вершине – осуществлять полный контроль», что позволяет подчеркнуть абсолютное доминирование президента в принятии решений на благо страны. В примере 48 активизируется механизм концептуальной метафтонимии, когда метонимический перенос представлен моделью «оружие – функция». Функционируя как средство устрашения, такое оружие (*штыки*) обеспечивает субъекту возможность диктовать свои требования. Это знание проецируется на формат управления страной.

49. *“If the state doesn’t strike its [iron] fist in a velvet glove on the heads of terrorists [the outlawed Kurdistan Workers’ Party], they will continue hurting us each day.” Erdoğan said* [<https://www.hurriyetdailynews.com>];

50. *Правительство стремилось взять за шиворот конфликтующие стороны, посадить их за стол переговоров и заставить подписать документ* [<https://lexrus.ru>].

В этих примерах волевое воздействие описывается образно с помощью идиом *an iron hand/fist in a velvet glove* (used to describe someone who seems to be gentle but is in fact forceful and determined [Cambridge Dictionary]) и *взять за шиворот* (подчинить своей воле [Большой словарь русских поговорок 2007]), за счет семантики которых профилируется концептуальная характеристика «сила». Образный характер волевого воздействия передается с помощью механизма концептуальной метафоры. В примере 49 создается аналогия по сходству между

прочностью металла и частью руки человека. Второй метафорический перенос здесь проецирует ассоциацию «мягкость ткани – мягкость удара». В результате формируется оценочное знание о необходимости жестких мер, которые нужно вуалировать под дипломатические методы. В примере 50 ДИКТАТ как способ установления власти по отношению к подчиненным представлен также метафорически, когда знание о силовом приеме переносится на характер волевого воздействия.

Репрезентация властных отношений на основе мотива подчинения «авторитет» включает профилирование концептуальных характеристик «влияние» и «контроль». В рамках вторичной интерпретации представлены когнитивные механизмы метафтонимии, метонимии, метафоры и сравнения, в ходе активации которых объективируются все концептуальные характеристики властных отношений. Примечательно, что все факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ находят свое отражение в контексте проанализированных примеров: цель, инструмент и способ установления властных отношений, в частности, способы УБЕЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, ДИКТАТ.

Проанализируем далее мотив подчинения «превосходство в определенной области знаний» в модели властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО.

2.1.4. «Преимущество в определенной области знаний» как мотив подчинения в модели властных отношений

Сущность данного мотива подчинения установлена на основе дефиниционного анализа следующих лексем:

преимущество – обладание более высокими достоинствами или количественным преимуществом по сравнению с кем-чем-либо;

область знаний – отдельная отрасль знаний, деятельности и т.п.; сфера, круг каких-либо представлений, занятий и т.п. [Большой толковый словарь русского языка 1998].

Фактически, в этом случае значимость имеет как интеллектуальное, так и техническое преимущество, позволяющее субъекту доминировать над объектом.

Проанализируем конкретные примеры:

51. *The Taliban have come close to **achieving** their goals through **the use of force and military supremacy*** [Merriam Webster Dictionary];

52. *Nations with **preponderant military strength** tend to fall into this trap when **swatting a smaller power**, especially when the latter turns out to be more determined or have more at stake* [English Dictionary];

53. *Французскими генштабистами, разрабатывавшими оперативное планирование, справедливо подразумевалось, что **германская военная мощь**, безусловно, будет столь **сильна**, что сломить ее встречным наступлением не удастся* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика волевого воздействия «сила» в этих примерах профилируется следующими лексемами и словосочетаниями: *force, military supremacy, preponderant military strength, военная мощь сильна*. Их семантика также подчеркивает превосходство субъекта в военной сфере, что принуждает объект к подчинению. В данных примерах репрезентируется способ установления властных отношений – ДАВЛЕНИЕ, который осмысливается при опоре на контекст.

54. *But Mr. Zuma did capitulate to market pressure by reappointing Finance Minister Pravin Gordhan, who also held that post during the first five years of Mr. Zuma's presidential tenure* [English Dictionary];

55. *Французы **капитулировали** там после двухлетней осады, когда кончилось продовольствие* [Карта слов и выражений русского языка].

В примере 54 отношения «доминирование – подчинение» представлены не в виде вертикали власти, а как необходимость для президента страны действовать под давлением системы экономических отношений, когда важно, чтобы пост министра финансов занимал компетентный специалист. В примере 55 представлены межгосударственные отношения. Волевое воздействие определено концептуальной характеристикой «сила», которая профилируется семантикой

глагола *to capitulate* (to accept something or agree to do something unwillingly [Cambridge Dictionary]) и его русского эквивалента *капитулировать*. В первом случае способ установления власти – ДАВЛЕНИЕ – представлен эксплицитно (*market pressure*), во втором примере этой группы с привлечением механизма инференции, когда контекстуально выводится знание о том, что отсутствие продовольствия сломало сопротивление врагу. Фактически, в этих высказываниях подчеркивается преимущество рыночных законов над действиями правительства и важность снабжения армии всем необходимым для ее эффективных действий. Превосходство как мотив подчинения рассматривается в аспекте регулирующей функции рынка (пример 54), которой подчиняются и правительство, и производители товаров. В примере 55 отмечается превосходство противоположной стороны над армией Франции в силу преимущества военного планирования.

56. *Tillerson explained afterward that his obligation to ExxonMobil's stockholders had to take precedent over obeisance to Washington* [English Dictionary];

57. *Феодальное общество функционирует успешно, только если его члены стремятся подчиняться властям, уважать и восхищаться теми, кто стоит выше* [Карта слов и выражений русского языка];

58. *До занятия Южного Сахалина русскими айно находились у японцев почти в крепостной зависимости, и поработить их было тем легче, что они кротки, безответны, а главное, были голодны и не могли обходиться без рису* [Карта слов и выражений русского языка];

59. *Прогресс в области транспорта и связи также способствовал усилению колониальной экспансии европейских держав. В поиске новых рынков и ресурсов державы Европы устанавливали колониальное господство над большими территориями Африки, Азии и Латинской Америки* [Карта слов и выражений русского языка].

Превосходство субъекта над объектом профилируется лексемами *an obeisance* (acknowledgment of another's superiority or importance [Merriam Webster

Dictionary]), *поработить*, а также словосочетаниями *кто стоит выше, колониальное господство*. Контекст данных единиц акцентирует концептуальную характеристику властных отношений «контроль». Характерно, что контекстуально уточняется область преимуществ, позволяющих осуществлять контроль над объектом. В примере 56 это обязательства перед акционерами; в примере 57 – принадлежность к господствующему сословию; в примерах 58 и 59 – технологический прогресс и развитое производство.

Превосходство как мотив подчинения профилируется наряду с концептуальной характеристикой «контроль» в следующих примерах:

60. *She has vowed to veto the legislation, but Georgian Dream has enough votes to override the president's veto in parliament* [English Dictionary];

61. *Теперь я знаю, что за деньги в Бразилии можно купить все, что угодно. Даже саму Бразилию, или весь континент. Со своими деньгами я вполне бы мог стать там президентом* [Карта слов и выражений русского языка];

62. *Все они показали, что, как и большинство местных жителей, являлись малограмотными, темными, неразвитыми людьми, поэтому шли на поводу у тех, кто был умнее и активнее – председателя сельсовета и сельского прокурора* [Карта слов и выражений русского языка].

Подчинение субъекту обусловлено наличием превосходства в количестве голосов (пример 60), а также владением большого количества денежных средств (пример 61). В последнем случае активизируется когнитивный механизм концептуальной метафоры. Область-источник представлена знанием о том, как лошадь ведут за уздечку. Это знание проецируется на объект властных отношений. В результате создается ассоциация «как ведут лошадь за узду, так и ведут за собой более умные и активные представители общества».

63. *Russia's Navy holds sway over the Black Sea, through which the bulk of Ukraine's grain exports travel, giving it considerable leverage in any talks over a resumption of the deal* [English Dictionary];

64. *Запад транслирует свои ценности всему миру не за счет культурного доминирования, а за счет экономического, военного и технологического превосходства* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика волевого воздействия «влияние» профилируется лексическими единицами *leverage* (power to influence people and get the results you want [Cambridge Dictionary]) и *доминирование*. Эксплицитно указывается на превосходство субъекта – оснащенность военно-морского флота России (*Russia's Navy holds sway over the Black Sea*) в первом случае и экономическое, военное и технологическое превосходство Запада в последнем примере. Цель установления волевого воздействия отмечается как возобновление соглашения (пример 63) и трансляция западных ценностей (пример 64).

Реализация мотива подчинения «превосходство в определенной области знаний» сопровождается профилированием всех концептуальных характеристик властных отношений: «контроль», «влияние», «сила». Когнитивные механизмы метафоры и инференции объективируют в рамках вторичной интерпретации только концептуальную характеристику «контроль». Среди факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируются только цель и способ установления властных отношений, в частности способ ДАВЛЕНИЕ.

Еще одним мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО является «шантаж».

2.1.5. «Шантаж» как мотив подчинения в модели властных отношений

Особенность установления властных отношений на основании шантажа заключается в том, что субъект властных отношений обладает определенной информацией, которая компрометирует объекта властных отношений и тот, чтобы эта информация не была раскрыта, подчиняется субъекту (*шантаж* – запугивание угрозой разоблачения или разглашения каких-либо компрометирующих сведений с целью вымогательства чего-либо; угроза, запугивание кого-либо чем-либо для достижения своих целей [Большой толковый словарь русского языка 1998]).

65. *China is not backing down from the fight and is accusing the U.S. of blackmail* [Merriam Webster Dictionary];

66. *Сомнительное политическое прошлое большинства имеющих опыт (а «не имеющие опыта» элементы к настоящему времени довольно безжалостно устранены) и низкие зарплаты государственных служащих открывают дорогу всем видам злоупотреблений: многих официальных лиц можно легко шантажировать и многим очень трудно устоять перед искушением увеличить доходы, беря взятки* [Карта слов и выражений русского языка].

Глаголы *to blackmail* (the act of getting money from people or forcing them to do something by threatening to tell a secret of theirs or to harm them [Cambridge Dictionary]) и *шантажировать* (принуждать кого-либо к чему-либо с помощью запугивания [Карта слов и выражений русского языка]) профилируют способ волевого воздействия – УГРОЗА. Угрожая раскрыть чувствительную информацию, субъект влияет на поведение объекта, что свидетельствует об объективизации концептуальной характеристики «влияние». В примере 65 властные отношения представлены в межгосударственной сфере, а в примере 66 они описываются на внутригосударственном уровне.

Интерес для анализа представляют средства репрезентации властных отношений, когда волевое воздействие субъекта на объект достигается за счет такого способа установления властных отношений, как ДАВЛЕНИЕ:

67. *Tbilisi is coming under pressure from the West to scrap the law or face repercussions* [<https://www.courthousenews.com>];

68. *Решение ливанских властей об отказе самолету иранской авиакомпанияи Mahan Air совершить посадку в международном аэропорту Бейрута принято под нажимом со стороны США и Израиля* [<https://tass.ru>].

В этих примерах характер властных отношений на межгосударственном уровне осмысляется на основе характеристики «сила», которая профилируется лексемами *pressure* (the state of pressing or being pressed [Collin's Dictionary]) и *нажим* (давление [Словарь русской идиоматики]). Способ волевого воздействия – ДАВЛЕНИЕ – осмыляется за счет активации механизма концептуальной

метафоры, когда областью-источником выступает знание о нахождении предмета под другим объектом таким образом, что этот объект полностью его покрывает и давит своим весом. В примере 68 инферентно, опираясь на контекст, относительно международной обстановки в регионе выводится угроза военного нападения на Ливан. Во всех примерах отмечается цель установления властных отношений (*отказ самолету иранской авиакомпании Mahan Air совершить посадку в международном аэропорту Бейрута, to scrap the law*).

69. *Beijing's intimidation tactics in the region include "wolf warrior" diplomacy, belligerent operations in disputed territories, and aggressive fishing and maritime maneuvers* [<https://www.washingtontimes.com>];

70. *Conservatives were beginning to flex their muscles in Utah* [Cambridge Dictionary];

71. *Возможно, Туркмения продемонстрирует игру мускулами, но только с целью воздействовать на Баку* [<https://lexrus.ru>].

В примере 69 дипломатия «воинов-волков» проецирует такие характеристики, как агрессивность, воинственность, готовность идти до конца, которые проецируются на характер волевого воздействия. На основе когнитивного механизма инференции выводится посыл о вооруженном нападении на Тайвань, что выглядит как шантаж по возвращению этой территории в состав материкового Китая. При этом контекстуально уточняются формы запугивания Пекином Тайваня. К ним относятся военные операции на спорных территориях, а также агрессивное рыболовство и морские маневры. В примерах 70 и 71 задействован механизм концептуальной метафоры, за счет которого партия консерваторов в Великобритании и Туркмения осмысляются как человеческий организм, наделенный мышечной массой. При этом словосочетания *to flex their muscles* (to show your power or strength [Cambridge Dictionary]) и *игра мускулами* интерпретируются как «демонстрация военной мощи». Характер властных отношений раскрывается на основе концептуальной характеристики «сила», а способом установления властных отношений выступает УГРОЗА.

72. *During the Cold War, Soviet Premier Nikita Khrushchev warned that he didn't need missiles to conquer America* [English Dictionary];

73. *Мэр города на Филиппинах приказал всем служащим и чиновникам местных органов власти улыбаться и пригрозил дисциплинарными взысканиями, вплоть до увольнения тем, кто не подчиняется распоряжению* [<https://rg.ru>].

Данные примеры репрезентируют такой способ установления властных отношений, как УГРОЗА, на что указывают глаголы *пригрозить*, *to warn*. В качестве репрезентируемой характеристики волевого воздействия выступает «сила», а шантаж как мотив волевого воздействия проявляется в виде заявлений применить альтернативные инструменты кроме ракет для завоевания Америки (пример 72) и выставить дисциплинарные взыскания (пример 73). Целью установления властных отношений выступает захват чужой страны в первом случае, а во втором случае принуждение к подчинению по распоряжению.

«Шантаж» как мотив подчинения в ходе реализации властных отношений сопровождается профилированием концептуальной характеристики «сила». За счет когнитивных механизмов инференции и метафоры акцентируются концептуальные характеристики «влияние» и «сила». К профилируемым факультативным компонентам фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ относятся цель и способ установления властных отношений, в частности, способ УГРОЗА и способ ДАВЛЕНИЕ.

Таким образом, в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО властные отношения моделируются на основе пяти мотивов подчинения их установления: «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний» и «шантаж». Также отмечается активация таких способов установления властных отношений, как ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, ДИКТАТ, УГРОЗА, УБЕЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ.

Рассмотрим далее, как моделируются властные отношения в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

2.2. Моделирование властных отношений в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Для определения сущности корпоративных отношений обратимся к толкованию понятия «корпорация». В современном экономическом словаре утверждается, что корпорация – это «совокупность лиц, объединившихся для достижения общих целей, осуществления совместной деятельности и образующих самостоятельный субъект права – юридическое лицо» [Современный экономический словарь 2005]. В политологическом словаре-справочнике утверждение о структуре корпорации подтверждается и расширяется: «корпорация представляет собой иерархизированную систему, в которой власть принадлежит небольшим элитным группам, а внутрикорпоративные отношения основываются на принципах лояльности и личной преданности руководителю» [Политологический словарь-справочник].

Существенным является положение, что внутрикорпоративные отношения строятся на основе трудовых отношений, которые регулируются трудовым договором или локальным нормативным актом. В таких документах указывается факт личного выполнения трудовых функций подчиненным в рамках предоставления комфортных условий труда со стороны работодателя [<https://www.consultant.ru>].

Представленные выше дефиниции требуют дополнения понятием «корпоративная коммуникация», которая представляет собой «систему коммуникаций, осуществляемую внутри какой-либо конкретной организации, а также между организацией и ее средой». При этом внутренние коммуникации организации подразделяются на вертикальные (между руководством и подчиненными) и горизонтальные (между коллегами) коммуникации. Внешние коммуникации осуществляются с различными группами общественности (федеральными и местными органами власти, потребителями товара или услуги, СМИ, конкурентами, партнерами, инвесторами и т.д.) (подробнее см.: [Учебный словарь терминов рекламы и публик рилейшнз]).

Исходя из вышеизложенного, отметим, что корпоративные отношения – это отношения между правящей элитой компании (инвесторами, директорами) и их подчиненными, с одной стороны, а с другой, это отношения между коллегами на основании трудового права, а также отношения между компанией и внешними представителями, например, государством в качестве регулятора правовых действий или клиентами.

Рассмотрим также словарную дефиницию лексемы *corporation* с целью выделения значимых характеристик рассматриваемой концептуальной области:

corporation – 1a) group of merchants or traders united in a trade guild; 1b) the municipal authorities of a town or city; 2) a body formed and authorized by law to act as a single person although constituted by one or more persons and legally endowed with various rights and duties including the capacity of succession; 3) an association of employers and employees in a basic industry or of members of a profession organized as an organ of political representation in a corporative state [Merriam Webster Dictionary].

Проведенный анализ позволил установить следующие характеристики концептуальной области **КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**: 1) отношения между лицами, объединенными для достижения общих целей и осуществления совместной деятельности; 2) отношения, регулируемые органом, образованным и уполномоченным законом действовать как единое лицо, и юридически наделенный различными правами и обязанностями, включая право наследования; 3) отношения в рамках ассоциации работодателей и работников в базовой отрасли промышленности, организованной как орган политического представительства в корпоративном государстве.

В этой части исследования в ходе анализа примеров также учитывается характер властных отношений в виде таких концептуальных характеристик, как «сила», «контроль» и «влияние», а их объективация сопровождается указанием на определенный мотив подчинения.

Обратимся к конкретным примерам, репрезентирующим моделирование властных отношений на основе мотива подчинения в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

2.2.1. «Получение выгоды» как мотив подчинения в модели властных отношений

Рассмотрим примеры, репрезентирующие мотив подчинения «получение выгоды» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.1.).

1. *Dunlap portrayed himself as a foe of corporate waste and a servant of the shareholders who benefited from his actions* [English Dictionary];

2. *It's too easy for the crooked company chiefs and their bootlickers to gain access to money through unscrupulous ways* [Cambridge Dictionary];

3. *Хороший переговорщик знает, когда следует настоять на своем, а когда уступить ради достижения общей цели* [Карта слов и выражений русского языка].

На профилирование концептуальной характеристики «контроль» и мотив подчинения указывают лексические единицы *a servant* (a person that is controlled by something [Oxford Learner's Dictionaries]), *a bootlicker* (someone who praises or is extremely polite to a more powerful or rich person in a way that is not sincere, usually in order to get an advantage for themselves [Cambridge Dictionary]) и *уступить* (поступить в соответствии с желанием, требованием другого [Большой толковый словарь русского языка 1998]). В первом случае раболепское поведение становится причиной подчинения перед акционерами, которые выступают субъектами властных отношений. Во втором случае употребляется лексема с негативной коннотацией – *a bootlicker*, за счет которой подчеркивается отрицательная черта характера объекта подчинения. Целью установления властных отношений является обогащение (примеры 1, 2). В последнем случае цель заключается в достижении общей цели.

4. *Mr. Jones argues that income inequality is being driven by what he calls “shareholder hegemony,” the principle that **companies** first and foremost **should satisfy investors*** [English Dictionary];

5. *The farmers, in exchange, **are obligated to sell their crop to the Chinese company or its agents*** [Merriam Webster Dictionary];

6. *Компания Meta **принуждает пользователей** оформить платную подписку, которая освобождает от рекламы в Instagram и Facebook* [<https://tass.ru>].

Концептуальная характеристика властных отношений «контроль» и способ установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ профилируются в первом предложении словосочетанием *should satisfy* с использованием модального глагола, передающего значение не терпящей возражения рекомендации; во втором предложении – глагольной конструкцией *to be obligated*, подчеркивающей значение принуждения к действию (*to be forced to do something or feel that you must do something* [Cambridge Dictionary]); в последнем случае – глаголом *принуждать*. Во всех случаях субъект властных отношений пользуется своим корпоративным положением для реализации властных полномочий. Мотив подчинения во всех примерах выводится на основе содержания контекста: подчиниться, чтобы устранить неравенство доходов (пример 4), получить более выгодное торговое положение (пример 5), избавиться от навязчивой рекламы (пример 6). В примерах 5 и 6 на основе контекста также актуализируется цель установления властных отношений – *to sell the crops, оформить платную подписку*.

Отмечается и репрезентация концептуальной характеристики властных отношений «сила»:

7. *It goes on to claim that **Shein** then “**coerces**” **suppliers** to sign exclusive deals with them* [English Dictionary];

8. *A Fortune 500 pharmaceutical company raised its drug prices, and then **board members and executives** received **phone calls threatening violence*** [English Dictionary];

9. *Владельцы квартир на ул. Изобильная рассказали о своем недовольстве управляющей компанией ООО «Волгоград Южный». В январе собственники провели собрание, на котором отказались от услуг фирмы и выбрали новую УК. «Однако до настоящего времени обязанность по управлению домом новой организации не передана, жильцам поступают угрозы расправы, чтобы они изменили свое решение», – уточнили следователи [https://www.kommersant.ru].*

В этих примерах подчинение объектов субъектам волевого воздействия предполагает получение эксклюзивной сделки (пример 7), снижение цен на лекарства (пример 8), избежание физической расправы (пример 9). Выявляются такие способы установления властных отношений как ПРИНУЖДЕНИЕ (*to coerce*) и НАСИЛИЕ, объективируемое семантикой лексем *violence*, *расправа* (жестокое применение силы (преимущественно физической) против кого-либо с целью отомстить или наказать [Большой толковый словарь русского языка 1998]). В контексте отмечается также цель установления властных отношений – подписание сделок (пример 7) и смена управляющей компании (пример 9).

10. *More than a week after Tesla mechanics in Sweden began a strike to compel the U.S. automaker to accept a collective labor agreement, union officials said Tesla representatives would meet with the union on Monday [English Dictionary];*

11. *В «Черную пятницу» группа профсоюзов провела забастовку под названием «Заставь Amazon платить», что привело к огромному сбою работы компании за 30 лет ее существования. [...] Профсоюзные активисты потребовали от Amazon гарантии справедливой оплаты налогов, прожиточного минимума и уважения их права голоса [https://iz.ru].*

Глаголы *to compel* (to force someone to do something [Cambridge Dictionary]) и *заставить* (принудить сделать что-либо, поступить каким-либо образом [Большой толковый словарь русского языка 1998]) профилируют способ установления властных отношений – ПРИНУЖДЕНИЕ. Характерно, что в этих примерах представлена обратная вертикаль власти, когда субъектом властных отношений выступают рабочие компании (пример 10) и профсоюзы (пример 11). Опираясь на контекст, выводится концептуальная характеристика властных

отношений – «влияние», а также указывается на инструмент властных отношений – проведение забастовки. Мотив подчинения в виде получения выгоды заключается в прекращении забастовки и начале работы на благо компании (объекта). Целью установления властных отношений в примере 10 выступает подписание нового коллективного договора, а в примере 11 – получение гарантии справедливой оплаты труда.

В контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в ходе реализации мотива властных отношений «получение выгоды» профилируются все концептуальные характеристики властных отношений, такие как «контроль» «влияние», «сила». Они объективируются за счет когнитивного механизма инференции. Наряду с базовыми компонентами фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируются и факультативные компоненты, такие как цель, инструмент и способ установления властных отношений. Представленными способами выступают НАСИЛИЕ и ПРИНУЖДЕНИЕ.

Обратимся далее к рассмотрению такого мотива подчинения в модели властных отношений в области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как «закон».

2.2.2. «Закон» как мотив подчинения в модели властных отношений

Проанализируем примеры, репрезентирующие мотив подчинения «закон» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.2.).

12. *You must obey a senior officer at all times* [Longman Dictionary of Contemporary English];

13. *For all the restrictions, most developers feel that obeisance to the laws of the Apple cosmos is worth it* [Merriam Webster Dictionary];

14. *In my view, all businesses should act in an ethical manner and obey the law* [Merriam Webster Dictionary];

15. *Они всего лишь рулевые, обязанные беспрекословно подчиняться приказам капитана* [Карта слов и выражений русского языка];

16. *Предусматривалась субординация в принятии решений и во взаимодействиях с вышестоящим начальством: столоначальники подчинялись начальникам отделений, а начальники отделений подчинялись директорам департаментов, которые в свою очередь находились в непосредственном подчинении и у министра* [Карта слов и выражений русского языка];

17. *Итак, вышестоящие в порядке подчиненности орган, объединение, должностное лицо, получив ваше обращение, обязаны рассмотреть вашу жалобу на действия и решения любого подчиненного работника или нижестоящего должностного лица этой организации или органа в месячный срок* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика властных отношений «контроль» профилируется лексическими единицами *to obey* (to act according to what you have been asked or ordered to do by someone in authority, or to behave according to a rule, law, or instruction [Cambridge Dictionary]), *an obeisance* (the fact of obeying or respecting someone, or something you do that expresses this [Cambridge Dictionary]), *подчиняться* и его дериватами. Мотив подчинения выражен через обращение к концепту LAW в предложениях 13 и 14 эксплицитно. В других примерах волевое воздействие устанавливается на основании властной иерархии в рамках организации (*senior* – someone who is high or higher in rank [Cambridge Dictionary]; *субординация* – система строгого служебного подчинения младших старшим, основанная на правилах служебной дисциплины; иерархия; *нижестоящий* (прим.: ант. *вышестоящий*) – подчиненный в организационном или административном отношении [Большой толковый словарь русского языка 1998]). Помимо этого, способ установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ активизируется за счет глагольных конструкций *must/should obey*, обладающих деонтической модальностью (примеры 12, 14), глагола *обязать* и его отглагольного имени прилагательного *обязанный*, своей семантикой указывающих на принуждение к выполнению действия (примеры 15, 17). В последней ситуации также профилируется цель установления властных отношений – рассмотрение обращения в течение 30 дней.

Следующая группа примеров демонстрирует вторичную интерпретацию властных отношений на основе активизации когнитивного механизма инференции и концептуальной характеристики «контроль»:

18. *All members must comply with the rules of the organization* [Longman Dictionary of Contemporary English];

19. *После предоставления данных документов и подписания договора на банковское обслуживание по распоряжению управляющего банком предприятию открывается счет, которому присваивается номер, и заводится лицевой счет* [Карта слов и выражений русского языка];

20. *Приказы подписываются руководителем предприятия или по его поручению заместителем руководителя* [Карта слов и выражений русского языка].

Волевое воздействие в данных примерах осуществляется на основании устава (пример 18) или устного распоряжения/поручения руководителя, который обладает таким правом (примеры 19, 20). При этом активизируется такой способ установления властных отношений, как ДИКТАТ, так как устав или распоряжение предписывает объекту подчинения выполнить определенное обязательство. Целью установления властных отношений в примере 19 выступает открытие счета, а в примере 20 – подписание приказа.

21. *The company was forced to stop selling insurance in May after the order which was issued by Florida's Insurance Department* [Cambridge Dictionary];

22. *Работодатель не может принудить сотрудников работать в государственные праздники в общем случае, так как для этого необходимо письменное согласие работника* [<https://ya.ru>].

Глагол *принуждать* и глагольная конструкция *to be forced* профилируют принуждение к действию со стороны субъектов как способ установления власти. Опираясь на контекст, выводится концептуальная характеристика властных отношений «контроль». Подчеркнем, что если в примере 21 указывается на мотив подчинения – распоряжение вышестоящего органа власти, то в примере 22 в контексте оговариваются дополнительные условия исполнения законодательной

основы подчинения – согласие работника. Помимо этого, в контексте всех примеров представлен такой факультативный компонент фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как цель (пример 21 – *to stop selling insurance*, пример 22 – *работа в государственные праздники*).

23. *For example, there are instances where zero-hours contracts are used as a management tool, with hours offered or taken away according to whether or not employees toe the line* [English Dictionary];

24. *Anthem Inc said on Wednesday it has filed a lawsuit seeking a temporary restraining order to enjoin Cigna Corp from terminating its \$54 billion deal* [English Dictionary];

25. *ООО УК «КЛЕВЕР» предписывает Вам в срок до 15 мая 2023 года произвести поверку или замену прибора учета ХВС (ГВС)* [<https://ukks23.ru>];

26. – *Ты, видно, забыл, что шеф приказал немедленно и напрямую докладывать ему о всех подозрительных контактах клиентов* [Карта слов и выражений русского языка];

27. *Начальство требует выполнять план по количеству звонков, вот сотрудники и названивают всем подряд* [Карта слов и выражений русского языка].

Диктаторский стиль реализации властных отношений репрезентируется глаголами *to enjoin*, *предписывать*, *приказывать*, *требовать* и фразеологизмом *to toe the line*. Характерно, что ДИКТАТ как способ установления властных отношений имеет место как в отношениях между работодателем и работником, так и в отношениях между компанией и клиентами или между двумя компаниями. Специфика волевого воздействия инферентно представлена в рамках вторичной интерпретации на основе характеристики «контроль», активизация которой обеспечивается статусом субъекта властных отношений, применяющего инструмент для контроля – судебный ордер, контракт, приказ, трудовые нормативные акты. Интерес вызывает когнитивный механизм метафоры, представленный в примере 23. Здесь знание о том, как человек во время старта на соревнованиях по бегу не должен пересекать линию, чтобы не получить

отстранение от соревнований, проецируется на область-цель – стиль управления и воздействия на подчиненных. Во всех предложениях объективируется цель установления властных отношений.

В контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ объективация мотива подчинения «закон» сопряжена с профилированием только концептуальной характеристики властных отношений «контроль». В рамках вторичной интерпретации властных отношений активируются когнитивные механизмы инференции и метафоры, которые также концентрируют внимание на той же концептуальной характеристике. Среди факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в фокусе внимания наблюдателя находятся цель, инструмент и способ установления властных отношений. Установлена значимость таких способов, как ПРИНУЖДЕНИЕ, ДИКТАТ.

Следующим мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ является «авторитет».

2.2.3. «Авторитет» как мотив подчинения в модели властных отношений

Обратимся к примерам, демонстрирующим мотив подчинения «авторитет» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.3.):

28. *She's constantly followed by obsequious assistants who will do anything she tells them to* [Merriam Webster Dictionary];

29. *Ты начальник экспедиции, я буду слепо повиноваться приказам* [Карта слов и выражений русского языка].

В этих примерах за счет указания на занимаемую руководящую должность инферентно представлена концептуальная характеристика властных отношений «контроль». Семантика прилагательного *obsequious* (too eager to praise or obey someone [Cambridge Dictionary]) и словосочетания *слепо повиноваться* указывает

на роль авторитетного влияния субъекта как причины подчинения для объекта. Способ установления властных отношений ДИКТАТ здесь определяется имплицитно на основании инструмента волевого воздействия – приказ.

30. *Andy Grove, the former CEO of, was so harsh and intimidating that a subordinate once fainted during a performance review* [English Dictionary];

31. *Порой страх перед ними настолько велик, что одно их появление или взгляд заставляет подчиненных активизироваться и браться за работу без лишних пререканий* [Карта слов и выражений русского языка].

Глагол *to intimidate* (to frighten or threaten somebody so that they will do what you want [Oxford Learner's Dictionaries]) и существительное *страх* профилируют концептуальную характеристику властных отношений «влияние». Способ установления властных отношений УГРОЗА объективируется семантикой глагола *to intimidate* и за счет механизма метонимии, когда создается аналогия по смежности «страх – следствие угрозы». Авторитет как мотив волевого воздействия акцентируется в контексте, указывающем на такой высокий экспертный уровень оценки эффективности работы, что подчиненный потерял сознание от волнения (пример 30). В примере 31 влияние авторитета руководителя подчеркивается готовностью подчиненных активизировать свою работу. В этом случае также выражена цель волевого воздействия.

Обратимся к иным примерам:

32. *As holder of the ECB's economic portfolio, Praet's views carry weight because he makes a presentation at the beginning of Governing Council meetings that forms the basis of the policy discussion* [English Dictionary];

33. *Jobs' charisma and negotiating power were crucial to the launch of iTunes in 2009 and the then-unprecedented sale of songs rather than albums on the Web* [English Dictionary];

34. *Немногословный, он кажется серой мышью, старающейся держаться в тени, хотя и пользуется уважением подчиненных как опытный морской летчик* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика властных отношений «влияние» осмысляется в примере 32 на основе механизма концептуальной метафоры, когда значимость высказываний субъекта сравнивается с весом тяжелого предмета, который невозможно сдвинуть. По аналогии с этим и слово авторитетного человека имеет большой вес. В примере 33 характеристика «влияние» профилируется лексемой *charisma* (a special quality that some people have naturally that makes them able to influence other people and attract their attention and admiration [Cambridge Dictionary]), а в последнем случае прилагательным *опытный*. Соответственно, авторитет субъекта волевого воздействия осмысляется за счет указания в контексте на его личные качества – коммуникативные способности, харизму и способности переговорщика, а также опыт. Также в примере 33 отмечается цель установления властного воздействия – подъем продаж песен онлайн на специальной платформе.

35. *The leader's words were a glowing ember of authority, leaving a lasting impact on the team* [<https://idiominsider.com>];

36. *Способность предвидеть и замечать наметившиеся во внешней среде или в жизни организации тенденции, умение диагностировать причины неудач и успехов, многие из которых относятся прямо или косвенно к культуре организации, повышают авторитет руководителя, подтверждают его компетентность* [Карта слов и выражений русского языка].

Волевое воздействие в этих примерах также представлено характеристикой «влияние». В примере 35 за счет когнитивного механизма метафтонимии акцентируется мотив подчинения объекта. Аналогия по смежности создается в виде отношений «человек – речевой продукт», а в результате аналогии по сходству создается ассоциация «как тлеющее пламя завораживает взгляд, так и удачно подобранное слово оставляет неизгладимое впечатление». В примере 36 указывается на компетентность руководителя как основу для его авторитета среди подчиненных.

37. *The experienced mentor acted as a lighthouse of supremacy for the new employees* [<https://idiominsider.com>];

38. *Без совещаний, переговоров, кулуарных обсуждений и мозговых атак обойтись невозможно, и руководитель проекта должен быть на высоте как в восприятии, так и в пропаганде идей в процессе устного общения* [Карта слов и выражений русского языка].

В примере 37 волевое воздействие осмысляется на основе характеристики «контроль», что профилируется семантикой существительного *supremacy* (the leading or controlling position [Cambridge Dictionary]). Оценка авторитета руководителя создается за счет механизма концептуального сравнения, когда в качестве эталона выступает знание о роли маяка как навигационного ориентира, с которым сравниваются действия человека, убеждающего двигаться в определенном направлении. На основании этого механизма активизируется способ установления властных отношений УБЕЖДЕНИЕ. В примере 38 представлена ориентационная метафора, за счет которой продуцируется ассоциация о нахождении на пике горы, что символизирует превосходство и авторитет, благодаря которым осуществляется подчинение окружающих и контроль их работы в проекте

Репрезентация властных отношений на основе мотива подчинения «авторитет» включает профилирование концептуальных характеристик «влияние» и «контроль». В рамках вторичной интерпретации представлены когнитивные механизмы метафтонимии, метонимии, метафоры, инференции и сравнения, в ходе активации которых объективируются те же концептуальные характеристики властных отношений: «контроль» и «влияние». Примечательно, что все факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ находят свое отражение в контексте проанализированных примеров: цель, инструмент и способ установления властных отношений, в частности способы УБЕЖДЕНИЕ, ДИКТАТ и УГРОЗА.

Проанализируем мотив подчинения «превосходство в определенной области знаний» в модели властных отношений в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

2.2.4. «Превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения в модели властных отношений

Характеристики, лежащие в основе этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.4.

39. *Red Bull's domination of the past three years had made a win look far away, especially after McLaren slipped back in 2022 and early 2023* [English Dictionary];

40. *Международная финансовая олигархия отстроила мировые правила игры под себя, что позволяет ей осуществлять глобальную гегемонию* [Карта слов и выражений русского языка].

В примере 39 концептуальная характеристика властных отношений «контроль» профилируется лексемой *domination* (to have control over a place or person [Cambridge Dictionary]). Интерес для анализа характера властных отношений представляет пример 40, в котором лексема *гегемония* (первенство, руководство, превосходство в силе, влиянии [Карта слов и выражений русского языка]) профилирует сразу все концептуальные характеристики волевого воздействия, так как компонент смысла «руководство» предполагает контроль за деятельностью, а компоненты «сила» и «влияние» непосредственно указывают на характер властных отношений. «Превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения в модели властных отношений акцентируется в контексте примера 39 за счет указания на название компании по производству энергетических напитков, которая стала всемирно известной, сумев разработать рецептуру напитка, обеспечившую ей превосходство над другими компаниями в этой области. Инструментом осуществления превосходства финансовой олигархии на мировой арене стало выстраивание мировых правил игры таким образом, чтобы реализовать свою гегемонию (пример 40).

41. *However, he added that he thinks SpaceX "probably" has decided to beat Amazon's offer to Globalstar to cement its dominance in the satellite industry* [English Dictionary];

42. *Google, Meta and ByteDance are in a battle for supremacy in the short-video format* [Merriam Webster Dictionary];

43. *Для создания устойчивого конкурентного преимущества компания должна не только разрабатывать уникальные продукты, но и постоянно поддерживать их на высоком уровне* [Карта слов и выражений русского языка].

Данные примеры демонстрируют ситуации конкурентной борьбы, поэтому значимой концептуальной характеристикой волевого воздействия является «сила», профилируемая лексемами *dominance* (the quality of being more important, strong, or successful than anything else of the same type [Cambridge Dictionary]), *supremacy* (the leading position [Cambridge Dictionary]) и *преимущество*. Характерно, что превосходство в определенной области знаний реализуется контекстуально в виде более выгодных условий договора (пример 41) и уникальности выпускаемой продукции (примеры 42, 43). Способ установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ профилируется в примере 41 глаголом *to beat*, предложным словосочетанием *to be in a battle for* в примере 42.

44. *Activist investors buy shares and seek to control board seats as a means of having sway in how a company is run* [English Dictionary];

45. *Специалист уверял, что он поднимет кого угодно в два счета и достанет должников, даже если те уже давно в могиле* [Карта слов и выражений русского языка].

В данных примерах волевое воздействие представлено концептуальной характеристикой «контроль» и таким способом установления властных отношений, как ПРИНУЖДЕНИЕ, что объективируется лексемой *a sway* (to cause something to move or change [Cambridge Dictionary]). В примере 44 также указан инструмент волевого воздействия – это акции предприятия. В последнем случае представлена метафора КОНТЕЙНЕР. Образность создается за счет сравнения волевого воздействия с действием по извлечению предмета, находящегося внутри закрытого пространства. Указание на инструмент волевого воздействия позволяет подчеркнуть превосходство субъекта среди других в своей области.

46. *He has worked here longer **than** I have, so he **has seniority over** me* [Merriam Webster Dictionary];

47. *The **Japanese company is light years ahead** of its **European competitors*** [Longman Dictionary of Contemporary English];

48. *Если бы **командование было отдано мне**, то я по праву **старшинства** в чине мог бы просто приказывать, не вдаваясь в объяснения* [Карта слов и выражений русского языка];

49. *Парень-прислуга получил щедрые чаевые и вернулся на пост **ожидать** новых гостей. [...] Да, на подобной работе **люди привыкают быть на побегушках** у более **богатых**, более удачливых людей* [Карта слов и выражений русского языка].

Значимой в этих примерах является концептуальная характеристика властных отношений «контроль». При этом превосходство субъекта волевого воздействия обеспечивается более продолжительным стажем работы в компании (пример 46), более высокой конкурентной способностью в условиях рыночной экономики (пример 47), более высокой должностью (пример 48) и успешностью в бизнесе (пример 49). Отметим активацию когнитивного механизма метафоры в примере 47, за счет которого знание о единице измерения расстояния в астрономии проецируется на технологический прогресс японской компании (*to be light years ahead of* – much more advanced than others [Merriam Webster Dictionary]). В последнем случае фразеологизм *быть на побегушках* (находиться в подчинении у кого-либо, беспрекословно исполнять чьи-либо желания, капризы, малейшие прихоти [Словарь русского языка 1999]) подчеркивает полную зависимость объекта от указаний субъекта.

50. *Dr. Hahn is seen as a skilled leader, with a laid-back, friendly approach that has helped to speed his ascendancy at the institutions where he has worked* [English Dictionary];

51. *Он человек, который самостоятельно **поднялся по служебной лестнице** благодаря своему **проницательному уму** и высоким оценкам на экзаменах* [Карта слов и выражений русского языка].

Опыт и дружелюбный подход (пример 50), а также пронизательный ум (пример 51) обеспечивают превосходство субъекта властных отношений над объектом, что, в свою очередь, позволяет оказывать влияние на других. Лексическая единица *ascendancy* и словосочетание *подняться по служебной лестнице* репрезентируют властную иерархию и акцентируют внимание на цели установления волевого воздействия.

52. *There are advantages in having a respected personality as a figurehead for the organization* [English Dictionary];

53. *Если амбиций нет, согласен всю жизнь идти на поводу у старших и не мыслишь себя без коллектива* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика властных отношений «влияние» профилируется словосочетанием *a respected personality*. За счет механизма концептуального сравнения в примере 52 подчеркивается роль уважаемой личности в качестве лидера организации для оказания влияния на другие компании. Сравнение с деревянной фигурой, которая находится на носу корабля и украшает его, вовсе им не управляя, указывает исключительно на статусность такого лидера, что придает компании солидности. В результате компания рассчитывает на определенные преимущества в переговорах. Во втором случае реализуется механизм концептуальной метафоры, когда знание о том, как животное ведут на поводке, управляя им, переносится на действия объекта властных отношений. Такая образность позволяет подчеркнуть готовность объекта следовать чужой воле и не иметь своего мнения.

Реализация мотива подчинения «превосходство в определенной области знаний» сопровождается профилированием таких концептуальных характеристик властных отношений, как: «контроль» и «сила». Когнитивные механизмы метафоры, сравнения и инференции объективируют в рамках вторичной интерпретации концептуальные характеристики «контроль» и «влияние». Среди факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируются все составляющие: инструмент, цель и способ установления властных отношений, в частности способ ПРИНУЖДЕНИЕ.

Еще одним мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ является «шантаж».

2.2.5. «Шантаж» как мотив подчинения в модели властных отношений

Рассмотрим примеры, репрезентирующие мотив подчинения «шантаж» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.5.).

54. *“Bob was reluctant to work with Ben until **the boss put the squeeze on him**”* [<https://www.learn-english-today.com>];

55. *The letter alleges that Amazon uses “**carrots and sticks**” to coerce merchants to buy its logistics services* [English Dictionary];

56. *Под сильным натиском начальника спецуправления он вынужден был подать рапорт на увольнение* [Карта слов и выражений русского языка].

В примерах 54 и 55 представлен механизм концептуальной метафоры, когда способ установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ и концептуальная характеристика волевого воздействия «сила» осмысляются образно в первом случае в виде ассоциации «как, сдавливая, извлекают жидкость, так и оказывают давление на человека для достижения нужного результата» (*to squeeze – to press something firmly, especially from all sides in order to change its shape, reduce its size, or remove liquid from it* [Cambridge Dictionary]). Во втором случае представлено взаимодействие между разными компаниями, занятыми в области продаж товаров. В ходе метафорического переноса область-источник представлена знанием о том, как с помощью кнута и пряника воздействовать на объект (*carrots and sticks – a system in which you are rewarded for some actions and threatened with punishment for others* [Cambridge Dictionary]). Данная стратегия применяется субъектом с целью оказания давления на продавцов логистических услуг. В последнем примере на способ установления властных отношений указывает словосочетание *под сильным натиском*. В контексте этого примера отмечена

также цель давления на объект властных отношений (*подать рапорт на увольнение*). Шантаж как мотив подчинения везде представлен инферентно.

Характерно, что НАСИЛИЕ как способ установления властных отношений выводится в ходе активизации мотива подчинения «шантаж»:

57. *The lawsuit, filed to a federal court in New Jersey, alleges that **Apple** used “a series of shapeshifting rules” in a bid to “thwart innovation” and “**throttle**” competitors* [English Dictionary];

58. *Западные СМИ сообщают, что представители турнирного оператора **ESL** пытаются «задушить конкурентов», чтобы стать монополистами в плане организации соревнований по CS2* [<https://cs-config.ru>].

Оба примера также репрезентируют концептуальную характеристику властных отношений «сила». Способ установления властных отношений осмысляется метафорически в обоих случаях. Областью-источником выступает знание о том, как насильственно остановить процесс дыхания, вызвав летальный исход. Это знание проецируется на конкурентную компанию. В результате формируется выводное знание о создании негативных условий для компании-конкурента с целью ее экономического краха.

Отмечаются случаи активизации когнитивного механизма инференции и концептуальной характеристики властных отношений «контроль» одновременно в рамках вторичной интерпретации:

59. *When **Mr. Wicker** and some colleagues threatened to resign, Mr. Sulzberger withdrew the proposed appointment, and the widely publicized contretemps ended with bruised feelings all around* [English Dictionary];

60. *Со временем, по мере увеличения их влияния и провала попыток **шантажа работодателей** с целью удовлетворения их притязаний, они свержают тех, кто их нанял, и сами занимают их место* [Карта слов и выражений русского языка].

Оба примера репрезентируют способ установления властных отношений УГРОЗА (*some colleagues threatened to resign*; *шантаж*). Целью установления волевого воздействия здесь выступает отзыв предложения о назначении

определенной персоны на должность, показывая тем самым обратную вертикаль власти, когда рабочие смогли проконтролировать ситуацию и достичь своих целей (пример 59). Если в этом примере шантаж оказался эффективным мотивом для волевого воздействия, то в последнем примере угроза негативными последствиями не является результативной для работодателя.

«Шантаж» как мотив подчинения в ходе реализации властных отношений активируется за счет когнитивных механизмов инференции и метафоры, которые акцентируют внимание на концептуальных характеристиках «контроль» и «сила». К профилируемым факультативным компонентам фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ относятся цель и способ установления властных отношений, в частности, способ УГРОЗА, способ ДАВЛЕНИЕ и способ НАСИЛИЕ.

Таким образом, в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ властные отношения моделируются на основе пяти мотивов их установления: «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний» и «шантаж». Также отмечается активация таких способов установления властных отношений, как ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, ДИКТАТ, УГРОЗА, УБЕЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ.

Рассмотрим далее, как моделируются властные отношения в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

2.3. Моделирование властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сущность межличностных отношений представлена в Большой психологической энциклопедии следующим образом: «межличностные отношения – это субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения» [Словарь практического психолога 1998]. Утверждается, что «такие отношения подразумевают в себе систему установок, ориентаций, ожиданий,

стереотипов и др. диспозиций, через которые люди воспринимают и оценивают друг друга. Эти диспозиции опосредствуются содержанием, целями, ценностями и организацией совместной деятельности» [там же].

Существенным является выделение понятия «социальная роль» в связи с межличностными отношениями. Как указывает Дж. Г. Мид, понятие «межличностные отношения» сфокусировано на субъект и объект волевого воздействия. Социальная роль – это «нормативно регулируемые типы и формы поведения людей, зависящие от их статуса и положения в социальной структуре» [Mead 1981].

В различных типологиях социальных ролей выделяют: предписанные (т.е. социально-демографические, например, муж, жена, дочь и т.д.) и достигаемые (приобретенные личными усилиями индивида, например, занимаемая должность); конвенциональные (стандартизированные и безличные, строящиеся на основе прав и обязанностей индивида независимо от того, кто эти роли исполняет) и межличностные (когда выполняемые права и обязанности зависят от индивидуальных особенностей участников межличностного взаимодействия, их чувств, эмоций, предпочтений) [там же].

Не менее емкое определение прослеживается в английском энциклопедическом источнике Scholarly Community Encyclopedia: «interpersonal relationships refer to the social connections and interactions between individuals, characterized by emotional bonds, communication, and mutual influence. These relationships encompass various forms, including friendships, familial ties, romantic partnerships, and professional connections, playing a crucial role in shaping individuals' social and emotional well-being» [<https://encyclopedia.pub>].

Н.Н. Обозов и Е.Ю. Клепцова в своих исследованиях осмысливают механизмы построения межличностных отношений и делят их на положительные, отрицательные и индифферентные [Обозов 1979; Клепцова 2013]. Отрицательные отношения рассматриваются как такой вид, где субъект воспринимает объекта с позиции непринятия и непонимания, когда преобладает интеграция негативной информации, а также выражаются негуманные личные качества, например,

злость, ревность, зависть, страх, обида, цинизм, ненависть, презрение, стремление подавить и уничтожить и т.д. Отрицательный вид межличностных отношений может перетекать в индифферентный вид. Данный вид отношений характеризуется отсутствием волевого воздействия на объекта, когда отмечается невключенность личности на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях. Отображается этот вид посредством следующих личностных качеств: созерцание, бездействие, отстраненность. Положительный вид отношений противопоставляется своими характеристиками отрицательному и предполагает гуманное отношение [там же].

В дополнение к вышесказанному проведем также концептуально-дефиниционный анализ лексемы *a relationship* для выявления характеристик концептуальной области **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**:

a relationship – 1) the way in which two people, groups or countries behave towards each other or deal with each other; 2) a loving and/or sexual friendship between two people; 3) the way in which two or more things are connected; 4) the way in which a person is related to somebody else in a family [Cambridge Dictionary].

Проведенный анализ дает основание выделить следующие характеристики данной концептуальной области: 1) отношения между двумя личностями на основе симпатии или семейных уз; 2) способ взаимодействия между двумя личностями.

В ходе анализа примеров необходимо учитывать, что характер властных отношений зависит от демонстрации таких концептуальных характеристик волевого воздействия, как «сила», «контроль» и «влияние», а их репрезентация сопровождается указанием на определенный мотив подчинения, выступающий в качестве ведущего и обязательного компонента фрейма **ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**.

Проанализируем конкретные примеры, репрезентирующие моделирование властных отношений на основе мотива подчинения в контексте концептуальной области **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**.

2.3.1. «Получение выгоды» как мотив подчинения в модели властных отношений

Рассмотрим примеры, репрезентирующие мотив подчинения «получение выгоды» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.1.).

1. *And Mother is scraping and fawning, "If you please, sir ... begging your lordship's pardon"* [English Dictionary];

2. *Everywhere he goes he is surrounded by an entourage of toadies* [Cambridge Dictionary];

3. *Реакция уступчивости заставляет ребенка стараться все сильнее и сильнее угодить родителю* [Карта слов и выражений русского языка];

4. *Поневоле напрашивается мысль, что кажущаяся податливость японской натуры подобна приемам борьбы дзюдо: уступить натиску, чтобы устоять, то есть идти на перемены, с тем чтобы оставаться самим собой* [Карта слов и выражений русского языка].

На профилирование мотива подчинения «получение выгоды» указывают лексические единицы *to fawn* (to give someone a lot of attention and praise in order to get that person's approval [Cambridge Dictionary]), *a toady* (a person who praises and is artificially pleasant to people in authority, usually in order to get some advantage from them [Cambridge Dictionary]), *уступчивость* (выражающий готовность уступить кому-либо, согласиться с кем-чем-либо [Большой толковый словарь русского языка 1998]), *податливость* (легко подчиняющийся влиянию; уступчивый, сговорчивый [Большой толковый словарь русского языка 1998]). Помимо этого, в примере 3 отмечается ПРИНУЖДЕНИЕ в качестве способа установления волевого воздействия, который профилируется посредством глагола *заставить*, а также объективируется инструмент – реакция уступчивости. В примере 4 репрезентируется способ установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ. На него указывает выражение *уступить натиску*. Акцентируется

внимание и на цели – оставаться самим собой. Концептуальная характеристика «влияние» выводится контекстуально.

5. *“I take you with me on **one condition**: that you obey any command I might give you at once, and without question”* [English Dictionary];

6. *She knows **I want the interviews** and that **she can leverage** that to get what she needs* [English Dictionary];

7. ***Их команда будет делать то, чего хочет лидер**, но лишь при условии регулярного денежного вознаграждения* [Карта слов и выражений русского языка].

Существование определенных условий, как инструментов, в этой группе примеров приводит к тому, что объект подчиняется воле субъекта (*I take you with me on one condition, I want the interviews, при условии денежного вознаграждения*), чтобы получить выгоду. На способ установления властных отношений ДИКТАТ указывает в примере 5 и 7 лексическая единица *a command*, а также выражение *делать то, чего хочет лидер*. Эти примеры профилируют концептуальную характеристику «контроль».

8. ***They tried to coerce him** to sign away his rights* [Oxford Learner’s Dictionaries];

9. *А вот **парень** отчаянно **сопротивлялся давлению**, не хотел становиться хладнокровным убийцей. И тогда **профессор Дубровский** предложил очень необычное решение проблемы* [Карта слов и выражений русского языка].

Семантика глагола *to coerce* (to persuade someone forcefully to do something that they are unwilling to do [Cambridge Dictionary]) акцентирует внимание на активации способа установления отношений ПРИНУЖДЕНИЕ (пример 8) и концептуальной характеристики «сила». В контексте каждого примера указывается цель реализуемого способа установления властных отношений (*to sign away his rights, становление хладнокровным убийцей*). В примере 9 имя существительное *давление* своей семантикой репрезентирует способ установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ. В этом случае указывается на сопротивление ментальному давлению, которое оказывается на объект волевого воздействия

(*сопротивляться* – противодействовать воле, желаниям кого-чего-либо, не подчиняясь, не соглашаясь на что-либо [<https://gramota.ru>]). Это дает основание утверждать, что в области межличностных отношений может отсутствовать эффективный инструмент оказания волевого воздействия. В частности, протест давлению может быть вызван внутренними представлениями о морали. Мотив подчинения выводится в обоих случаях инферентно.

10. *Since the war started, Sendeha said he's tried to convince his father to come to the U.S.* [Merriam Webster Dictionary];

11. *Друзья же могут отговаривать тебя по той причине, что сами хотели бы петь, но им не хватает смелости* [Карта слов и выражений русского языка].

Здесь профилируется концептуальная характеристика «влияние» и способ установления властных отношений УБЕЖДЕНИЕ. В контексте примера 10 подчеркивается цель убеждения (*to come to the U.S.*). Отличительной чертой примера 11 является волевое воздействие с целью достижения противоположного результата, когда у объекта уже сформировано намерение сделать что-то и требуется доводами заставить его изменить свое убеждение (*отговаривать* – произносить (произнести) какие-либо доводы, аргументы, настойчиво стараясь убедить кого-либо не делать что-либо [<https://gramota.ru>]). Инструментом оказания волевого воздействия во всех случаях являются убедительные аргументы субъекта волевого воздействия. Мотив подчинения в этих ситуациях выводится инферентно (пример 10 – оказаться в безопасности, пример 11 – устранение возможного соперника).

12. *One is an arrogant and corrupt bully who bosses around his partner and suggests that they kill Ali there to avoid all the bureaucratic fuss* [English Dictionary];

13. *Султан обещал мне свободу, и вот я уже плясал под дудку властных мужчин, добившихся моей помощи манипуляциями, сыграв на моих слабостях* [Карта слов и выражений русского языка].

В фокусе внимания наблюдателя в этих примерах находится характеристика «контроль» и профилируется способ установления отношений ДИКТАТ. На них указывает семантика фразового глагола *to boss around* (to tell one what to do; this

phrase is often used to emphasize someone's behavior as controlling and/or unwarranted to [The Free Dictionary]) и фразеологизм *плясать под чужую дудку* (подчиняться кому-то, выполнять чужую волю [<https://ru.wiktionary.org>]). Мотив подчинения «получение выгоды» в примере 12 представлен контекстуально (*to avoid all the bureaucratic fuss*), а в примере 13 – получение свободы. В этих ситуациях активизируется механизм концептуальной метафоры. В первом случае создается ассоциация с беспрекословным подчинением приказам босса, во втором случае демонстрируется сравнение с выполнением действий дрессированными животными под звуки флейты.

«Получение выгоды» как мотив подчинения в ходе реализации властных отношений активизируется за счет когнитивных механизмов инференции и метафоры, которые акцентируют внимание на всех концептуальных характеристиках властных отношений, таких как: «контроль», «влияние» и «сила». На основе когнитивного механизма профилирования репрезентируются только концептуальные характеристики «контроль» и «влияние». К профилируемым факультативным компонентам фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ относятся цель, инструмент и способ установления властных отношений, в частности способ ПРИНУЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ, ДИКТАТ и УБЕЖДЕНИЕ.

Рассмотрим далее «закон» как мотив подчинения в процессе моделирования властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

2.3.2. «Закон» как мотив подчинения в модели властных отношений

Примечательно, что объект властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ подчиняется субъекту при наличии устного уговора или определенной традиции в обществе.

Проанализируем примеры, репрезентирующие мотив подчинения «закон» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.2.):

14. *But **Handsome** was a friend, and Duane knew that Handsome preferred, as he put it, to obey the rules and etiquette of society in regard to the decorum of social gatherings both big and small* [English Dictionary];

15. *Before they had boarded the wagon, **Grandma** had commanded **Hugo** to obey any instructions from Kendra and Seth* [English Dictionary];

16. *Участник подчиняется норме группы и получает одобрение за эту конформность; неявно одобряется и то, что такое **подчинение** способствует сохранению группы и ее стабильности* [Карта слов и выражений русского языка];

17. *Я побежденный, вы имеете право диктовать мне условия; я приму их с покорностью, беспрекословно* [Карта слов и выражений русского языка].

Данная группа примеров профилирует концептуальную характеристику «контроль», которая прослеживается в семантике лексических единиц *to obey, подчиняться, беспрекословно*. Мотив подчинения выражается эксплицитно (*to obey the rules and etiquette of society, to obey any instruction, подчиняется норме, вы имеете право*). В примерах 15 и 17 активизируется факультативный компонент фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ способ, в частности – ДИКТАТ (*диктовать условия, instructions*), а в примерах 14 и 16 – цель.

18. *The person receiving the gift is obligated to dance with the gift giver, Akpik-Lemen said* [Merriam Webster Dictionary];

19. *Выиграете вы – вернетесь домой и получите любую награду на выбор, выиграю я, то с вас имею права востребовать любую цену и награду* [Карта слов и выражений русского языка].

Данные контекстуальные ситуации репрезентируют характеристику «контроль», что подчеркивается семантикой глагола *to obligate* (*to force someone to do something, or to make it necessary for someone to do something* [Cambridge Dictionary]) в примере 18 и указанием в контексте на право победителя (пример

19). В первом случае получение подарка (*the gift*) выступает инструментом волевого воздействия, во втором случае это выполняет статус победителя. Примечательно, что мотив подчинения здесь представлен инферентно: есть определенные правила игры или поведения в обществе, которые требуется соблюдать. Помимо этого, устанавливаются способы реализации властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ (пример 18) и ДИКТАТ (пример 19).

Репрезентация властных отношений на основе мотива подчинения «закон» соотносится с представлением концептуальной характеристики «контроль» в рамках первичной и вторичной интерпретации посредством профилирования и инференции. Примечательно, что все факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ находят свое отражение в контексте проанализированных примеров: цель, инструмент и способ установления властных отношений, в частности способы ДИКТАТ и ПРИНУЖДЕНИЕ.

Следующим мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступает «авторитет».

2.3.3. «Авторитет» как мотив подчинения в модели властных отношений

Обратимся к конкретным примерам, объективирующим мотив подчинения «авторитет» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.3.):

20. *Teachers' authority is seldom challenged, and this authoritative role awes the students into obedient listeners* [English Dictionary];

21. *I followed his commands with blind obedience, never bothering to question what his purpose might have been* [Longman Dictionary of Contemporary English];

22. *She felt she had to obey her father, even though she thought he was wrong* [Longman Dictionary of Contemporary English];

23. *И как младший брат я не имею права главенствовать над вами, об этом даже не мыслю!* [Карта слов и выражений русского языка];

24. *Отсутствие привязанности между родителем и ребенком, авторитарное воспитание приводят к тому, что старший сиблинг начинает лидировать в сиблинговой паре, подавляя младшего ребенка* [Карта слов и выражений русского языка];

25. *Варвара Павловна его поработила, именно поработила: другим словом нельзя выразить ее неограниченную, безвозвратную, безответную власть над ним* [Карта слов и выражений русского языка].

На концептуальную характеристику властных отношений «контроль» указывают лексические единицы *to obey* и его дериваты, *authoritative* (*confident and seeming to be in control of a situation* [Cambridge Dictionary]) и ситуативные контексты примеров 23, 24 и 25 (*главенствовать, лидировать, иметь власть над ним*), интерпретируемые как процесс управления человеком на основании более высокого положения в иерархии. Отмечается в примере 21 инструмент воздействия – команды, который также инферирует способ установления властных отношений ДИКТАТ, а также цель – не задавать вопросы. В примере 22 акцентируется внимание на вынужденности действия (*to have to do something*). В примере 23 и 24 отмечается подчинение по старшинству. Устанавливается также способ – ДАВЛЕНИЕ. В последнем случае за счет глагола *поработить* инферируется знание о волевых качествах субъекта властвовать над объектом.

26. *Feld's influence was felt across a variety of industries, and he has become an eminence gris of the IT community* [English Dictionary];

27. *He understood that his influence was not limitless, and if he made a move that failed to conform to journalistic expectations, the image that he had painstakingly cultivated could be ruined* [English Dictionary];

28. *Сестра уехала почти сутки назад, но продолжала властвовать надо мной* [Карта слов и выражений русского языка];

29. *Мои родители решили, что мне нужно заниматься чем-то другим, и я снова послушалась* [Карта слов и выражений русского языка];

30. *В сектах стараются закабалить человека, навязать ему свое мнение* [Карта слов и выражений русского языка].

Авторитет как мотив подчинения представлен в этих ситуациях эксплицитно за счет указания на положение в сообществе, имидж, родительский или сестринский пример. При этом профилируется концептуальная характеристика волевого воздействия «влияние». В примерах 29, 30 акцентируются также цель и такой способ установления властных отношений, как УБЕЖДЕНИЕ, на что указывает семантика глаголов *навязать, послушаться*. Примечательно, что в примере 27 субъект боится потерять свой авторитет, что означает, что может существовать обратная вертикаль власти или смена позиций во властной иерархии.

31. *Dave still hasn't decided where he wants to go to dinner, so I'm going to force his hand – I need to make reservations as soon as possible* [The Free Dictionary];

32. *He wheedled quite a bit of money from her* [Merriam Webster Dictionary];

33. *All his decisions are influenced by his mother. He's still tied to her apron strings* [<https://www.learn-english-today.com>];

34. *Он не уступил, как делал прежде, стойко выдержал мою силу, не прогнулся, не сел, даже не дернулся под бесспорным давлением авторитета* [Карта слов и выражений русского языка].

Данные контекстуальные ситуации объективируют концептуальную характеристику «влияние». В примерах 31 и 33 представлен механизм концептуальной метафоры. В первом случае областью-источником выступает знание о том, как родитель ведет за руку ребенка, чтобы указать верное направление. При этом создается ассоциация с позициями ведущего (лидера) и ведомого. В ситуации со взрослыми людьми позиция ведомого характеризуется отсутствием собственного мнения и боязнью принимать решения, что свидетельствует о негативной оценке объекта властных отношений. Помимо этого, здесь объективируется способ установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ. В примере 33 в ходе метафорического переноса область-источник представлена информацией о том, как женщины привязывали завязками

фартука к себе детей, чтобы те не удалялись из их поля зрения, пока они занимаются домашними делами. В результате проецирования этого знания на объект формируется оценка его несамостоятельности и подневольности диктату субъекта (*to tie to mother's apron strings – a man is strongly influenced and controlled by mother* [Cambridge Dictionary]). В других примерах активизируется когнитивный механизм инференции, так как властное воздействие и подчинение субъекту выводится, опираясь на контекст. Например, в семантике глагола в примере 32 представлен смысловой компонент «убеждать в выполнении определенных действий посредством приятных речей или просьб» (*to wheedle – to try to persuade someone to do something or give you something by praising them or being intentionally charming* [Cambridge Dictionary]), который указывает на способ установления власти. Эксплицитно отмечается и цель волевого воздействия: получить деньги (пример 32). В примере 34 инструментом влияния выступает жизненный опыт субъекта волевого воздействия. На основании контекстуальной ситуации выводится способ установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ (*под бесспорным давлением авторитета*).

35. *He shows a lot of authority but in fact it's his wife who calls the shots* [<https://www.learn-english-today.com>];

36. *It's essential to be on good terms with his wife. Apparently she's the power behind the throne* [<https://www.learn-english-today.com>];

37. *Моя – отличная хозяйка, умудряющаяся держать в узде мужа, с которым они много лет живут душа в душу, и двух сыновей* [Карта слов и выражений русского языка].

Во всех примерах представлен механизм концептуальной метафоры. В первом случае область-источник включает знание об игре в бильярд, когда игрок решает и объявляет, какой шар он собирается забить в лузу. Это знание проецируется на поведение партнера. В результате создается ассоциация с принятием единоличного решения, исключающего возражения со стороны другого (*to call the shots – exercise authority or be in charge* [English Dictionary]). В примере 36 за счет метафорического переноса создается ассоциация с тайными

рычагами власти как скрытыми способами управления и контроля (*to be the power behind the throne* – someone who does not have an official position in a government or organization but who secretly controls it [Cambridge Dictionary]). В последнем примере аналогично тому, как узда на лошади используется для контроля за животным, так и за счет идиомы *держат в узде* проецируется смысловая линия «держать кого-то под контролем». Все рассмотренные примеры репрезентируют такую характеристику властных отношений, как «контроль» и способ установления властных отношений ДИКТАТ. Мотив подчинения выявляется косвенно.

38. *The teacher's words carried the electric current of authority in the classroom* [<https://idiominsider.com>];

39. *In a few words she had put him in his place* [Collin's Dictionary];

40. *Her parents carried out their threat to take away her mobile phone if her grades didn't improve* [Cambridge Dictionary];

41. *Я все-таки ветеран войны, поэтому со мной так говорить нельзя. Я тоже человек нервный и могу на место поставить* [<https://lexrus.ru>];

42. – *Оставьте этого юношу и убирайтесь, – приказной тон подействовал безотказно* [Карта слов и выражений русского языка].

Характер волевого воздействия раскрывается на основе характеристики «сила», что находит подтверждение контекстуально – тональность приказа, исключая возражение (пример 42), статус субъекта волевого воздействия (примеры 38 – 41). В примере 38 инструмент волевого воздействия – слова учителя, сила которых осмысливается на основе активации когнитивного механизма метафоры, когда создается ассоциация с мощностью тока в электрической цепи. Авторитет учителя инферентно соотносится со способом установления властных отношений ДИКТАТ. Фразеологизмы *to put someone in their place* (пример 39) и *поставить на место* (пример 41) репрезентируют знание о наличии достаточной силы, чтобы передвинуть предметы на нужное место. Это знание проецируется на волевое воздействие субъекта. В результате удается подчеркнуть, что волевое воздействие осуществляется посредством силового нажима на объект и против

его воли, то есть насильственно в виду обладания авторитета. В качестве способа установления властных отношений выступает НАСИЛИЕ. В примере 40 в фокусе внимания наблюдателя находятся цель (*to take away her mobile phone*) и причина угрозы (*her grades didn't improve*). УГРОЗА выступает способом установления властных отношений, а мотив подчинения выражен инферентно. В последнем случае на основе метонимических отношений «речевое действие – тональность» акцентируется такой способ установления властных отношений, как ДИКТАТ. Тот факт, что приказ подействовал безотказно, свидетельствует об авторитете личности в условиях взаимодействия.

Реализация мотива подчинения «авторитет» сопровождается профилированием таких концептуальных характеристик властных отношений, как «контроль» и «влияние». Когнитивные механизмы метафоры, метонимии и инференции объективируют в рамках вторичной интерпретации все концептуальные характеристики властных отношений, такие как «контроль», «влияние» и «сила». Среди факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируются инструмент, цель и способ установления властных отношений, в частности способы ПРИНУЖДЕНИЕ, ДИКТАТ, ДАВЛЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ и УГРОЗА.

Проанализируем далее такой мотив подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как «превосходство в определенной области знаний».

2.3.4. «Преимущество в определенной области знаний как мотив подчинения в модели властных отношений»

Характеристики, лежащие в основе этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.4.

43. *Parker's show of moral superiority wasn't the first time Brown had been made to feel small by a man* [Merriam Webster Dictionary];

44. *Ребята слушали, открыв рты. А я продолжала абсолютно привычно раскидывать задачи. Никто даже не пытался спорить. Мальчишки капитулировали перед моим напором и только записывали свои ближайшиe задачи и задавали уточняющие вопросы* [Карта слов и выражений русского языка];

45. *Покинуть секту было очень сложно, так как внушение, которому подвергались ее участники, было настолько сильным, что полностью подчиняло волю и разум людей* [Карта слов и выражений русского языка].

Способность субъекта представить убедительные аргументы соотносится с такой концептуальной характеристикой отношений «доминирование – подчинение», как «влияние». Следствием превосходства субъекта в примере 43 является ощущение ничтожности со стороны объекта, в примерах 44, 45 – отсутствие возражений. Способом волевого воздействия является ДАВЛЕНИЕ и УБЕЖДЕНИЕ.

46. *After brushing aside the team that posed the greatest threat to its supremacy, Ohio State has a clear path to the Big Ten title game* [Merriam Webster Dictionary];

47. *Some parents infantilize young adults and keep them in a permanent state of dependency* [Cambridge Dictionary];

48. *Самые сильные мальчики в каком-то рабском подчинении у тщедушного семинариста с маленькими глазками, которые в ярости загораются опасным желтым огнем* [Карта слов и выражений русского языка].

Словосочетание *after brushing aside the team* и лексемы *a dependency, подчинение* указывают на профилирование концептуальной характеристики «контроль». В примере 46 преимуществом для доминирования является хорошее знание правил командной игры, в примере 47 – это зрелость и мудрость родителей, в примере 48 причина доминирования эксплицитно не представлена, но за счет словосочетания *рабское подчинение* инферентно выводится знание о психологической зависимости от субъекта доминирования (его воли, знаний или сопутствующих обстоятельств).

49. *They are in no position to refuse; we've got them by the short hairs* [<https://www.learn-english-today.com>];

50. *Тот, кто хитрее и умнее, прибрал к рукам более слабого* [<https://lexrus.ru>].

На преимущественное положение субъекта, дающее ему право диктовать свои условия, указывает контекст (*тот, кто хитрее и умнее, we've got them by the short hairs*). Характеристика «контроль» репрезентируется идиомами *to have someone by the short hairs* (to have someone completely in your power [Collin's Dictionary]) и *прибрать к рукам* (подчинить себе, заставить повиноваться [Карта слов и выражений русского языка]). На основе метафорического переноса в первом случае создается ассоциация «длина волос соответствует близкому расстоянию, которое позволяет контролировать действия человека», а во втором – «держать в руках, значит полностью контролировать и диктовать свои условия». В этих примерах профилируется такой способ установления властных отношений, как ДИКТАТ.

51. *After seeing the evidence, I was forced to admit my error* [Merriam Webster Dictionary];

52. *She wasn't swayed by his good looks or his clever talk* [Oxford Learner's Dictionaries];

53. *Боевые заслуги гарантированно покоряли женские сердца и служили для юношей превосходным стимулом героизировать в схватках* [Карта слов и выражений русского языка].

В этих примерах акцентируется концептуальная характеристика «влияние» за счет указания на инструмент влияния (*the evidence, good looks, clever talks, боевые заслуги*), благодаря которому субъект превосходит объекта в определенной области и уверен в его беспрекословном подчинении. При этом для наблюдателя значимость имеет и цель волевого воздействия (признание ошибки – пример 51, героическое поведение – пример 53). Примечательно, что в примере 52 объект волевого воздействия противодействует силе субъекта, считая инструмент воздействия не убедительным. Способом установления властных отношений в

примерах 52, 53 является УБЕЖДЕНИЕ. В примере 51 семантика глагольной конструкции *to be forced* (to make something happen or make someone do something difficult, unpleasant, or unusual when they do not want to [Cambridge Dictionary]) указывает на способ установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ.

54. *My sister is like a compass, always pointing me in the right direction when I feel lost* [<https://idiominsider.com>];

55. *Есть люди – как маяк. Они появляются, как свет маяка, они дают тебе надежду и веру в себя, они не дают тебе утонуть. Они светят и ведут тебя, пока ты не наберешься достаточно сил, чтобы дальше плыть самостоятельно* [<https://www.coffeetimejournal.com>].

Волевое воздействие здесь определяется за счет характеристики «влияние». Значимым является механизм концептуального сравнения. Эталонным знанием выступает функция компаса указывать на правильную сторону света, помогая путникам не сбиться с маршрута. В данном случае старшая сестра указывает, что делать. В примере 55 эталонным знанием выступает маяк, который выполняет навигационную функцию для моряков в пути. В результате создается ассоциация с превосходством некоторых людей в силу их опыта, характера, харизмы. В последнем предложении подчеркивается такой способ установления властных отношений, как ДИКТАТ.

Репрезентация властных отношений на основе мотива подчинения «превосходство в определенной области знаний» сопровождается профилированием концептуальных характеристик «влияние» и «контроль». В рамках вторичной интерпретации представлены когнитивные механизмы метафоры, инференции и сравнения, в ходе активации которых объективируются те же концептуальные характеристики властных отношений: «контроль» и «влияние». Примечательно, что все факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ находят свое отражение в контексте проанализированных примеров: цель, инструмент и способ установления властных отношений, в частности УБЕЖДЕНИЕ, ДИКТАТ, ДАВЛЕНИЕ и ПРИНУЖДЕНИЕ.

Еще одним мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** является «шантаж».

2.3.5. «Шантаж» как мотив подчинения в модели властных отношений

Рассмотрим примеры, репрезентирующие мотив подчинения «шантаж» (характеристики, раскрывающие сущность этого мотива подчинения, были представлены в разделе 2.1.5.):

56. *Their lack of confidence combined with **submissiveness** make them perfect targets for bullying* [Cambridge Dictionary];

57. *Ножом, которым я пресекла нить своей жизни, он угрожал мне, добиваясь **покорности*** [Карта слов и выражений русского языка].

Данные примеры репрезентируют характеристику властных отношений «сила». Лексические единицы *угрожать* и *to bully* (someone who hurts or frightens someone else, often over a period of time, and often forcing them to do something that they do not want to do [Cambridge Dictionary]) объективируют способ установления властных отношений **УГРОЗА**. Оба примера также отображают подчинение (*submissiveness*, *покорность*) как базовую черту личности, которой объект обладает с рождения в силу социализации.

58. *He gave her an **ultimatum** – she could either stop seeing Peter and come back to him or it was divorce* [Cambridge Dictionary];

59. *Первое время даже встречал **дочку** с поздних репетиций и концертов, пока та не **выставила ультиматум**, что уйдет в общежитие, если **папаша** не избавит ее от излишней опеки* [Карта слов и выражений русского языка];

60. *По началу-то она была паинькой,... даже скромной штучкой,... но потом вдруг преобразилась,... **взяла надо мною власть**, и стала **просто-таки вымогать подарки**,... да еще и какие дорогие!... а с виду-то простушка простушкой!... [Карта слов и выражений русского языка].*

Словосочетания *to give an ultimatum* (a threat in which a person or group of people are warned that if they do not do a particular thing, something unpleasant will happen to them [Cambridge Dictionary]), *выставить ультиматум* (требование чего-нибудь, сопровождаемое угрозой [Толковый словарь современного русского языка]) и глагол *вымогать* (требовать передачи чего-либо угрозами, шантажом [Карта слов и выражений русского языка]) репрезентируют способ установления властных отношений УГРОЗА. Угроза как обещание причинить какое-либо зло или неприятность соотносится с объективацией характеристики «сила» и мотивом подчинения «шантаж», осмысляемыми на основе контекста.

61. *I really hadn't wanted to be involved, but they used my debts to bounce me into it* [The Free Dictionary];

62. *Once they received explicit images from the teenager, they blackmailed him for hundreds of dollars, threatening to share the pictures online with his friends if he did not comply* [English Dictionary];

63. *Мама начнет ругаться, стучать каблуками и дверьми, грозить расправой, а отец молча уйдет в кабинет и запрется – и это даже хуже маминого крика* [Карта слов и выражений русского языка].

Способом установления властных отношений выступает УГРОЗА. В данных примерах указывается также инструмент волевого воздействия – *ругань* (пример 63), *debts* (пример 61), *pictures* (пример 62). В соотношении с инструментом волевого воздействия инферентно выводится концептуальная характеристика волевого воздействия – «сила». Шантаж как мотив властных отношений профилируется глаголом *to blackmail* (пример 62) и выводится контекстуально в примерах 61, 63.

В контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ объективация мотива подчинения «шантаж» сопряжена с профилированием только концептуальной характеристики властных отношений «сила». В рамках вторичной интерпретации властных отношений активизируется когнитивный механизм инференции, который также концентрирует внимание на той же концептуальной характеристике. Среди факультативных компонентов фрейма

ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в фокусе внимания наблюдателя находятся инструмент и способ установления властных отношений. Установлена значимость такого способа, как УГРОЗА.

И последним мотивом подчинения в модели властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступает «страх перед наказанием».

2.3.6. «Страх перед наказанием» как мотив подчинения в модели властных отношений

Обращение к дефинициям лексем *страх* и *наказание* позволяет установить сущность рассматриваемого мотива:

страх – состояние очень сильного испуга, сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т.п. [<https://gramota.ru>];

наказание – мера воздействия, применяемая к кому-либо за какую-либо вину, проступок, преступление [Большой толковый словарь русского языка 1998].

Примечательно, что объект властных отношений в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ подчиняется субъекту в виду действия, которое вызывает сильный страх (отличается от словесной угрозы как способа установления волевого воздействия и шантажа как мотива подчинения тем, что не наступает определенное карательное действие) и используется в качестве властного воздействия за проступок. В других основных концептуальных областях при активации фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ данный мотив не нашел свое отражение в эмпирическом материале рассматриваемых языков.

64. *He believes that **children** recognized **submissiveness** as a convenient method to avoid **punishment** and the behavior in the quarters as the true behavioral model* [Cambridge Dictionary];

65. *I knew that if I didn't obey, I would be shot* [Longman Dictionary of Contemporary English];

66. *Скажу вам откровенно: я применю к вам строгие меры, если с вашей стороны не будет проявлено достаточной уступчивости* [Карта слов и выражений русского языка].

Инструмент оказания влияния в виде наказания, выстрела, строгих мер также акцентирует внимание на профилировании концептуальной характеристики «сила». Во всех случаях отмечается, что повиновение субъекту помогает избежать насильственных действий со стороны субъекта. За счет механизма инференции выводится способ установления властных отношений НАСИЛИЕ.

67. *“You two are in trouble...You're supposed to obey me when Mami's not around. She left me in charge”* [English Dictionary];

68. *He knew now that his father was mappng out the violence, planning to catch Nailer, to teach him some respect* [English Dictionary];

69. *Если хочешь, могу ее наказать. Мне прекрасно удастся ломать волю своим наложницам* [Карта слов и выражений русского языка].

Концептуальная характеристика волевого воздействия «сила» объективируется в данных примерах. Страх перед наказанием как мотив подчинения акцентируется в контексте за счет словосочетаний *to be in trouble, mappng out the violence, ломать волю*. В примере 69 используется когнитивный механизм метафоры, когда знание о том, как ломается предмет под тяжестью, проецируется на ситуацию подчинения.

70. *Dad read us the riot act when we messed up his tool-shed* [<https://www.learn-english-today.com>];

71. *If I catch you stealing again I'll beat the daylight out of you* [<https://www.learn-english-today.com>];

72. *If you don't follow his instructions carefully, he'll come down on you like a ton of bricks* [<https://www.learn-english-today.com>];

73. *И вот теперь, когда он поймал одного из них прижал его к ногтю, он подержит его у себя, пока не выяснит наконец массу вещей* [<https://lexrus.ru>].

Физическое насилие, как способ установления власти, всегда сопровождается проявлением силы, что свидетельствует о характере волевого воздействия. Все примеры демонстрируют активацию механизма концептуальной метафоры. В первом случае посредством фразеологизма *to read the riot act* (*to speak angrily to someone about something they have done and warn that person that they will be punished if it happens again* [Cambridge Dictionary]) репрезентируется знание о британском законе, запрещающем скопление людей в количестве более 12 человек и признающем их организаторами восстания (The Riot Act 1712), за что те получали жестокое наказание. Это знание переносится на действия родителя, возлагающего наказание за неподобающее поведение ребенка. В примере 71 употребляется идиома-архаизм *to beat the daylights out of someone* (*to hit someone very hard, many times* [Cambridge Dictionary]), которая возникла в начале XVIII века, когда компонент *the daylights* обозначал чьи-то глаза, а впоследствии стал образно обозначать все жизненно важные чувства и органы [<https://en.wikipedia.org>]. В результате создается ассоциация «удары по жизненно важным органам приводят к смерти». Такая интерпретация подчеркивает последствия физического насилия. За счет механизма концептуального сравнения в примере 72 создается аналогия между ощущениями человека от падения на него огромного количества кирпичей и болью от физической расправы со стороны отца. В последнем случае фразеологизм *прижать к ногтю* (жестко расправиться с кем-то [Большой словарь русских поговорок 2007]) репрезентирует знание о том, как прижимают ногтем насекомое, не давая ему двигаться или лишая его жизни. Это знание переносится на характер насилия по отношению к объекту волевого воздействия. Мотив подчинения во всех примерах представлен инферентно.

В контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ при обращении к мотиву подчинения «страх перед наказанием» профилируется только концептуальная характеристика «сила». Объективация этой же концептуальной характеристики в рамках вторичной интерпретации обусловлена использованием когнитивных механизмов инференции, сравнения и метафоры.

Наряду с базовыми компонентами фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируются и факультативные компоненты, такие как инструмент и способ установления властных отношений. Представленным способом выступает НАСИЛИЕ.

Таким образом, в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ властные отношения моделируются на основе шести мотивов подчинения их установления: «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж» и «страх перед наказанием». Также отмечается активация таких способов установления властных отношений, как ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, ДИКТАТ, УГРОЗА, УБЕЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ.

2.4. Общее и частное в моделировании властных отношений в языке

Сопоставительный анализ полученных результатов, отражающих процессы моделирования властных отношений в языке в таких основных концептуальных областях, как ГОСУДАРСТВО, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ позволил установить общие закономерности и выделить ряд отличий.

Установлено, что в контексте всех выделенных концептуальных областей значимыми для наблюдателя являются такие мотивы подчинения при установлении властных отношений, как «авторитет», «закон», «получение выгоды», «шантаж» и «превосходство в определенной области знаний». В дополнении к этим мотивам в концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выделяется еще один – это «страх перед наказанием».

Сопоставление характеристик волевого воздействия в соотнесении с каждым мотивом подчинения в проекции на три основные концептуальные области ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, в контексте которых осмысляются властные отношения, представлено в таблицах 2-6 (см. Таблицу 2):

Таблица 2

Мотив подчинения при установлении властных отношений	Характеристика властных отношений	Концептуальная область ГОСУДАРСТВО	Концептуальная область КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	Концептуальная область МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Процесс первичной интерпретации				
Получение выгоды	Контроль	+	+	+
Получение выгоды	Сила	-	-	-
Получение выгоды	Влияние	-	-	+
Процесс вторичной интерпретации				
Получение выгоды	Контроль	+	+	+
Получение выгоды	Сила	+	+	+
Получение выгоды	Влияние	+	+	+

Акт властных отношений с опорой на характеристику «контроль» в рамках первичной интерпретации является значимым во всех основных концептуальных областях, а в рамках вторичной интерпретации акцентируются все концептуальные характеристики, такие как «контроль», «влияние» и «сила». Единичным случаем является репрезентация характеристики «влияние» в процессе первичной интерпретации в концептуальной области

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В ходе первичной интерпретации характеристика «сила» не профилируется во всех основных концептуальных областях. Общим вариантом факультативного компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – способ установления властных отношений – для всех основных концептуальных областей выступает ПРИНУЖДЕНИЕ. Два других способа установления властных отношений, ДАВЛЕНИЕ и УБЕЖДЕНИЕ, являются общими для концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Частным для концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступает способ НАСИЛИЕ, а для концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ДИКТАТ.

Общие языковые средства репрезентации фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ для всех основных концептуальных областей отсутствуют. Общим для концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ служит имена существительные *pressure, давление*, а для концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – глаголы *to coerce, принуждать*.

Частными языковыми средствами объективации стали: имена существительные – *obedience, нажим, обещание, гегемония, повиновение*; глаголы – *to persuade, to subordinate, вынудить, подкупить, покориться*; фразеологизмы – *to take control, взять под контроль* для концептуальной области ГОСУДАРСТВО. А для концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ характерны следующие языковые средства репрезентации: имена существительные – *a servant, a bootlicker, violence, угроза*; глаголы и глагольные конструкции – *to satisfy, to be obligate, to threat, to compel, уступить, заставить*. В концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ властные отношения объективируют: имена существительные – *a toady, a command, leverage, condition, податливость, уступчивость, лидер, вознаграждение*; имя прилагательное – *властный*; глаголы – *to fawn, to obey, to convince, отговаривать*; фразеологизмы – *to boss around, плясать по дудку*.

В Таблице 3 представлены результаты сопоставительного анализа на основе аналогичного критерия в проекции на такой мотив подчинения, при установлении властных отношений, как «закон» (см. Таблицу 3):

Таблица 3

Мотив подчинения при установлении властных отношений	Характеристика властных отношений	Концептуальная область ГОСУДАРСТВО	Концептуальная область КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	Концептуальная область МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Процесс первичной интерпретации				
Закон	Контроль	+	+	+
Закон	Сила	-	-	-
Закон	Влияние	-	-	-
Процесс вторичной интерпретации				
Закон	Контроль	+	+	+
Закон	Сила	+	-	-
Закон	Влияние	+	-	-

Акт властных отношений с опорой на характеристику власти «контроль» в рамках и первичной, и вторичной интерпретации властных отношений представлен во всех основных концептуальных областях. В процессе оценочной интерпретации единичными случаями являются объективация характеристик власти «сила» и «влияние» в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО. В процессе первичной интерпретации характеристики «влияние» и «сила» не профилируются во всех основных концептуальных областях. Общим для всех основных концептуальных областей является репрезентация такого факультативного компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как способы ПРИНУЖДЕНИЕ, ДИКТАТ. А частным способом установления властных

отношений выступает ДАВЛЕНИЕ, который находит свое отражение только в концептуальной области ГОСУДАРСТВО.

Общие языковые средства репрезентации властных отношений на основе мотива подчинения «закон» в контексте всех основных концептуальных областей отсутствуют. Общим средством в контексте концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступает имя существительное *a law, закон*, а в контексте концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – имя существительное *a rule*, глаголы *to obey* и *подчиняться*.

Отмечается также дифференцированное употребление средств репрезентации властных отношений посредством убеждения. Так, в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО для репрезентации волевого воздействия используются: имена существительные – *a bill, accreditation, a pact, a treaty, an act, распоряжение, давление, требование, монополия, власть, репрессия, повеление, господство*; глаголы и глагольные конструкции – *to be obliged, to force, to order, to obligate, to require, to be required, to be subject, to be subordinate, to suppress, обязывать, санкционировать*; имя прилагательное – *правлящий*; фразеологизмы – *to be under someone's jurisdiction, to rule with an iron hand, взять под козырек*. В контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ употребляются: имена существительные – *an obeisance, приказ, капитан, субординация, начальник, директор, подчиненный, распоряжение, управляющий, приказ, поручение, шеф*; имена прилагательные – *senior, нижестоящий, вышестоящий, обязанный*; глаголы и глагольные конструкции – *to comply, to be forced, to enjoin, приказывать, требовать, предписывать, принудить*; фразеологизм – *to toe the line*. В контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выделяются такие средства репрезентации властных отношений, как: имена существительные – *an instruction, норма, право*; глагольная конструкция – *to be obligated*.

В следующей таблице объектом сопоставительного анализа выступает «авторитет», как мотив подчинения при установлении властных отношений (см. Таблицу 4):

Таблица 4

Мотив подчинения при установлении властных отношений	Характеристика властных отношений	Концептуальная область ГОСУДАРСТВО	Концептуальная область КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	Концептуальная область МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Процесс первичной интерпретации				
Авторитет	Контроль	+	+	+
Авторитет	Сила	-	-	-
Авторитет	Влияние	+	+	+
Процесс вторичной интерпретации				
Авторитет	Контроль	+	+	+
Авторитет	Сила	+	-	+
Авторитет	Влияние	+	+	+

Акт властных отношений с опорой на характеристики «влияние» и «контроль» в рамках первичной интерпретации и в рамках вторичной интерпретации характерен для осмысления волевого воздействия в контексте всех основных концептуальных областей. В процессе оценочной интерпретации единичным случаем является объективация характеристики «сила» в контексте концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В процессе первичной интерпретации характеристика «сила» не профилируется во всех основных концептуальных областях. Общей для всех основных концептуальных областей является репрезентация такого факультативного компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как способы УБЕЖДЕНИЕ, ДИКТАТ. Еще один способ установления властных отношений

УГРОЗА, является общим для концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а для концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – способ НАСИЛИЕ. Частными для концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступают способы ДАВЛЕНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ.

Общие языковые средства репрезентации властных отношений в контексте всех основных концептуальных областей отсутствуют. Волевое воздействие в контексте концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентируется посредством имени существительного *obedience* и глагола *поработить*, а в контексте концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – при помощи имени существительного *авторитет* и фразеологизма *to carry weight*.

Употребление ряда средств является дифференцированным, например, в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО властные отношения репрезентируются: именами существительными – *power, a boss, domination, воля, господство, контроль, верховенство*; именем прилагательным – *могущественный*; глаголами – *to conquer, to subdue, заставить, завоевывать, подчиняться*; фразеологизмами – *to be in power, the pinnacle of influence, an iron fist in a velvet glove, взять за шиворот, держать в узде, держать на штыках, иметь вес*. В контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ отмечаются: имена существительные – *charisma, a view, power, a leader, начальник, подчиненный, уважение, страх*; имя прилагательное – *obsequious*; глаголы – *to subordinate, to intimidate, повиноваться*; фразеологизмы – *a glowing ember of authority, быть на высоте*; сравнительная конструкция – *as a lighthouse of supremacy*. А в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выделены: имена существительные – *authority, a command, an eminence, an image, a threat, власть, давление, сила*; имена прилагательные – *authoritative, obedient, приказной, старший, младший, авторитарное*; глаголы – *to obey, to conform, to wheedle, главенствовать, подавлять, лидировать, властвовать, ослушаться, закабалить, навязать*,

уступить, прогнуться; фразеологизмы – to force someone's hand, to tie someone's apron strings, to call the shorts, to be the power behind the throne, the electric power of authority, to put someone on someone's place, поставить на место, держать в узде.

«Превосходство в определенной области знаний» как мотив подчинения при установлении властных отношений также имеет ряд общих и частных характеристик при сопоставлении трех рассматриваемых концептуальных областей (см. Таблицу 5):

Таблица 5

Мотив подчинения при установлении властных отношений	Характеристика властных отношений	Концептуальная область ГОСУДАРСТВО	Концептуальная область КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	Концептуальная область МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Процесс первичной интерпретации				
Превосходство в опр. области знаний	Контроль	+	+	+
Превосходство в опр. области знаний	Сила	+	-	-
Превосходство в опр. области знаний	Влияние	+	-	+
Процесс вторичной интерпретации				
Превосходство в опр. области знаний	Контроль	+	+	+
Превосходство	Сила	-	-	-

в опр. области знаний				
Превосходство в опр. области знаний	Влияние	-	+	+

Как демонстрирует Таблица 5, реализация властных отношений с опорой на характеристику «контроль» в рамках первичной интерпретации и в рамках вторичной интерпретации осуществляется в контексте всех трех основных концептуальных областей. Репрезентация характеристики «влияние» в рамках первичной интерпретации характерна только для концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а концептуальная характеристика «сила» объективируется только в концептуальной области ГОСУДАРСТВО. В процессе вторичной интерпретации единичным случаем является активация характеристики «влияние» в контексте концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В процессе вторичной интерпретации характеристика «сила» не выводится во всех основных концептуальных областях. Общие варианты репрезентации такого факультативного компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как способ, для всех основных концептуальных областей отсутствуют. Примечательно, что способ установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ является общим для концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а для концептуальных областей ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – способ ДАВЛЕНИЕ. Частными для концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступают способы УБЕЖДЕНИЕ, ДИКТАТ.

Примечательно, что в этом случае нет общих языковых средств репрезентации властных отношений в преломлении к рассматриваемым трем областям. Объективация властных отношений в контексте концептуальных

областей ГОСУДАРСТВО и КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ реализуется фразеологизмом *идти на поводу*. Имя существительное *supremacy* выступает в качестве средства репрезентации волевого воздействия в контексте двух областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

В процессах репрезентации властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО задействованы: имена существительные – *force, military supremacy, military strength, pressure, an obeisance, leverage, военная мощь, власти, зависимость, господство, деньги, большинство, доминирование, превосходство*; имена прилагательные – *preponderant, колониальный*; глаголы – *to capitulate, to veto, капитулировать, подчиняться, поработить*; фразеологизм – *to hold sway*. В области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ репрезентация властных отношений посредством мотива подчинения «превосходство в определенной области знаний» осуществляется за счет: имен существительных – *domination, dominance, seniority, a leader, ascendancy, гегемония, преимущество, старшинство*; имен прилагательных – *skilled, respected, старший*; глаголов – *to control, приказывать*; фразеологизмов – *to be in a battle for, to have sway, to be light years ahead, подняться по служебной лестнице, поднять в два счета, быть на побегушках*; сравнительная конструкция – *as a figurehead*. В контексте области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в качестве единичных показателей выявлены такие средства репрезентации властных отношений, как: имена существительные – *superiority, a threat, dependency, напор, воля, подчинение*; имена прилагательные – *сильный, слабый, рабский, хитрый*; глаголы и глагольные конструкции – *to be forced, to be swayed, покорять, подчинять, капитулировать*; фразеологизм – *to get someone by the short hairs*; сравнительные конструкции – *like a compass, как маяк*.

В следующей таблице представлены результаты сопоставительного анализа, отражающего, как реализуются характеристики волевого воздействия в соотношении с таким мотивом подчинения, как «шантаж» и с учетом специфики

рассматриваемых основных концептуальных областей как контекста осмысления властных отношений (см. Таблицу 6):

Таблица 6

Мотив подчинения при установлении властных отношений	Характеристика властных отношений	Концептуальная область ГОСУДАРСТВО	Концептуальная область КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	Концептуальная область МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Процесс первичной интерпретации				
Шантаж	Контроль	-	-	-
Шантаж	Сила	+	-	+
Шантаж	Влияние	-	-	-
Процесс вторичной интерпретации				
Шантаж	Контроль	-	+	-
Шантаж	Сила	+	+	+
Шантаж	Влияние	+	-	-

Акт властных отношений с опорой на характеристику «сила» в рамках вторичной интерпретации фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ характерен для актуализации во всех основных концептуальных областях. Единичным случаем отмечается репрезентация характеристики власти «сила» в концептуальных областях ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в ходе первичной и вторичной интерпретации. В процессе вторичной интерпретации единичным случаем выявляется объективация характеристики власти «влияние» только для концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а концептуальная характеристика «контроль» находит свое отображение в концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В процессе первичной интерпретации характеристики «влияние» и «контроль» не профилируются во всех основных концептуальных областях. Общим вариантом

во всех основных концептуальных областях является репрезентация такого факультативного компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как способ УГРОЗА. Примечательно, что способ установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ является общим для концептуальных областей КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и ГОСУДАРСТВО. Частным проявлением в концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ выступает способ НАСИЛИЕ.

Среди языковых средств репрезентации не было выявленного общего для всех основных концептуальных областей. Для концептуальной области ГОСУДАРСТВО и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ общим средством актуализации властных отношений выступает глагол *to blackmail*.

К частным языковым механизмам репрезентации характеристик в концептуальной области ГОСУДАРСТВО относятся: имена существительные – *repercussion, pressure, intimidation, missile, нажим*; имя прилагательное – *aggressive*; глаголы – *to conquer, пригрозить, шантажировать*; фразеологизмы – *wolf warrior diplomacy, to flex someone's muscles, игра мускулами*. В качестве частных языковых средств репрезентации в концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ определены: имена существительные – *a boss, натиск, начальник, шантаж, монополист, работодатель*; глаголы – *to coerce, to throttle, to threaten, задуть*; фразеологизмы – *carrots and sticks, to put a squeeze on someone*. А в концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ отмечаются частными средствами языковой репрезентации характеристик: имена существительные – *submissiveness, bullying, расправа, покорность*; глаголы – *to bounce into, to comply, грозить, угрожать*; фразеологизмы – *to give an ultimatum, выставить ультиматум, взять над кем-то власть*.

Мотив подчинения при установлении властных отношений «страх перед наказанием» характерен, как было указано выше, только для осмысления волевого воздействия в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, в виду чего средства репрезентации являются частными для данной области. Этот способ соотносится с репрезентацией только одной

концептуальной характеристикой «сила» в рамках первичной и вторичной интерпретации. В нем профилируется такой способ установления властных отношений, как НАСИЛИЕ. Языковыми средствами репрезентации являются: имена существительные – *submissiveness, a punishment, a respect, меры, воля, уступчивость*; глаголы и глагольные конструкции – *to obey, to be shot, наказать*; фразеологизмы – *to be in charge, to be in trouble, to map out the violence, to read someone the riot act, to beat the daylights out of someone, прижать к ногтю*; сравнительная конструкция – *like a ton of bricks*.

Таким образом, представленные таблицы иллюстрируют как общие закономерности в моделировании властных отношений, так и дифференциальные аспекты в преломлении к трем концептуальным областям ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ как когнитивным контекстам, в которых осмысляется волевое воздействие.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Подтверждена гипотеза исследования о том, что властные отношения, моделируемые в виде фрейма с обязательными (субъект властных отношений, акт властных отношений, объект властных отношений, мотив подчинения) и факультативными (инструмент, цель, способ установления властных отношений) компонентами, осмысляются в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

2. Определено, что властные отношения реализуются в виде характеристик «сила», «контроль», «влияние» на основе таких мотивов подчинения, как «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж» и «страх перед наказанием». Помимо этого, при установлении властных отношений отмечается закономерность в частоте использования по основным концептуальным областям и мотивам подчинения определенных способов установления властных отношений, таких как ПРИНУЖДЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ, ДИКТАТ, НАСИЛИЕ, УГРОЗА, которые характеризуют отношения «доминирование-подчинение».

3. В реализации властных отношений в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО задействованы следующие мотивы подчинения: «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний» и «шантаж».

Объективация властных отношений в соотнесении с мотивом подчинения «получение выгоды» сопровождается демонстрацией только характеристики «контроль», раскрывающей акт властных отношений. Формирование оценочного знания происходит на основании когнитивных механизмов инференции и метафоры, которые объективируют все концептуальные характеристики «контроль», «влияние», «сила». Помимо этого, активируются все обязательные и два факультативных компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – цель и

способ установления властных отношений, в частности способы ДАВЛЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ. Языковыми средствами репрезентации этого мотива выступают: имена существительные – *pressure, obedience, давление, нажим, обещание, гегемония, повиновение*; глаголы – *to persuade, to subordinate, вынудить, подкупить, покориться*; фразеологизмы – *to take control, взять под контроль*.

Профилирование характеристики «контроль» выявляется только в процессе реализации властных отношений на основе такого мотива подчинения, как «закон». Оценочная интерпретация волевого воздействия базируется на активации таких когнитивных механизмов, как концептуальная метафора, метонимия, метафтонимия и инференция, которые, в свою очередь, объективируют все концептуальные характеристики властных отношений. Отмечается присутствие всех обязательных и факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ во время его репрезентации. В частности, выделяются такие варианты способа установления властных отношений как ПРИНУЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ, ДИКТАТ. К языковым средствам репрезентации относятся: имена существительные – *a bill, law, accreditation, a pact, a treaty, an act, закон, распоряжение, давление, требование, монополия, власть, репрессия, повеление, господство*; глаголы и глагольные конструкции – *to be obliged, to force, to order, to obligate, to require, to be required, to be subject, to be subordinate, to suppress, обязывать, санкционировать*; имя прилагательное – *правящий*; фразеологизмы – *to be under someone's jurisdiction, to rule with an iron hand, взять под козырек*.

В соотнесении с мотивом подчинения «авторитет» профилируются концептуальные характеристики «контроль» и «влияние». Когнитивные механизмы метафтонимии, сравнения, метонимии и метафоры активизируются в рамках вторичной интерпретации властных отношений и объективируют все концептуальные характеристики. В контексте примеров представлены все обязательные и факультативные компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. При этом демонстрируются такие способы установления властных отношений,

как УБЕЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, ДИКТАТ. В качестве языковых средств репрезентации властных отношений определяются: имена существительные – *obedience, power, a boss, domination, воля, господство, контроль, верховенство*; имя прилагательное – *могущественный*; глаголы – *to conquer, to subdue, заставить, завоевывать, поработить, подчиняться*; фразеологизмы – *to carry weight, to be in power, the pinnacle of influence, an iron fist in a velvet glove, взять за шиворот, держать в узде, держать на штыках, иметь вес*.

Мотив подчинения при установлении властных отношений «превосходство в определенной области знаний» сопровождается активизацией всех концептуальных характеристик: «контроль», «влияние», «сила». Когнитивными механизмами оценочной интерпретации являются инференция и метафора, которые объективируют только концептуальную характеристику «контроль». При этом реализуются все обязательные компоненты и два факультативных компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – цель и способ установления властных отношений ДАВЛЕНИЕ. Средствами репрезентации властных отношений в этом случае становятся: имена существительные – *force, military supremacy, military strength, pressure, an obeisance, leverage, военная мощь, власти, зависимость, господство, деньги, большинство, доминирование, превосходство*; имена прилагательные – *preponderant, колониальный*; глаголы – *to capitulate, to veto, капитулировать, подчиняться, поработить*; фразеологизмы – *to hold sway, идти на поводу*.

Объективация характеристики «сила» в рамках первичной интерпретации прослеживается в ходе реализации властных отношений на основании мотива подчинения «шантаж». Оценочное знание формируется здесь благодаря активизации когнитивных механизмов инференции и метафоры, которые акцентируют внимание на концептуальных характеристиках «влияние» и «сила». Отмечается демонстрация всех обязательных компонентов и только двух факультативных компонентов фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – цель и способ установления властных отношений УГРОЗА, ДАВЛЕНИЕ. В качестве средств репрезентации определены: имена существительные – *repercussion,*

pressure, intimidation, missile, нажим; имя прилагательное – *aggressive*; глаголы – *to blackmail, to conquer, угрожать, шантажировать*; фразеологизмы – *wolf warrior diplomacy, to flex someone's muscles, игра мускулами*.

4. Установлено, что в контексте концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ задействованы такие же мотивы подчинения при установлении властных отношений – «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж».

Реализация властных отношений в соотнесении с мотивом подчинения «получение выгоды» сопровождается репрезентацией концептуальной характеристики «контроль». Оценочное знание формируется с помощью механизма концептуальной инференции, который активизирует все концептуальные характеристики властных отношений: «контроль», «влияние» и «сила». Объективируются все компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а также способы установления властных отношений ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ. В качестве языковых средств репрезентации определены: имена существительные – *a servant, a bootlicker, violence, угроза*; глаголы и глагольные конструкции – *to satisfy, to be obligate, to coerce, to threaten, to compel, уступить, принуждать, заставить*.

Мотив подчинения при установлении властных отношений «закон» соотносится с объективацией концептуальной характеристики «контроль». Оценочное знание формируется посредством действия когнитивных механизмов инференции и метафоры, которые также выводят концептуальную характеристику «контроль», делая ее значимой для наблюдателя. В контексте примеров представлены все компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Способ установления властных отношений представлен как ПРИНУЖДЕНИЕ, ДИКТАТ. Языковые средства репрезентации включают: имена существительные – *a law, an obeisance, a rule, приказ, капитан, субординация, начальник, директор, подчиненный, распоряжение, управляющий, приказ, поручение, шеф*; имена прилагательные – *senior, нижестоящий, вышестоящий, обязанный*; глаголы и глагольные конструкции – *to obey, to comply, to be forced, to enjoin, приказывать*,

требовать, предписывать, принудить, подчиняться; фразеологизм – *to toe the line*.

«Авторитет» как мотив подчинения при установлении властных отношений соотносится с репрезентацией двух концептуальных характеристик – «контроль» и «влияние» в рамках первичной и вторичной интерпретации. Случаи вторичной интерпретации властных отношений отмечаются на основе активации когнитивных механизмов концептуальной метафоры, метонимии, метафтонимии и концептуального сравнения. Контекстуально дается указание на все обязательные и факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Представлены способы установления властных отношений: ДИКТАТ, УГРОЗА, УБЕЖДЕНИЕ. Языковые средства репрезентации властных отношений включают: имена существительные – *charisma, a view, power, a leader, начальник, подчиненный, уважение, авторитет, страх*; имя прилагательное – *obsequious*; глаголы – *to subordinate, to intimidate, повиноваться*; фразеологизмы – *to carry weight, a glowing ember of authority, быть на высоте*; сравнительная конструкция – *as a lighthouse of supremacy*.

Осмысление властных отношений на основе такого мотива подчинения как «превосходство в определенной области знаний» сопровождается репрезентацией только концептуальной характеристики «контроль». Формирование оценочного знания волевого воздействия опирается на объективацию механизмов концептуальной метафоры, инференции и концептуального сравнения, которые, в свою очередь, активируют концептуальные характеристики «контроль» и «влияние». Все компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ находятся в фокусе внимания наблюдателя. В качестве способа установления властных отношений выявлен способ ПРИНУЖДЕНИЕ. Выявляются следующие языковые средства репрезентации властных отношений: имена существительные – *domination, dominance, supremacy, seniority, a leader, ascendancy, гегемония, преимущество, старшинство*; имена прилагательные – *skilled, respected, старший*; глаголы – *to control, приказывать*; фразеологизмы – *to be in a battle for, to have sway, to be light years ahead, подняться по служебной лестнице, идти на*

поводу, поднять в два счета, быть на побегушках; сравнительная конструкция – as a figurehead.

Объективация властных отношений на основе мотива подчинения «шантаж» происходит за счет когнитивных механизмов метафоры и инференции, которые активируют концептуальные характеристики «контроль» и «сила». Установлено, что значимыми для наблюдателя выступают все обязательные компоненты и два факультативных компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, такие как цель и способ установления властных отношений: ДАВЛЕНИЕ, НАСИЛИЕ, УГРОЗА. В качестве средств репрезентации определены: имена существительные – *a boss, натиск, начальник, шантаж, монополист, работодатель*; глаголы – *to coerce, to throttle, to threaten, задушить*; фразеологизмы – *carrots and sticks, to put a squeeze on someone.*

5. Определено, что в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ значимыми являются такие мотивы подчинения при установлении властных отношений, как «получение выгоды», «закон», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж», «страх перед наказанием».

Установление властных отношений на основе мотива подчинения «получение выгоды» соотносится с объективацией концептуальных характеристик «контроль» и «влияние». Формирование оценочного знания осуществляется при реализации когнитивных механизмов инференции и метафоры, которые активируют все концептуальные характеристики фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: «контроль», «сила» и «влияние». В процессах репрезентации в фокусе внимания находятся все компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Выявлены такие способы установления властных отношений, как ПРИНУЖДЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ, ДИКТАТ, УБЕЖДЕНИЕ. Средствами языковой репрезентации выступают: имена существительные – *a toady, a command, leverage, condition, податливость, уступчивость, лидер, вознаграждение, давление*; имя прилагательное – *властный*; глаголы – *to fawn, to obey, to coerce, to convince, отговаривать*; фразеологизмы – *to boss around, плясать по дудку.*

Реализация властных отношений посредством мотива подчинения «закон» сопровождается объективацией концептуальной характеристики «контроль» в рамках первичной и вторичной интерпретации. Инференция выступает когнитивным механизмом формирования оценочного знания. В осмыслении властных отношений значимыми здесь являются все обязательные и факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Установлены такие способы реализации властных отношений, как ДИКТАТ и ПРИНУЖДЕНИЕ. Языковые средства репрезентации включают: имена существительные – *a rule, an instruction, норма, право*; глаголы и глагольные конструкции – *to obey, to be obligated, подчиняться*.

Мотив подчинения при установлении властных отношений «авторитет» сопровождается репрезентацией концептуальных характеристик «контроль» и «влияние». Отмечаются случаи оценочной интерпретации властных отношений за счет активации когнитивных механизмов инференции, метонимии и метафоры, которые объективируют все концептуальные характеристики. Контекстуально представлены все компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Определены такие способы установления властных отношений, как ДИКТАТ, ДАВЛЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ, УГРОЗА. К языковым средствам репрезентации властных отношений относятся: имена существительные – *authority, a command, obedience, an eminence, an image, a threat, власть, авторитет, давление, сила*; имена прилагательные – *authoritative, obedient, приказной, старший, младший, авторитарное*; глаголы – *to obey, to conform, to wheedle, главенствовать, подавлять, лидировать, поработить, властвовать, ослушаться, закабалить, навязать, уступить, прогнуться*; фразеологизмы – *to force someone's hand, to tie someone's apron strings, to call the shorts, to be the power behind the throne, the electric power of authority, to put someone on someone's place, поставить на место, держать в узде*.

Такие концептуальные характеристики, как «контроль» и «влияние», репрезентируются в рамках первичной и вторичной интерпретации в случае, когда мотивом подчинения выступает «превосходство в определенной области

знаний». Формирование оценочного знания о властных отношениях опирается на активацию механизмов концептуальной метафоры, инференции и концептуального сравнения. При этом в контексте примеров представлены все компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В качестве способов реализации властных отношений установлены ДАВЛЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ДИКТАТ, ПРИНУЖДЕНИЕ. Выявляются следующие средства репрезентации властных отношений: имена существительные – *superiority, a threat, supremacy, dependency, напор, воля, подчинение*; имена прилагательные – *сильный, слабый, рабский, хитрый*; глаголы и глагольные конструкции – *to be forced, to be swayed, покорять, подчинять, капитулировать*; фразеологизм – *to get someone by the short hairs*; сравнительные конструкции – *like a compass, как маяк*.

Установление властных отношений на основе мотива подчинения «шантаж» соотносится с репрезентацией характеристики «сила» в рамках первичной и вторичной интерпретации. Оценка волевого воздействия формируется за счет механизма инференции. Значимыми для наблюдателя выступают все обязательные и два факультативных компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – инструмент и способ установления властных отношений, в частности, УГРОЗА. В качестве средств репрезентации определены: имена существительные – *submissiveness, bullying, расправа, покорность*; глаголы – *to bounce into, to blackmail, to comply, грозить, угрожать*; фразеологизмы – *to give an ultimatum, выставить ультиматум, взять над кем-то власть*.

Характерным для данной концептуальной области является такой мотив подчинения как «страх перед наказанием», который соотносится с единственной концептуальной характеристикой волевого воздействия – «сила» как в рамках первичной, так и вторичной интерпретации. Оценка волевого воздействия формируется с учетом когнитивных механизмов концептуальной метафоры, инференции и концептуального сравнения. В контексте примеров объективируются обязательные и два факультативных компонента фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – инструмент и способ установления властных отношений НАСИЛИЕ. Языковыми средствами репрезентации являются: имена

существительные – *submissiveness, a punishment, a respect, меры, воля, уступчивость*; глаголы и глагольные конструкции – *to obey, to be shot, наказать*; фразеологизмы – *to be in charge, to be in trouble, to map out the violence, to read someone the riot act, to beat the daylights out of someone, прижать к ногтю*; сравнительная конструкция – *like a ton of bricks*.

6. На основе сопоставительного анализа установлены общие и частные показатели в моделировании властных отношений в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ на материале русского и английского языков. Волевое воздействие между субъектом и объектом осуществляется в ходе демонстрации контроля, влияния или силы доминирующей стороной. В качестве мотивов подчинения при установлении властных отношений выделены «получение выгоды», «авторитет», «закон», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж», которые представлены в контексте всех основных концептуальных областей. Только мотив подчинения «страх перед наказанием» находит отражение в контексте концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Общие закономерности и частные проявления в моделировании властных отношений наглядно представлены в пяти таблицах в разделе 2.4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило предложенную в начале работы гипотезу о том, что властные отношения моделируются в виде фрейма с обязательными (субъект властных отношений, акт властных отношений, объект властных отношений, мотив подчинения) и факультативными (инструмент, способ установления властных отношений, цель) компонентами и осмысляются в контексте основных концептуальных областей ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Важной является междисциплинарная связь в моделировании властных отношений в языке. Исследователи в области философии обращают внимание на роль государственных институтов и авторитета человека для оказания волевого воздействия, определяют области репрезентации властных отношений – государственная, корпоративная и межличностная.

В политологии властные отношения, являясь центральным объектом анализа, рассматриваются как инструмент формирования и поддержания политического режима. При этом на первый план выдвигается необходимость изучения манипулятивных стратегий и убеждений как методов установления лидерства и легитимации власти. Среди ресурсов, обеспечивающих властные полномочия субъекта, исследователями выделяются: закон, наделяющий власть легитимностью и нормативной базой; авторитет, формирующийся за счет уважения или страха перед субъектом власти; знания как инструмент контроля над информацией; финансовые ресурсы, обеспечивающие материальную основу власти; физическая сила, выступающая гарантом доминирования. Конфликтологический аспект властных отношений проявляется в модели «господство-подчинение», отражающей асимметрию распределения ресурсов между субъектом и объектом властного воздействия.

В области психологии рассматривается концепция «вертикаль власти», где стремление к власти постулируется как фундаментальная характеристика личности, определяющая ее авторитарный тип. Ключевыми мотивационными

факторами для индивидуумов, ориентированных на доминирование в социуме, является стремление к автономии, потребность в самоутверждении, демонстрация личных преимуществ и получение материальных благ. Особое внимание обращается на стратегии установления властных отношений.

В рамках социологии определены классификационные модели установления властных отношений по способам, целям и мотивам достижения власти, которые были взяты за основу структурирования эмпирической части исследования.

В лингвистических исследованиях акцент делается на анализе репрезентации властных отношений в разных типах дискурса. Другим фокусом исследования является определение концептуальной основы властных отношений и их рассмотрение в психолингвистическом и культурологическом контекстах.

В ходе проведенного анализа установлена концептуальная основа властных отношений в виде характеристик концептов SUBORDINATION/ПОДЧИНЕНИЕ, DOMINATION/ДОМИНИРОВАНИЕ, POWER/ВЛАСТЬ, с опорой на которые смоделирован фрейм ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Данный фрейм является пропозициональным с частичной событийностью. Фактологический анализ подтвердил базовый статус таких компонентов фрейма, как субъект властных отношений, акт властных отношений, объект властных отношений, мотив подчинения. К факультативным компонентам относятся цель, инструмент и способ установления властных отношений.

Объективация властных отношений с опорой на характеристики «контроль», «влияние», «сила» соотносится с мотивами подчинения «авторитет», «получение выгоды», «закон», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж» и «страх перед наказанием». При активации властных отношений имеет значимость частотность использования способа установления властных отношений. Он имеет несколько разновидностей: ДАВЛЕНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, ДИКТАТ, НАСИЛИЕ, УГРОЗА.

Определено, что в контексте концептуальной области ГОСУДАРСТВО в соотнесении с мотивами подчинения «получение выгоды», «закон», «авторитет» и «превосходство в определенной области знаний» демонстрируются все

характеристики, раскрывающие акт властных отношений – «контроль», «влияние» и «сила»; посредством мотива подчинения «шантаж» объективируются только характеристики «сила» и «влияние».

В контексте концептуальной области **КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** реализация властных отношений на основе мотивов подчинения «получение выгоды», «авторитет», «превосходство в определенной области знаний» сопровождается репрезентацией всех концептуальных характеристик, раскрывающих акт властных отношений – «контроль», «влияние» и «сила»; посредством мотива подчинения «закон» профилируется только характеристика «контроль»; только характеристики «сила» и «контроль» демонстрируются в ходе объективации властных отношений на основе мотива подчинения «шантаж».

Профилирование властных отношений на основе мотивов подчинения «получение выгоды» и «авторитет» в контексте концептуальной области **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** сопровождается объективацией всех концептуальных характеристик властных отношений: «сила», «контроль» и «влияние». Реализация мотива подчинения «закон» соотносится с такой характеристикой властных отношений, как «контроль». «Шантаж» и «страх перед наказанием» как мотивы подчинения сопровождаются активацией концептуальной характеристики «сила». Мотив подчинения «превосходство в определенной области знаний» демонстрирует концептуальные характеристики «контроль» и «влияние».

Общими показателями в моделировании властных отношений в контексте основных концептуальных областей **ГОСУДАРСТВО**, **КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** и **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** являются пять мотивов подчинения: «получение выгоды», «авторитет», «закон», «превосходство в определенной области знаний», «шантаж». В качестве дифференциального показателя выступает мотив подчинения «страх перед наказанием», который находит отражение только в контексте концептуальной области **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**. Отличительные черты выявлены в области активации характеристик волевого воздействия, а также отмечается

вариативность значимого факультативного компонента – способ установления властных отношений – в соотнесении с каждым из мотивов подчинения в проекции на три основные концептуальные области ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, в контексте которых осмысляются властные отношения (см. подробнее Таблицы 2-6 в разделе 2.4.).

Проведенный анализ позволил установить основные когнитивные механизмы, обеспечивающие формирование знания о властных отношениях, такие как профилирование, инференция, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная метафтонимия, концептуальное сравнение. Среди языковых механизмов выделены фразеологизмы, сравнительные конструкции, глагольные конструкции, номинация.

Значимыми в формировании знания о властных отношениях являются два типа языковой интерпретации – первичная и вторичная, что соотносится с принципом антропоцентризма как основным принципом в осмыслении процессов формирования знания об окружающем мире.

Перспектива исследования заключается в использовании полученных результатов при исследовании властных отношений на материале других языков, а также в моделировании структур знания о других явлениях окружающей действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Психология власти // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ», 1999. – С. 233-239.
2. Александров В.А. Ключевский Василий Осипович // История СССР. – М.: Институт истории Академии наук СССР, 1991. – № 5. – С. 57-69.
3. Алексеев А.Б., Сорокина Э.А. Стратегии власти в политическом дискурсе: анализ ситуации общения равноправных коммуникантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т.15. – № 3. – С. 715-734.
4. Алексеева Т.А. Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М.: Наука, 1997. – Т.2. – С. 644-655.
5. Амеленков А.А., Викулина М.А., Ускова Т.В. Концептуализация образа власти: анализ результатов ассоциативного эксперимента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 10 (839). – С. 25-38.
6. Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. – 1992. – Т.1. – № 2. – С. 24-31.
7. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина; Под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
8. Арендт Х. Традиция политической мысли // Логос. – 2012. – № 3 (87). – С. 18-35.
9. Ачкасов В.А. Политология: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2024. – 372 с.
10. Ашинова И.В. Репрезентация концепта «Власть» в гламурном дискурсе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12-1. – С. 22-25.
11. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная

монография. – М.; Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 128-149.

12. Бабина Л.В. Интерпретирующий потенциал производных слов в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1 (48). – С. 159-178.

13. Балашова Л.В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 9-14.

14. Балашова Л.В. Идиомы со значением «Власть» в современном российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 12-21.

15. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М.: Политиздат, 1989. – 623 с.

16. Барт Р. S/Z. / Пер. с фр. 2-е изд., испр.; под ред. Г. К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.

17. Безукладова И.Ю. Интерпретация как основа эгоцентрической категоризации пространства // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXIII. – 2015. – С. 547-554.

18. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 82-157.

19. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания языковой картины мира: типы когнитивных структур // Когнитивные исследования языка. Вып. 1 (48): Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2022. – С. 80-105.

20. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: Хранитель, 2006. – 349 с.

21. Берзина Г.П. Интерпретирующая функция категории уступительности // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 352-370.

22. Блаженный А. О Граде Божьем // Творения. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с.
23. Бойкова И.Б. Языковая репрезентация черт национального менталитета в сопоставительном аспекте (русско-немецкие параллели) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т.16. – № 11. – С. 3853-3859.
24. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33(248). – Вып. 60. – С. 11-16.
25. Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 2(31). – С. 5-15.
26. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XIX. – С. 20-28.
27. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10-20.
28. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – с. 19-81.
29. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 2018. – 480 с.
30. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – 5-е издание. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – 236 с.
31. Болдырев Н.Н. Оценочная концептуализация как фактор развития языковой картины мира // Александровский сборник: Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой. – М.: Издательство «Наука», 2022. – С. 46-57.
32. Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. – М.: Издательство Наука, 1993. – 603 с.

33. Бурганова Л.А., Савкина Е.Г. Теория управления Э. Мэйо. – Казань: Изд-во КГТУ, 2007. – 159 с.
34. Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87-96.
35. Васильев А.Д. Вербализация концепта власть в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 2 (32). – С. 207-213.
36. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147-156.
37. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. // пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Т.1. Социология. – 445 с.
38. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. – М.: 1993. – Вып. 3. – С. 185-206.
39. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение сложного предложения: когнитивные основы: монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – 221 с.
40. Вражнова И.Г. Метафорическая репрезентация властных структур в современных российских и американских СМИ // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – Вып. 4. – Т.9. – С. 25-32.
41. Гаврилова М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2006. – Т.2. – № 1. – С. 98-108.
42. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
43. Герцен А.И. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1987. – 542 с.

44. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. яз. А. Гутермана. – М.: АСТ, 2021. – 800 с.
45. Гогенко В.В., Палашевская И.В. Языковая репрезентация власти в раннесредневековой англосаксонской лингвокультуре (на материале поэмы «Беовульф» и «Англосаксонские хроники») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т.15. – № 10. – С. 3249-3254.
46. Гольдберг В.Б. Образное сравнение как модель познания // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – № 21. – С. 210-215.
47. Гольдберг В.Б. Образное сравнение с позиций семиотики и концептологии // Когнитивные исследования языка. – 2015б. – № 22. – С. 207-209.
48. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 394 с.
49. Данто А. Ницше как философ. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2001. – 280 с.
50. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142-147.
51. Дебре Р. Введение в медиологию. – М.: Праксис-ВЦИОМ, 2009. – 361 с.
52. Дейк Т.А. ван. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: 1988. – С. 153-211.
53. Демидова Е.Е. Макроконцепт ВЛАСТЬ в аспекте мотивирующих признаков // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т.15. – № 4 (44). – С. 430-437.
54. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и объект лингвистики // Вопросы филологии. – 1999. – № 2. – с. 5-13.
55. Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. – 1997. – № 1. – С. 202-212.
56. Дрыгина Ю.А. Метафорическое представление базового концепта управленческого дискурса // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Т.2. – № 2. – С. 27-31.

57. Дубровская О.Г. Интерпретация в дискурсе: субъект как интерпретатор мира и знаний о мире // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 371-395.

58. Дутова Н.В. Коммуникативные стратегии и тактики в аспекте культурологического параметра «дистанция власти» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-3(90). – С. 513-525.

59. Ерофеева И.В. Концепт власть в медиадискурсе: дихотомия репрезентации // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 1 (52). – С. 167-171.

60. Ерофеева Т.И., Миненко Е.В. Лексема власть/power в наивном представлении русских и англичан // Перспективы науки. – 2019. – № 5(116). – С. 268-273.

61. Закурдаева Н.В. Особенности репрезентации конфронтационных речевых стратегий подчинения и уговаривания в повседневном бытовом общении // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3(50). – С. 68-78.

62. Зиско О.Ю. Репрезентация конфронтационной коммуникативной стратегии подчинения и убеждения при помощи имплицитного приказа в выступлениях Нэнси Пелоси // Российский лингвистический бюллетень. – 2025. – № 10(70).

63. Илиева Д.И. Ядро концепта «власть» и его приядерная зона со смысловым концептом «подчинение» сквозь призму болгарских паремий // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2013. – № 4(12). – С. 66-73.

64. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дисс. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Иссерс Ольга Сергеевна. – Омск, 1999. – 385 с.

65. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т.: к 125-летию Восстания декабристов. Т. 3: Общество соединенных славян; Декабристы в Сибири; О влиянии декабристов на развитие русской общественной мысли / МГУ им. М.В. Ломоносова, Кафедра истории

русской философии; общая ред. и вступ. ст. И. Я. Щипанов; подготовка текста и примеч. С. Я. Штрайх. – М.: Госполитиздат, 1951. – 467 с.

66. Каверин С.Б. Потребность власти. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

67. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений в 8 т. – Т.6. – М.: ЧОРО, 1994. – 613 с.

68. Карамова А.А. Средства репрезентации концепта «власть» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ парламентских выборов 2021 г.) // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5(95). – С. 73-81.

69. Карасик В.И., Китанина Э.А. Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. – 2023. – Т.21. – № 1. – С. 97-110.

70. Кипенко М.В., Лопарева Д.К. Концепт ВЛАСТЬ в современной публицистике: аксиологический аспект. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 168 с.

71. Клепцова Е.Ю. Виды межличностных отношений // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т.15. – № 2-2. – С. 382-387.

72. Ковалевский П.И. Русский национализм и национально воспитание. – М.: Центрполиграф, 2017. – 416 с.

73. Кожев А. Понятие власти. – М.: Праксис, 2006. – 192 с.

74. Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации глагола: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Козлова Елена Александровна. – Тамбов, 2001. – 154 с.

75. Кокорина К.А. Репрезентация концепта “Power” / «Сила» в дискурсе политика (на материале публичных выступлений Терезы Мей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кокорина Ксения Александровна. – Москва, 2021. – 22 с.

76. Колобкова Л.В. Оценочные прилагательные как средство создания образа власти в современной польской прессе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2008. – № 8. – С. 38-43.

77. Коноваленко И.В. Структура концепта «власть» (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3(61). – С. 168-171.

78. Коновалова Л.А. Стратегия удержания власти в речевом поведении немецких политических лидеров (на примере Ангелы Меркель) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-2(63). – С. 112-114.

79. Конфисахор А.Г. Психология власти. – СПб.: Питер, 2004. – 235 с.

80. Копылова Н.В. Когнитивная модель беседы, развертывающейся в условиях реализации стратегий власти и подчинения // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2007. – № 1-2(29). – С. 157-159.

81. Копылова Н.В. Паралингвистические средства выражения стратегий власти и подчинения // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы международной научно-практической конференции, Рязань, 29 ноября 2007 года. Т.2. – Рязань: Рязанский институт управления и права, 2008. – С. 45-48.

82. Копылова Н.В. Стратегия власти и подчинения в английском разговорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Копылова Наталья Владимировна. – Иркутск, 2008. – 203 с.

83. Котлярова О.В. Эволюционирование культурно-значимого концепта «власть» в русской языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1(423). – С. 86-91.

84. Красильникова Е.А. Глаголы власти в современном немецком языке: семантика и валентностные свойства: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Красильникова Елена Александровна. – Тамбов, 2007. – 238 с.

85. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – 638 с.

86. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 1997. – 326 с.

87. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 144-238.
88. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
89. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И.Ю. Авидон. – СПб.: Речь, 2000. – 408 с.
90. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
91. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Основания легального авторитета: манипуляция и убеждение // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 8-20.
92. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Концептуальный анализ власти и «лингвистические аргументы» // Politbook. – 2016. – № 2. – С. 26-39.
93. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: 1974. – Т.33. – С. 18-20, 24-26, 42-44, 82-83, 86-91, 98-102.
94. Леонтьев К. Записки отшельника. – М.: Русская книга, 1992. – 540 с.
95. Литвинов Я.В., Смирнова А.Г. “Power” / «Власть»: особенности интерпретации и перевода в политологическом контексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 14-20.
96. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т.3. – С. 263, 264, 270-272, 317, 318, 334-338.
97. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 477 с.
98. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
99. Лучинская Е.Н., Кабаньян Б.С. Концептуализация понятий «народ» / «власть» в общественно-политическом журнальном дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т.10. – № 1. – С. 113-118.

100. Магировская О.В. Конструирование картины мира в пословицах и поговорках: основные модели и механизмы интерпретации // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 455-476.
101. Макиавелли Н. Государь. – М.: Современный гуманитарный институт, 2000. – 153 с.
102. Манегетти А. Психология лидера. – М.: Дело, 2007. – 114 с.
103. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т.23. – 907 с.
104. Мартынов М.Ю. Пространственная семантика концепта власть в русской политической культуре // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 252-259.
105. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
106. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
107. Михайлов А.П. Моделирование древнейших семантических слоев концепта «Власть» // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 213-218.
108. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 107-116.
109. Моска Г. Политическая мысль Новейшего времени. Персоналии, идеи, концепции: Краткий справочник // Сост. Михайлова Е.М. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2010. – С. 22.
110. Никишина О.А., Салькаева А.Н., Пестова Е.В. Общая характеристика процесса реализации властных отношений в пенитенциарном дискурсе // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2017. – № 4. – С. 7.
111. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
112. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. – 150 с.

113. Панасенко Л.А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий: монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 201 с.

114. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М.: 1997. – Т.2. – С. 59-67.

115. Печагина Т.В. Концепт «Власть» в немецкой детской фэнтези // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 166-168.

116. Пильгун М.А. Трансформация семантических представлений и лексических ассоциаций: понятие «власть» // Филология и культура. – 2019. – № 4(58). – С. 100-107.

117. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2012. – № 17. – С. 147-153.

118. Пионткевич Л.Ю. Феномен власти: проблема концептуализации // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 308. – С. 41-49.

119. Попова Д.А. Особенности языковой репрезентации концепта власть в британском варианте английского языка (на материале газетных текстов) // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2022. – № 20. – С. 149-161.

120. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.2. – 528 с. – С. 138-179.

121. Пронина Н.Р. Взаимосвязь мотивационно-потребностных характеристик и склонности к лидерству // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 242-246.

122. Руссо Ж.Ж. Трактаты / [Переводы] / Подготовили В. С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин; [Коммент. В.С. Алексеева-Попова и Л.В. Борщевской]. – М.: Наука, 1969. – 703 с.

123. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. – 1993. – № 2. – С. 80-89.

124. Слепнев А.В. Государство как субъект правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Слепнев Андрей Вячеславович. – Москва, 2009. – 24 с.

125. Слепцова С.В., Акиншина И.Б., Ломоносова Ю.М. Эфемизмы в языке французской публицистики (на основе тематической группы «власть и политика») // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2023. – № 1 (118). – С. 52-58.

126. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. – М.: 1989. – Т.2. – С. 549-561.

127. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. – 351 с.

128. Стронин А.И. Политика как наука. – СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1872. – 530 с. (Переиздана репринтом в 2017).

129. Талиашвили М.Ф., Голованева М.А. Способы реализации речевой стратегии подчинения в блогах политиков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т.39. – С. 1706-1710.

130. Тахтарова С.С. Концепты Macht и Herrarchie в немецкой лингвокультуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2013. – № 2(18). – С. 127-131.

131. Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды // Сочинения: в 2 т. – М., 1976. – Т.2. – С. 12-13, 16-19, 23-25, 26, 29, 31, 34-35, 36-39.

132. Трудовой Кодекс Российской Федерации. Статья 15. Трудовые отношения [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/823fdde09a529d3735916a9fc1fe8d29ee04afb (дата обращения: 01.04.2025).

133. Тихомиров Ю.А. Государство: монография. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. – 320 с.

134. Устарханов Р.И. Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ: автореф. дисс. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Устарханов Рашид Ибрагимович. – Пятигорск, 2006. – 22 с.

135. Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 630-647.

136. Федько М.В. К исследованию лексико-семантической группы власть в готском и древнеисландском языках (на примере подгруппы правитель): опыт этимологической стратификации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2014. – № 1. – С. 231-238.

137. Федько М.В. Этимологическая стратификация и функционирование лексико-семантической группы «власть» в готском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-3 (60). – С. 145-148.

138. Федько М.В. Принципы номинации лексики власти в индоевропейских языках (на материале древнегреческого, латинского, балтийских, славянских и кельтских языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-3(66). – С. 172-175.

139. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

140. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство // Сочинения: в 2 т. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.2. – 798 с.

141. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.

142. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я»: сборник / пер. с нем. А.Н. Анваера. – М.: АСТ, 2017. – 253 с.

143. Фромм Э. Авторитарная личности // Психология и психоанализ власти. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. – С. 98-130.

144. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

145. Фурс Л.А. Интерпретация мира в синтаксисе // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 328-351.

146. Фурс Л.А. Доминантный принцип формирования смысла предложения и его связь с метакогницией // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 4 (43). – С. 167-187.

147. Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Афористическое отражение концептов ВЛАСТЬ и ПОЛИТИК в региональных СМИ (на материале татарского и марийского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 2. – С. 62-70.

148. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник / пер. с нем., под ред. А. Л. Доброхотова. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

149. Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. – СПб. : Владимир Даль, 2006. – 604 с.

150. Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 30-62.

151. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.

152. Хомяков А.С. Избранные философские сочинения в 2 т. Том 1. – М.: Юрайт, 2024. – 372 с.

153. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Собрание сочинений в 3 томах. – М.: Изд-во «Смысл», 1997. – Т.1. – 495 с.

154. Царькова О.А. Особенности реализации термина «authority» в публичных выступлениях Дональда Трампа: семантика, синтагматика и прагматика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т.15. – № 4. – С. 1206-1212.

155. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. Аксиологическая специфика концепта власть в семантической структуре фразеологических единиц русского и английского языков // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – Т.1. – № 1(1). – С. 72-79.

156. Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. / редкол.: М.Б. Митин (пред.); ред. изд. И.К. Пантин; сост. и авт. примеч. Л.В. Поляков. – М.: Мысль, 1987. – Т. 2. – 687 с.

157. Чиронова И.И. Национальная специфика концепта власть в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 48-56.

158. Чичерин Б. Курс государственной науки. – М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1894-1898. – Ч. 3: Политика. – 1898. – 556 с.

159. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. – Екатеринбург: Изд. УрГПУ, 2013. – 176 с.

160. Шабанова А.А. Репрезентация концепта власть/power в американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шабанова Анастасия Александровна. – Ульяновск, 2011. – 159 с.

161. Шевченко О.К. Методологические перспективы исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 75-83.

162. Шевченко О.К. Хронотопность понятия «власть» в русском языке (к вопросу об археологии власти в русском тексте) // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 476. – С. 111-120.

163. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка: коллективная монография / А.П. Бабушкин, С.С. Беркнер, Л.Г. Васильев [и др.]. – Воронеж, 2001. – С. 57-64.

164. Шукуров Н.Н. Феномен «власть» – фрагмент концептуальной картины мира // Вопросы науки и образования. – 2020. – № 41(125). – С. 21-25.

165. Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира: на материале художественных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Щеболева Ирина Борисовна. – Ростов н/Д, 2008. – 25 с.

166. Шмитт К. Понятие политического. – Киев: КНТ, 2021. – 672 с.

167. Юнг К.Г. Диагностируя диктаторов // В. Одайник Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – СПб.: Ювента, 1996. – С. 344-361.

168. Allport G. *Personality and social encounter*. – Boston: Beacon Press, 1960. – 386 p.
169. Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. – New York, 1986. – 371 p.
170. Bachrach P., Baratz M.S. *Two Faces of Power* // *The American Political Science Review*. – American Political Science Association, 1962. – Vol. 56. – №4. – pp. 947-952.
171. Chomsky N. *Syntactic Structures*. – Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2002. – 117 p.
172. Clegg S.R., Haugaard M. *Discourse of power* // *The Sage handbook of power* / ed. by Stewart R. Clegg and Mark Haugaard. – London: Sage, 2009. – pp. 400-465.
173. Dahl R. *The concept of power* // *Behavioural Science*. – 1957. – Vol. 2. – №3. – pp. 201-215.
174. Dean M. *Governmentality: Power and rule in modern society*. – London: Sage, 2010. – 304 p.
175. Feyaerts K. *Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies* // *Metaphor and metonymy at the crossroads: a cognitive perspective* / ed. by Antonio Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – pp. 58-78.
176. Foucault M. *The subject and power* // *Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics* / ed. by H. Dreyfus, P. Rabinow. – London: Harvester Wheatsheaf, 1982. – pp. 208-226.
177. French J. R. P., Raven B. *The bases of social power* // *Studies in Social Power* / ed. D. Cartwright. – Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1959. – pp. 150-167.
178. Gisbourne N. *The attributive structure, evidential meaning, and the semantics of English SOUND-class verbs* // *UCL Working Papers in Linguistics*. – 1998. – Vol.10. – pp. 398-413.
179. Goossens L. *Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action* // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*

/ ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – pp. 349-377.

180. Habermas J. The theory of communicative action / translated by Thomas McCarthy. – Vol. 2: Lifeworld and system. – Boston: Beacon Press, 1987. – 396 p.

181. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge: MIT Press, 1983. – 214 p.

182. Kelly M.G.E. Foucault and Politics: A Critical Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. – 197 p.

183. Lakoff G. Cognitive models and prototype theory // Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization / ed. by U. Neisser. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – pp. 391-421.

184. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization: Cognitive Linguistics Research. – Berlin: GmbH & Co. KG, 2000. – 427 p.

185. Lasswell H.D. Psychopathology and politics. – Chicago, 1931. – 358 p.

186. Lukes S. Power: a radical view. – 2nd ed. – Houndsmills: Palgrave Macmillan, 2005. – 204 p.

187. Mead G.H. Selected writings / ed. by A.J. Reck. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 488 p.

188. Minsky M. A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding / ed. D. Metzger. – Boston; New York: Mouton de Gruyter, 1980. – pp. 1-25.

189. Murray H.A. Toward a classification of interaction // Toward a general theory of action. – Cambridge: Mass. Publ., 1951. – P. 215.

190. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – pp. 57-149.

191. Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy // Metonymy in language and thought / ed. by K. Panther, G. Radden. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. – pp. 17-61.

192. Rogers C. On personal power: inner strength and its revolutionary impact. – Philadelphia: Trans-Atlantic Publications, 1977. – 305 p.

193. Ruiz de Mendoza F.-J., Velasco O.I.D. High-level action metonymies in English and Spanish // Jezikoslovlje. – Filozofski fakultet, Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera, Osijek, 2003. – Vol. 4. – №1. – pp. 121-138.

194. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – London: Routledge, 2006. – 400 p.

195. Warren B. Distinguishing between metaphor and metonymy // Studies in Anglistics / ed. by G. Melchers, B. Warren. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1995. – pp. 137-150.

196. Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. – New York: Bedminster Press, 1968. – Vol. 1. – 1469 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – М.: АСТ, Харвест. 1998. – 800 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т.1. – 1086 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с.
6. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 416 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 785 с.
8. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка: в 2-х т. / под редакцией профессора В. В. Морковкина; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. А-О. – М.: Грамота: АСТ-Пресс Школа, 2022. – 751 с.
9. Политологический словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: <https://1336.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.05.2025).
10. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп.. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 478 с.
11. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 04.03.2025).
12. Словарь русской идиоматики [Электронный ресурс]. URL: <https://idiomatika.academic.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).

13. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. – 702 с.

14. Словарь синонимов русского языка онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 04.03.2025).

15. Социологический энциклопедический словарь / под ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: ИНФА.М-НОРМА, 1998. – 488 с.

16. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 02.03.2025).

17. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшнз [Электронный ресурс]. URL: <https://1257.slovaronline.com/> (дата обращения: 14.03.2025).

18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков // URL: <https://profspo.ru/books/44160> (дата обращения: 01.01.2025).

19. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 569 с.

20. Федерализм: Энциклопедический словарь / гл. ред. С.Д. Валентей. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 288 с.

21. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 11.03.2025).

22. A Dictionary of Media and Communication / ed. by D. Chandler, R. Munday – Oxford: OUP, 2011. – 472 p.

23. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 11.03.2025).

24. Collin's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 03.02.2025).

25. English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vocabulary.com/> (дата обращения: 11.05.2025).

26. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 09.05.2025).

27. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 21.06.2024).

28. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 09.05.2025).

29. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 09.05.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Грамота.ру – справочно-информационный портал о русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).
2. Известия – новости политики, экономики, спорта и культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 25.01.2025).
3. Информационно-поисковая система «Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты» [Электронный ресурс]. URL: <https://lexrus.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Коммерсантъ: последние новости России и мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 19.01.2025).
6. Не забывай, что, может быть, ты маяк в чьей-то буре – Coffee Time [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coffeetimejournal.com/ne-zabyvaj-что-mozhet-byt-ty-mayak-v-chej-to-bure/> (дата обращения: 18.03.2025).
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).
8. Новости сегодня в России и мире – Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 12.01.2025).
9. Предписание о поверке (замене) прибора учета в связи с истечением срока межпроверочного интервала [Электронный ресурс]. URL: <https://ukks23.ru/news/316.html> (дата обращения: 14.04.2025).
10. Почему работодатель не может принудить сотрудников работать в государственные праздники? – Библиотека Нейро [Электронный ресурс]. URL: https://ya.ru/neurum/c/drugoe/q/pochemu_rabotodatel_ne_mozhet_prinudit_sotrudniko_v_18d5df5e (дата обращения: 20.04.2025).
11. «Слово – ключ, открывающий сердца» (китайская мудрость) [Электронный ресурс]. URL: <https://wordru.ru/slovo-klyuch-otkryvayushhij-serdca-kitajskaya-mudrost/> (дата обращения: 01.04.2024).

12. ТАСС: Новости в России и мире [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 02.02.2025).

13. Тезаурус русского языка RuWordNet [Электронный ресурс]. URL: <https://ruwordnet.ru/ru> (дата обращения: 05.05.2025).

14. Breaking News, World News and Video from Al Jazeera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/> (дата обращения: 08.02.2025).

15. British National Corpora [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 08.02.2025).

16. Courthouse News Service | Probably the best news site in the world [Электронный ресурс]. URL: <https://www.courthousenews.com> (дата обращения: 08.02.2025).

17. CS-CONFIG – Конфиги и прицелы PRO игроков, ютуберов и стримеров по CS2 – CFG CS 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cs-config.ru/allnews/smi> (дата обращения: 02.03.2025).

18. DW: Новости и аналитика о Германии, России, Украине ... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 04.03.2025).

19. English idioms: themes and alphabetical lists with meaning | Learn English Today [Электронный ресурс]. URL: https://www.learn-english-today.com/idioms/idioms_proverbs.html (дата обращения: 01.05.2025).

20. Idiom Insider – Discover the Fun is Phrases [Электронный ресурс]. URL: <https://idiominsider.com/> (дата обращения: 15.05.2025).

21. Interpersonal Relationship | Encyclopedia MDPI [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.pub/entry/54114> (дата обращения: 01.05.2025).

22. Lenta.ru – Новости России и мира сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles> (дата обращения: 13.04.2025).

23. Ludwig Guru [Электронный ресурс]. URL: <https://ludwig.guru> (дата обращения: 16.04.2025).

24. The living daylights – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_living_daylights (дата обращения: 01.05.2025).

25. Turkish News – Latest News from Turkey – Hürriyet Daily News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/> (дата обращения: 03.03.2025).

26. Washington Times – Politics, Breaking News, US and World News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtontimes.com/> (дата обращения: 20.01.2025).